ВЛАДИМІРЪ ДЕНЪ

КЪ УЧЕНІЮ О ЦѢННОСТИ

ДЗЗ

6506

ТРИ ОЧЕРКА

I. Адамъ Смитъ.—II. Давидъ Рикардо.—
III. Карлъ Родбертусъ-Ягецовъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13
1895

Ж

Ⓚ

Пров. 1959

Пр.

Пров 36

8 В.23
Д33

6506

I.

АДАМЪ СМИТЪ.

АДАМЪ СМИТЪ.

Трудно найти писателя, на долю котораго выпалъ бы такой громадный успѣхъ и который оказалъ бы такое громадное вліяніе на своихъ современниковъ, на послѣдующее законодательство и на дальнѣйшую науку, какъ Адамъ Смитъ. Недаромъ одинъ нѣмецкій писатель въ 1810 г. находилъ, что, наряду съ Наполеономъ, Смитъ является могущественнѣйшимъ монархомъ въ Европѣ [1]).

Въ нашу задачу не входитъ дать полную оцѣнку значенія А. Смита. Замѣтимъ только, что ему принадлежитъ громадная заслуга, заключающаяся въ томъ, что онъ на первый планъ выдвинулъ экономическое значеніе труда. Хотя предшественники Смита, физіократы, также не отрицали значенія труда, но, введенные въ заблужденіе поземельною рентою, они трудъ самъ по себѣ считали безплоднымъ и признавали его производительнымъ лишь въ земледѣліи, гдѣ, по ихъ мнѣнію, усиліямъ человѣка содѣйствуетъ природа. Такимъ

образомъ, они первенствующее мѣсто въ экономической жизни отдавали природѣ.

Иное дѣло Смитъ. Въ самое основаніе своей системы онъ ставитъ воззрѣніе, что богатство какого-нибудь народа зависитъ отъ двухъ обстоятельствъ: отъ степени раздѣленія труда и отъ отношенія между производительнымъ населеніемъ, т. е. тѣмъ, которое занято въ матерьяльномъ производствѣ, и непроизводительнымъ. Вліяніе этихъ-то двухъ обстоятельствъ Смитъ и разсматриваетъ въ двухъ первыхъ книгахъ своего труда, заключающихъ въ себѣ теоретическую сторону его ученія.

Но мы напрасно стали бы думать, что Смиту черезъ все свое ученіе удалось послѣдовательно провести свое воззрѣніе о первенствующей роли труда. Напротивъ, наряду съ этими зачатками новаго воззрѣнія, мы у Смита встрѣчаемъ много чертъ, заимствованныхъ у физіократовъ. Ученіе его не носитъ на себѣ цѣльнаго характера. Если, тѣмъ не менѣе, съ именемъ Смита связалось представленіе о внесеніи въ политическую экономію новаго принципа, трудового, то это лишь благодаря тому, что Смитъ съ первыхъ же главъ своего труда приковываетъ къ нему вниманіе читателя, разсказывая ему о тѣхъ успѣхахъ, которые достигаются раздѣленіемъ труда. Эти главы оставляютъ на читателѣ столь сильное впечатлѣніе, что онъ уже какъ бы не замѣчаетъ тѣхъ физіократическихъ отголосковъ, которые онъ встрѣчаетъ при дальнѣйшемъ чтеніи. Не мало способствуетъ этому и суровый приговоръ самого Смита надъ физіо-

кратами. Однако отъ внимательнаго читателя эти физіократическіе отголоски не ускользнутъ, и не мало усилій придется потратить ему на то, чтобы сочетать это странное сплетеніе новаго съ старымъ. Этимъ объясняется то удивительное разнообразіе мнѣній, высказываемыхъ въ литературѣ относительно теоріи Смита. Такъ, напримѣръ, между тѣмъ какъ нѣкоторые думаютъ, что по Смиту единственнымъ источникомъ богатства и цѣнности является трудъ [2]), другіе прямо относятъ Смита къ физіократамъ [3]). Уже у Рикардо мы находимъ примѣръ такого разнорѣчія: въ то время, какъ онъ въ главѣ о рентѣ упрекаетъ Смита за мнѣніе его, что въ земледѣліи «природа помогаетъ человѣку, и хотя трудъ ея ничего не стоитъ, тѣмъ не менѣе продуктъ ея имѣетъ цѣнность», [4])—онъ въ главѣ «объ относительныхъ свойствахъ цѣнности и богатства» говоритъ: «Но хотя Смитъ, опредѣливъ богатство какъ изобиліе необходимыхъ, полезныхъ и пріятныхъ вещей, и согласился бы съ тѣмъ, что машины и силы природы могутъ значительно увеличить богатство страны, но онъ не допустилъ бы, что онѣ присоединяютъ что-либо къ цѣнности этого богатства» [5]).

Изъ послѣдующаго изложенія мы увидимъ, что вліяніе физіократовъ на Смита было сильнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ *).

---

*) Мы цитируемъ Смита по англійскому изданію Макъ-Кулоха: «An inquiry into the nature and causes of the wealth of Nations by Adam Smith, with the life of the author, an in-

I.

Смитъ начинаетъ свою книгу словами: «Годичный трудъ каждой націи составляетъ источникъ, доставляющій ей всѣ предметы необходимости и удобства, которые она ежегодно потребляетъ, причемъ предметы эти либо являются непосредственнымъ продуктомъ этого труда, либо получены въ обмѣнъ за продукты этого труда отъ другихъ націй».

На основаніи этихъ словъ можно бы подумать, что Смитъ считалъ трудъ единственнымъ источникомъ богатства[6]). Но уже на слѣдующей страницѣ, въ концѣ «Введенія», онъ къ слову «богатство» присоединяетъ въ видѣ приложенія формулу «годичный продуктъ земли и труда общества [7])». Эту формулу, въ видѣ объясненія къ слову «богатство», мы много разъ можемъ встрѣтить въ теченіе изложенія Смита. При этомъ нужно замѣтить, что, хотя Смитъ, какъ видно изъ заглавія его книги, и ставилъ себѣ задачею изслѣдовать природу и причину богатства народовъ, онъ нигдѣ не

---

troductory discourse, notes and supplementary dissertations by I. K. M'Coulloch, Edinburgh, 1889». При этомъ первая цифра (римская) означаетъ книгу, вторая—главу, третья—страницу. Большинство цитатъ мы приводимъ на русскомъ языкѣ, причемъ мы не сочли возможнымъ воспользоваться переводомъ Бибикова (Адамъ Смитъ, Изслѣдованіе о причинахъ богатства народовъ, Спб., 1866), который изобилуетъ ошибками. Переводъ Щепкина (Адамъ Смитъ. Изслѣдованіе о богатствѣ народовъ) вышелъ, когда приводимыя нами цитаты уже были переведены.

даетъ намъ опредѣленія того, что онъ разумѣетъ подъ богатствомъ, какъ онъ даетъ намъ опредѣленіе цѣнности, цѣны, заработной платы, ренты, капитала и т. д., но присоединяетъ упомянутую формулу къ слову богатство какъ нѣчто общеизвѣстное, понятное и безъ всякихъ опредѣленій.

Спрашивается: откуда взялась у Смита эта формула?

Обратимся къ физіократамъ.

Физіократы ставили богатство какой нибудь страны въ зависимость отъ «годичнаго воспроизведенія» или, какъ они выражались, отъ «годичной репродукціи» (reproduction annuelle). Но при этомъ, какъ сказано выше, они считали трудъ производительнымъ лишь въ земледѣліи, такъ какъ лишь въ замледѣліи, въ силу содѣйствія природы, онъ сверхъ издержекъ производства создаетъ извѣстный излишекъ, который они называли «produit net». Въ обрабатывающей промышленности и въ торговлѣ природа не оказываетъ человѣку никакого содѣйствія; вслѣдствіе этого и трудъ здѣсь безплоденъ (stérile); онъ не создаетъ ничего новаго, а лишь покрываетъ издержки производства. Поэтому и богатство физіократы видѣли лишь въ сырыхъ произведеніяхъ земли [8]), источникомъ же его считали лишь земледѣльческій трудъ и природу [9]).

Но иногда физіократы шли еще дальше, хотя при этомъ они поступали лишь вполнѣ послѣдовательно. Дѣйствительно, если продукты обрабатывающей промышленности не имѣютъ значенія элементовъ богатства, такъ какъ они возмѣщаютъ лишь издержки, по-

траченныя на ихъ производство, то, очевидно, и та часть земледѣльческаго продукта, которая идетъ на покрытіе издержекъ производства, не должна считаться богатствомъ; отсюда выводъ, что лишь тѣ продукты земли суть богатство, которые входятъ въ составъ упомянутаго выше излишка или produit net. Этотъ выводъ мы, дѣйствительно, и встрѣчаемъ у физіократовъ [10]). Такъ какъ produit net есть результатъ щедрости природы, то здѣсь единственнымъ источникомъ богатства является природа [11]).

Но наряду съ этими двумя воззрѣніями мы находимъ у физіократовъ еще третье, причемъ всѣ три воззрѣнія, какъ справедливо замѣчаетъ Лезеръ, переплетаются другъ съ другомъ у однихъ и тѣхъ-же представителей физіократической школы [12]). Правда, что это воззрѣніе встрѣчается у физіократовъ — за исключеніемъ Гурнэ и Тюрго, у которыхъ оно преобладаетъ — лишь изрѣдка; тѣмъ не менѣе, мы встрѣчаемъ его уже у основателя школы, Кенэ [13]). Сообразно съ этимъ третьимъ воззрѣніемъ, богатство какой-нибудь страны дѣлится на двѣ большія категоріи: 1) продукты земледѣлія и 2) продукты обрабатывающей промышленности; источникомъ богатства первой категоріи является природа и трудъ; источникомъ второй — трудъ. Такимъ образомъ и здѣсь земледѣльческому труду отдается извѣстное преимущество, такъ какъ ему содѣйствуетъ природа, но производительнымъ трудъ считается и въ обрабатывающей промышленности [14]).

При этомъ, хотя физіократы и сознавали, что сырыя

земледѣльческія произведенія являются продуктомъ не только земли, но и труда, они, тѣмъ не менѣе, часто противопоставляли ихъ, подъ именемъ «произведеній земли» (productions de la terre) [15]), произведеніямъ мануфактурной промышленности, которыя они называли «произведеніями труда» (productions de l'industrie) [16]). Такимъ образомъ третье воззрѣніе физіократовъ на богатство могло бы найти полное свое выраженіе въ формулѣ: «productions annuelles de la terre et de l'industrie»; и мы, дѣйствительно, эту формулу и находимъ у одного изъ физіократовъ, Гурнэ. А именно, въ Eloge de Gournay», написанномъ Тюрго скоро послѣ смерти Гурнэ (1759) и заключающемъ въ себѣ очеркъ воззрѣній послѣдняго, Тюрго нѣсколько разъ присоединяетъ ее въ видѣ объясненія къ слову «богатство» [17]).

Итакъ, какъ мы видимъ, формула Смита была знакома уже физіократамъ. При такихъ обстоятельствахъ существуетъ величайшая вѣроятность — если не достовѣрность, — что формула эта: «the real wealth, the annual produce of the land and the labour of the society» [18]) есть ничто иное, какъ переводъ заимствованной у физіократовъ формулы: «les productions annuelles de la terre et de l'industrie». Между тѣмъ изъ этого вытекаетъ: 1) что къ Смиту перешло представленіе физіократовъ о связи между богатствомъ и годичнымъ воспроизведеніемъ: дѣйствительно, это представленіе играетъ въ ученіи Смита о капиталѣ и доходѣ очень важную роль; 2) что источникомъ богатства Смитъ считалъ не одинъ только трудъ, но землю и трудъ.

Правда, что Смитъ, какъ показалъ Лезеръ [19]), подъ богатствомъ [20]) разумѣетъ не конкретную совокупность благъ, какъ физіократы [21]), но извѣстное свойство, состояніе (condition, state) человѣка или коллективной единицы, состоящей изъ людей (класса, націи и т. д.); но это отличіе Смита отъ физіократовъ для насъ несущественно, такъ какъ наличность этого свойства или состоянія ставится у Смита въ зависимость отъ обладанія извѣстнымъ количествомъ благъ, а именно тѣхъ благъ, которыя составляютъ «годичный продуктъ земли и труда» [22]); иначе говоря, степень богатства какого-нибудь лица или народа пропорціональна количеству благъ, входящихъ ежегодно въ ихъ обладаніе.

Мы постараемся доказать, что Смитъ заимствовалъ не только формулу физіократовъ, но что вмѣстѣ съ нею къ нему въ значительной степени перешло и лежащее въ ея основаніи третье воззрѣніе физіократовъ на богатство, т. е. что источникомъ богатства онъ считалъ не только трудъ, но и природу.

1) Прежде всего, мы у Смита находимъ то же противопоставленіе продуктовъ земли продуктамъ труда, какое мы видѣли у физіократовъ: и онъ здѣсь такъ же разумѣетъ продукты земледѣлія съ одной стороны и продукты обрабатывающей промышленности—съ другой [23]).

2) Мы встрѣчаемъ у Смита цѣлый рядъ мѣстъ, гдѣ онъ говоритъ лишь о трудѣ, какъ источникѣ богатства [24]). Но нельзя еще выводить изъ нихъ, что Смитъ считалъ трудъ единственнымъ источникомъ богатства, какъ нельзя выводить этого изъ начальныхъ

словъ «Богатства народовъ». Не менѣе часто встрѣчаются у него мѣста, гдѣ онъ говоритъ лишь о природѣ, какъ источникѣ богатства. Почти вездѣ, гдѣ онъ имѣетъ въ виду спеціально продукты земледѣлія, онъ называетъ ихъ «продуктами земли» [25]): такъ, напр., во всей главѣ о рентѣ (I, 11), продукты земледѣлія всегда носятъ названіе «продукта земли» (produce of the land) или «сырого продукта земли» (rude produce of the land) [26]). Но изъ этого еще не вытекаетъ, что Смитъ землю считалъ единственнымъ источникомъ богатства: подобно тому, какъ физіократы—а за нимъ и Смитъ — сокращенно называютъ продукты земледѣлія «продуктами земли» и противопоставляютъ ихъ «продуктамъ труда», хотя они этимъ не хотятъ отрицать значеніе труда въ земледѣліи; такъ же Смитъ говоритъ сокращенно о «продуктахъ труда», когда онъ говоритъ о продуктахъ вообще. И то, и другое ни что иное, какъ результатъ неточности языка Смита [27]).

3. Въ главѣ, посвященной изложенію и критикѣ ученія физіократовъ (IV, 9), Смитъ нападаетъ на то ихъ ученіе, по которому «продукты земли являются единственнымъ источникомъ дохода и богатства каждой страны» (299), т. е. того ученія, которое лежитъ въ основаніи двухъ первыхъ изъ приведенныхъ выше воззрѣній ихъ на богатство. Смитъ нисколько не ставитъ имъ въ упрекъ того, что они и природу считаютъ источникомъ богатства; самъ же онъ въ этой главѣ говоритъ не разъ о «годичномъ продуктѣ земли и труда», самъ же онъ говоритъ здѣсь о

«сыромъ продуктѣ земли» и о поземельномъ налогѣ въ Китаѣ, Египтѣ и Индостанѣ, налогѣ, составляющемъ 1/5 «сырого продукта земли» (309). Нѣтъ, Смитъ нападаетъ на физіократовъ лишь за то, что, по ихъ взгляду, трудъ лицъ, занятыхъ въ обрабатывающей промышленности (artificers and manufacturers), не создаетъ ничего, не присоединяетъ никакихъ новыхъ элементовъ къ богатству страны. Другими словами, онъ нападаетъ на наиболѣе распространенную, но, въ то же время, и наименѣе выдерживающую критику версію физіократизма; о той версіи его, которую мы назвали «третьимъ воззрѣніемъ» и которую мы находимъ у Гурнэ и у Тюрго, онъ и не упоминаетъ. Между тѣмъ, эта версія цѣликомъ перешла къ Смиту. Смитъ, какъ и физіократы, думалъ, что источниками богатства являются природа и трудъ; какъ физіократы, онъ думалъ, что техническимъ помощникомъ человѣка природа является лишь въ земледѣліи, что въ обрабатывающей промышленности она человѣку не оказываетъ никакого содѣйствія; какъ физіократы, онъ въ этомъ содѣйствіи природы видѣлъ преимущество земледѣлія. Это онъ прямо и высказываетъ какъ въ главѣ, посвященной разсмотрѣнію «различныхъ употребленій капитала» (II,5)[28]), такъ и въ главѣ о физіократахъ[29]).

Все это приводитъ къ заключенію, что Смитъ не только не создалъ новаго взгляда, противнаго взглядамъ физіокритовъ, но что онъ, напротивъ, самъ находился подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ этихъ взглядовъ и заимствовалъ ихъ [30]). То обстоятельство, что самъ

Смитъ объ этомъ заимствованіи не говоритъ, не опровергаетъ факта заимствованія, такъ такъ Смитъ тщательно старался скрыть вліяніе, оказанное на него физіократами. Этимъ объясняется суровость и несправедливость критики, направленной имъ противъ физіократовъ [31]).

Но у Смита встрѣчаются мѣста, которыя повидимому противорѣчатъ всему сказанному нами. Въ началѣ 5 главы I книги онъ говоритъ: «Дѣйствительная цѣна всякой вещи, т. е. то, чего всякая вещь дѣйствительно стоитъ тому человѣку, который хочетъ ее пріобрѣсти, — это усиліе и безпокойство (toil and trouble), необходимыя для ея пріобрѣтенія. Чего всякая вещь дѣйствительно стоитъ (worth) тому человѣку, который ее пріобрѣлъ и который хочетъ сбыть ее или промѣнять на что нибудь другое,—это усиліе и безпокойство, которыя онъ можетъ сберечь, обладая ею, и которыя онъ можетъ возложить на другихъ людей. То, что куплено за деньги или за блага, настолько же куплено трудомъ, какъ и то, что мы пріобрѣтаемъ усиліями (toil) собственнаго тѣла. Дѣйствительно, эти деньги или эти блага избавляютъ насъ отъ этихъ усилій. Они заключаютъ въ себѣ цѣнность извѣстнаго количества труда, которую мы обмѣниваемъ на то, въ чемъ предполагается цѣнность такого же количества труда. Трудъ былъ первою цѣною, первоначальною покупною суммою (original purchase money), уплоченною за всѣ предметы. Не золотомъ и серебромъ, а трудомъ было первоначально куплено все богатство міра, и цѣнность его для тѣхъ, которые обладаютъ имъ и кото-

рые хотятъ промѣнять его на какія-нибудь новыя произведенія, въ точности равняется количеству труда, которое они, въ силу этого обладанія, могутъ купить или заказать» (I, 5, 13—14) [32]).

Не слѣдуетъ думать, что Смитъ здѣсь хочетъ высказать, что трудъ является единственнымъ источникомъ богатства и цѣнности, онъ здѣсь хочетъ выразить лишь ту мысль, что трудъ есть единственный источникъ, составляющій въ то же время извѣстную *жертву*. Есть и другой источникъ—природа; но, какъ говоритъ Смитъ, «трудъ ея ничего не стоитъ» (II, 5, 161). Такимъ образомъ и трудъ, и природа создаютъ продукты, но трудъ составляетъ извѣстную жертву, извѣстную цѣну, которую долженъ дать человѣкъ для того, чтобы сдѣлаться обладателемъ продуктовъ; природа же работаетъ даромъ. Эта мысль не представляетъ изъ себя чего-нибудь новаго: мы встрѣчаемъ ее и въ Réflexions Тюрго [33]); кромѣ того, мы ее почти дословно находимъ въ замѣчательномъ трактатѣ Тюрго, къ сожалѣнію оставшемся неоконченнымъ, «Valeurs et monnaies» [34]).

Наконецъ не слѣдуетъ забывать, что все то, что здѣсь говоритъ Смитъ, служитъ лишь введеніемъ къ доказательству того положенія—мы вернемся къ нему ниже,—что трудъ, который за данную вещь можно купить, есть мѣрило цѣнности этой вещи. Ниже мы увидимъ, что положеніе это также физіократическаго происхожденія. Въ то же время мы увидимъ, что Смитъ источниками цѣнности также считалъ природу и трудъ и что различіе, проводимое имъ

здѣсь между этими двумя источниками богатства, не оказало никакого вліянія на ученіе его объ образованіи цѣнности.

Такое-же толкованіе нужно давать и двумъ другимъ мѣстамъ: I, 6, 23: «Съ тѣхъ поръ, какъ вся земля какой нибудь страны обратилась въ частную собственность, землевладѣльцы, какъ и всѣ другіе люди, любятъ собирать то, чего они не сѣяли, и требуютъ уплаты ренты даже за естественные продукты земли... Онъ (рабочій) долженъ уже платить за дозволеніе собирать ихъ; и долженъ уступить землевладѣльцу часть того, что его трудъ либо собираетъ, либо производитъ. Эта часть, или что тоже самое, цѣна этой части составляетъ поземельную ренту»... I, 8, 29: «Съ тѣхъ поръ, какъ земля обратилась въ частную собственность, землевладѣлецъ требуетъ уплаты части почти всѣхъ тѣхъ продуктовъ, которые рабочій можетъ либо воздѣлать, либо собрать на ней. Рента его составляетъ первый вычетъ изъ продукта труда, приложеннаго къ землѣ». Марксъ [35]) думаетъ, что въ этихъ мѣстахъ слѣдуетъ видѣть ясную формулировку ученія, что продукты и цѣнность ихъ создаются исключительно трудомъ. Тѣмъ не менѣе, такой глубокій знатокъ Смита, какъ Марксъ, не могъ не видѣть, что эти два мѣста занимаютъ у Смита исключительное положеніе, что Смитъ находился подъ слишкомъ сильнымъ вліяніемъ физіократизма, для того что бы указанное ученіе могло получить у него дальнѣйшее развитіе [36]). Намъ кажется, что здѣсь у Смита

проглядываетъ лишь та мысль, что съ прекращеніемъ «первоначальнаго состоянія общества» продуктъ даровой дѣятельности природы долженъ принадлежать такимъ лицамъ, которыя для его пріобрѣтенія не принесли никакой жертвы, а не тѣмъ, которыя для этого потратили свой трудъ. [37]) Эти слова, какъ и вообще всѣ разсужденія Смита о первоначальномъ состояніи общества, — представляютъ изъ себя отголосокъ представленія о существовавшемъ когда-то «золотомъ вѣкѣ», столь распространеннаго у его современниковъ.

Если Смитъ, какъ мы видѣли, такъ близко стоитъ къ физіократамъ, то, спрашивается, въ чемъ-же заключается его заслуга? А въ томъ, что онъ навсегда разрушилъ первыя два воззрѣнія физіократовъ и въ основу своего ученія иоложилъ третье воззрѣніе, терявшееся у нихъ среди двухъ другихъ. Кромѣ того, хотя уже у Тюрго преобладаетъ это третье воззрѣніе, тѣмъ не менѣе у него на первомъ планѣ все-же стоитъ природа и ея добровольный даръ, «produit net»; свой трактатъ онъ начинаетъ съ указанія на этотъ «добровольный даръ»; на основаніи этого критерія онъ дѣлитъ населеніе на классы, и, такимъ образомъ, въ основу своего ученія онъ ставитъ принципъ большей производительности труда въ земледѣліи. У Смита главное вниманіе обращено на трудъ; добровольный даръ природы играетъ у него сравнительно подчиненную роль; хотя и онъ признаетъ различіе въ производительности труда въ земледѣліи и въ обрабатывающей

промышленности, но во главѣ своей теоріи онъ ставитъ производительность труда вообще.

Смитъ ставилъ себѣ задачею охватить всю область экономическихъ явленій и, поэтому, не могъ опустить поземельную ренту; между тѣмъ онъ не сумѣлъ дать ей другое объясненіе, чѣмъ физіократы. Смитъ какъ бы самъ чувствуетъ недостаточность своего ученія о природѣ: отсюда туманность его объясненія поземельной ренты; онъ какъ бы стѣсняется своего физіократическаго происхожденія: отсюда суровое и несправедливое отношеніе къ физіократамъ.

Въ тоже время, наряду съ физіократическимъ воззрѣніемъ на природу, у Смита можно найти зачатки элементовъ, ведущихъ къ разрушенію этого воззрѣнія. Поставивъ въ центръ своей теоріи ученіе о раздѣленіи труда и о томъ, что это раздѣленіе ведетъ къ изобрѣтенію машинъ, которыя, какъ онъ говоритъ, «столь значительно облегчаютъ и сокращаютъ трудъ», онъ этимъ указалъ, что природа содѣйствуетъ человѣку во всѣхъ отрасляхъ труда. Дѣйствительно, чѣмъ же помогаютъ машины человѣку, какъ не тѣмъ, что даютъ ему возможность овладѣть силами природы? Этимъ только и можно объяснить то обстоятельство, что Рикардо въ цитированномъ нами выше примѣчаніи къ главѣ 20 своихъ «Началъ» [38]) и вовсе позабываетъ о физіократическомъ ученіи Смита о природѣ.

II.

Если мы такъ долго останавливались на разсмотрѣніи источниковъ богатства по Смиту, то это лишь потому, что Смитъ между источниками богатства и источниками цѣнности не дѣлалъ никакого различія: по этому все, что было сказано нами о первыхъ, примѣняется и ко вторымъ.

Это отожествленіе вытекало у Смита изъ отожествленія цѣнности и богатства.

Какъ извѣстно, Смитъ различаетъ мѣновую и потребительную цѣнность, но ограничиваетъ свое изслѣдованіе первою. Подъ мѣновою цѣнностью какого нибудь блага онъ разумѣетъ покупную силу этого блага по отношенію къ другимъ благамъ (I, 4, 13)*). Цѣну онъ называетъ мѣриломъ мѣновой цѣнности (ibid.) и понимаетъ подъ нею тѣ блага, которыя за данное благо можно получить въ обмѣнъ [39]). Изъ этихъ опредѣленій Смита вытекаетъ, что цѣнность должна быть пропорціональна цѣнѣ; на самомъ же дѣлѣ Смитъ употребляетъ оба термина совершенно безразлично и придаетъ имъ совершенно одинаковое значеніе [40]).

Выше мы видѣли, что физіократы понимали подъ богатствомъ. Въ этомъ отношеніи—особенно, если имѣть въ виду третье воззрѣніе ихъ—они, несомнѣнно, ушли

*) Въ дальнѣйшемъ изложеніи, говоря о цѣнности, мы всегда разумѣемъ мѣновую цѣнность.

впередъ сравнительно съ меркантилистами, которые видѣли богатство единственно въ деньгахъ. Однако и они не вполнѣ сумѣли освободиться отъ точки зрѣнія меркантилистовъ: это выразилось въ томъ, что богатствомъ они считали только блага, которыя могутъ быть обмѣнены на другія блага, и поскольку они могутъ быть обмѣнены на эти другія блага [41]). Такъ, напр., основатель школы, Кенэ, прямо говоритъ «C'est la valeur vénale, qui donne aux productions la qualité de richesses» [42]). Такимъ образомъ мѣновая цѣнность становится существеннымъ свойствомъ благъ, составляющихъ богатство. Если-же блага могутъ быть элементами богатства, лишь насколько они обладаютъ цѣнностью, то богатство пропорціонально цѣнности: цѣнность становится мѣриломъ богатства. Это и высказываетъ, напр., Мирабо: «La valeur vénale est la mesure des richesses de la nation» [43]).

Сравнительно съ меркантилизмомъ это ученіе имѣетъ то преимущество, что признаетъ покупную силу не только за деньгами, но и за другими благами, но оно привело физіократовъ къ тому выводу, что значеніе какого-нибудь блага, какъ элемента богатства, заключается не въ самомъ этомъ благѣ, но въ тѣхъ благахъ, которыя на него можно обмѣнить, т. е. оно привело ихъ къ отожествленію цѣнности и богатства [44]).

Отожествленіе цѣнности и богатства вытекаетъ изъ неправильнаго обобщенія поверхностныхъ наблюденій надъ единичными случаями. Дѣйствительно, при наличности раздѣленія труда и денежнаго хозяйства, бо

гатство каждаго производителя зависитъ отъ цѣнности его продукта, т. е. отъ того количества денегъ—какъ думали меркантилисты, или другихъ благъ вообще—какъ думали физіократы, а за ними и Смитъ, которыя онъ можетъ получить въ обмѣнъ за свой продуктъ. Но и тотъ и другой взглядъ упускаютъ изъ виду, что для цѣлаго народа, лишь въ слабой степени обмѣнивающаго свои продукты на продукты другихъ народовъ, цѣнность его продуктовъ почти теряетъ свое значеніе, и что для богатства всего человѣчества цѣнность совсѣмъ не имѣетъ никакого значенія. Кромѣ того, блага могутъ оказывать вліяніе на богатство, и вовсе не обладая мѣновою цѣнностью (т. наз. свободныя блага). Наконецъ, какъ увидимъ ниже, и помимо этого самое понятіе мѣновой цѣнности, въ смыслѣ покупной силы по отношенію къ благамъ вообще, слишкомъ неопредѣленно, для того чтобы можно было приравнивать ему богатство.

Отожествленіе цѣнности и богатства послужило обильнымъ источникомъ ошибокъ у физіократовъ: оно, какъ думаетъ Лезеръ [45]), привело ихъ къ ученію, что лишь продукты земледѣлія составляютъ богатство. Дѣйствительно, разъ они признавали, что значеніе произведеній обрабатывающей промышленности, какъ элементовъ богатства, лежитъ не въ нихъ самихъ, но въ тѣхъ земледѣльческихъ продуктахъ, на которые они обмѣниваются,—то оставался лишь одинъ шагъ—хотя довольно крупный,—для того чтобы вообще признавать элементами богатства лишь земледѣльческіе продукты: стоило только встать на точку зрѣнія одной изъ сто-

ронъ, участвующихъ въ обмѣнѣ, именно на точку зрѣнія обладателей продуктовъ обрабатывающей промышленности, чтобы признать, что только сырые продукты составляютъ богатство; или — что только послѣдовательнѣе—лишь тѣ сырые продукты, которые составляютъ «produit net», такъ какъ отъ высоты «produit net» по мнѣнію физіократовъ, зависитъ величина обмѣна земледѣльческихъ продуктовъ на мануфактурные.

Воззрѣніе, что блага лишь настолько имѣютъ значеніе элементовъ, опредѣляющихъ богатство, насколько они обладаютъ мѣновою цѣнностью, отъ физіократовъ перешло къ Смиту. Его формула «годичный продуктъ земли и труда» есть ничто иное, какъ сокращенное выраженіе другой встрѣчающейся у него фурмулы: «цѣнность годичнаго продукта земли и труда»[46]). Такимъ образомъ богатство пропорціонально уже не годичному продукту земли и труда, но цѣнности этого годичнаго продукта[47]): какъ и у физіократовъ цѣнность становится мѣриломъ богатства; какъ физіократы, Смитъ прямо отожествляетъ продукты и ихъ цѣнность или цѣну. Книга Смита испещрена мѣстами, свидѣтельствующими объ этомъ отожествленіи[48]).

Рѣшающее значеніе, которое Смитъ придаетъ цѣнности по отношенію къ богатству, глубоко отразилось на всемъ ученіи его. Такъ, напр., цѣнность является у него критеріемъ, на основаніи котораго онъ различаетъ производительный и непроизводительный трудъ[49]); далѣе, въ основаніе своего разсужденія о степени производительности различныхъ употребленій капитала

Смитъ кладетъ число производительныхъ рабочихъ, которые получаютъ занятіе при посредствѣ этого капитала и, сообразно съ этимъ, высоту цѣнности, которая при посредствѣ этого капитала присоединяется къ годичному продукту земли и труда общества [50]).

При такихъ условіяхъ нѣтъ ничего удивительнаго, что источники богатства являются у Смита въ тоже время и источниками цѣнности: смѣшеніе богатства и цѣнности привело Смита къ смѣшенію источниковъ богатства и цѣнности; ему и не представлялся вопросъ о принципіальномъ значеніи этого различія. Трудъ и природа являются и въ той и въ другой роли.

О трудѣ, какъ источникѣ цѣнности, Смитъ говоритъ очень часто [51]). Тѣмъ не менѣе мнѣніе, что Смитъ трудъ считалъ единственнымъ источникомъ цѣнности, столь же неправильно, какъ и мнѣніе, что онъ видѣлъ въ немъ единственный источникъ богатства [52]).

Это прямо и видно изъ цитированнаго нами выше мѣста: «Сверхъ того, въ земледѣліи природа работаетъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, и хотя ея трудъ ничего не стоитъ, тѣмъ не менѣе продуктъ ея обладаетъ такою же цѣнностью, какъ и продуктъ наиболѣе дорогихъ рабочихъ» (II, 3, 161 [28]). Какъ видно, здѣсь Смитъ безразлично говоритъ объ источникахъ богатства и цѣнности; или, точнѣе, значеніе источниковъ богатства онъ видитъ въ томъ, что они создаютъ цѣнность. Въ то же время здѣсь ясно обнаруживается, что въ земледѣліи наряду съ трудомъ и природа является источникомъ цѣнности.

И физіократы, и Смитъ на пути своего изслѣдованія натолкнулись на одно явленіе, которое они тщетно старались объяснить: явленіе это — поземельная рента. И физіократы, и Смитъ здѣсь потерпѣли крушеніе, и въ этомъ лежитъ источникъ тѣхъ взглядовъ, которые составляютъ сущность физіократизма и которые въ значительной мѣрѣ перешли и къ Смиту. Видя, что цѣнность продуктовъ земледѣлія настолько высока, что, по вычетѣ доли, соотвѣтствующей заработной платѣ и прибыли, остается излишекъ, поземельная рента, и физіократы, и Смитъ приписали это явленіе естественному, технологическому содѣйствію природы въ земледѣліи и бездѣйствію ея въ обрабатывающей промышленности и, слѣдовательно, изъ естественной производительности природы вывели заключеніе о ея значеніи, какъ источника цѣнности.

Однако, какъ мы видѣли, лишь труду Смитъ придаетъ значеніе жертвы, приносимой для пріобрѣтенія продуктовъ, природа-же оказываетъ свое содѣйствіе даромъ. Въ такомъ случаѣ, отчего же продукты, создаваемые природою, обладаютъ цѣнностью? И Смитъ какъ бы чувствуетъ въ этомъ нѣкоторое несоотвѣтствіе, и поэтому онъ считаетъ необходимымъ подтвердить положеніе свое, что продукты природы обладаютъ цѣнностью, дополнительнымъ объясненіемъ, взятымъ изъ области спроса и предложенія. Это ведетъ насъ къ ученію Смита о поземельной рентѣ.

«Поземельная рента»—говоритъ Смитъ (I, 11, 66)—«разсматриваемая какъ цѣна, уплоченная за пользова-

ніе землею, естественно составляетъ монопольную цѣну». Появленіе ренты зависитъ отъ высоты цѣны «продукта земли», послѣдняя-же зависитъ отъ спроса. Если, въ силу спроса, цѣна продукта земли настолько высока, что за возмѣщеніемъ капитала и покрытіемъ прибыли остается излишекъ, то фермеръ можетъ уплатить этотъ излишекъ землевладѣльцу въ видѣ ренты.

На нѣкоторые продукты спросъ всегда такъ великъ, что цѣна ихъ поднимается выше той, которая необходима для возмѣщенія капитала и доставленія обычной прибыли. На другіе продукты спросъ можетъ быть, но можетъ и не быть таковымъ. Земля воздѣлываемая подъ продукты, составляющіе пищу человѣка, всегда доставляетъ ренту. Причина этого заключается въ томъ, что на пищу всегда есть спросъ, что «люди, какъ и всѣ остальныя животныя, естественно размножаются соразмѣрно средствамъ ихъ продовольствія [53]).» «За пищу всегда можно купить или заказать большее или меньшее количество труда и всегда найдется кто-нибудь, готовый работать съ цѣлью полученія пищи» (I, 11, 67).

Итакъ, Смитъ старается объяснить ренту высотою спроса на продукты земледѣлія, входящіе въ пищу человѣка. Уже изъ того, что земля, воздѣлываемая подъ эти продукты, доставляетъ ренту, онъ выводитъ, что и остальная земля, воздѣлываемая подъ другіе продукты, доставляетъ ренту; и высота послѣдней соразмѣряется съ высотою первой.

Между тѣмъ, давая такое объясненіе, Смитъ впадаетъ

въ противорѣчіе съ основными положеніями своего ученія о цѣнѣ. Какъ извѣстно, въ гл. 7 книги I Смитъ, говоря о естественной и рыночной цѣнѣ товаровъ, проводитъ различіе между дѣйствительнымъ спросомъ (effectual demand), т. е. спросомъ со стороны тѣхъ, которые готовы уплатить «естественную цѣну товара», и «абсолютнымъ спросомъ» (absolute demand) [54]). На цѣну товаровъ оказываетъ вліяніе только дѣйствительный спросъ. Сообразно съ этимъ Смитъ говоритъ (ibid. 28): «поддерживая постоянный недостатокъ на рынкѣ и никогда вполнѣ не удовлетворяя дѣйствительнаго спроса, монополисты могутъ продавать, свои товары гораздо выше ихъ естественной цѣны».

Рента, какъ мы видѣли, по Смиту также есть монопольная цѣна. Для того чтобы фермеръ могъ ее уплачивать необходимо, чтобы онъ могъ ее переложить на потребителей въ видѣ надбавки къ той цѣнѣ продукта, которая была бы достаточна только для возмѣщенія потраченнаго капитала и доставленія обычной прибыли; иначе говоря, фермеру за продуктъ надо получить монопольную цѣну. Однако, для того чтобы онъ могъ получить ее, необходимо, чтобы дѣйствительный спросъ тѣхъ, которые хотятъ уплатить за продуктъ цѣну, достаточную только для возмѣщенія капитала и доставленіе прибыли, никогда не былъ вполнѣ удовлетворенъ.

Отсюда вытекаетъ, что объясненіе, даваемое Смитомъ происхожденію ренты, правильно, если въ немъ подъ «спросомъ» можно понимать дѣйствительный спросъ.

Между тѣмъ, аргументація Смита именно и основана на смѣшеніи «дѣйствительнаго» и «абсолютнаго спроса»: Смитъ употребляетъ слово «спросъ» въ смыслѣ «абсолютнаго спроса», когда онъ говоритъ, что люди размножаются въ соотвѣтствіи съ средствами ихъ продовольствія, и что, поэтому, на пищу всегда есть спросъ; далѣе, что за пищу всегда можно купить такое количество труда, какое на нее можно содержать сообразно съ обычнымъ уровнемъ. Когда же, напротивъ, онъ говоритъ, что на пищу всегда долженъ быть настолько высокій спросъ, что цѣна ея всегда поднимается выше цѣны, необходимой на возмѣщеніе капитала и доставленіе прибыли, онъ разумѣетъ спросъ уже въ смыслѣ «дѣйствительнаго спроса». Смитъ здѣсь дѣлаетъ ту ошибку, которую въ логикѣ принято называть «заблужденіемъ двусмысленныхъ терминовъ» [55]).

Въ основаніи этой логической ошибки лежитъ отожествленіе двухъ совсѣмъ различныхъ вещей: «спроса на пищу» и «предложенія труда», т. е. представленіе, будто тотъ, кто предлагаетъ свой трудъ, является въ тоже время представителемъ «дѣйствительнаго спроса на пищу». Неправильность этого отожествленія бросается въ глаза. Дѣйствительно, увеличеніе предложенія труда можетъ повести къ поднятію цѣнности хлѣба, но лишь по отношенію къ труду, но никакъ не по отношенію ко всѣмъ другимъ благамъ: по отношенію къ послѣднимъ, напротивъ, цѣнность хлѣба caeteris paribus останется неизмѣнною.

Но если Смитъ впадаетъ здѣсь въ столь явное про-

тиворѣчіе съ основными положеніями своего ученія о цѣнѣ [56]), то невольно представляется вопросъ: какъ возникло у Смита только что приведенное объясненіе ренты?

Объясненіе это покоится на чисто-физіократическихъ основаніяхъ.

Какъ справедливо было замѣчено Германомъ [57]) и Родбертусомъ [58]), основною посылкою физіократовъ является предположеніе такого состоянія общества, при которомъ «самостоятельное хозяйство ведетъ лишь тотъ, кто обрабатываетъ собственную свою землю, всякій же другой живетъ у него въ качествѣ рабочаго или домочадца» [59]). При такомъ строѣ продукты земледѣлія дѣйствительно обмѣниваются не на продукты обрабатывающей промышленности, но на трудъ, создающій ихъ. Здѣсь обмѣнъ между землевладѣльцами и земледѣльцами — съ одной стороны и остальною частью общества—съ другой носитъ, дѣйствительно, характеръ обмѣна продуктовъ земли на трудъ; здѣсь предложеніе хлѣба есть, дѣйствительно, спросъ на трудъ, а не спросъ на продукты труда, и на рынкѣ ему противопоставляется не предложеніе продуктовъ труда, а предложеніе труда, которое въ тоже время является спросомъ на хлѣбъ. Но этотъ спросъ на хлѣбъ—это не «дѣйствительный спросъ» въ смитовскомъ смыслѣ, но лишь «абсолютный спросъ»; это не есть спросъ, опирающійся на обладаніе продуктами труда, но спросъ, опирающійся лишь на обладаніе рабочею силою. Поэтому то, какъ сказано выше, изъ извѣстнаго состоя-

нія предложенія труда сравнительно съ предложеніемъ хлѣба можно дѣлать выводы лишь о цѣнности хлѣба по отношенію къ труду, но никакъ не о цѣнности хлѣба по отношенію къ продуктамъ этого труда, т. е. ко всѣмъ остальнымъ благамъ. Между тѣмъ, физіократы далеко не всегда умѣли избѣгнуть этой ошибки: зачатки ея мы видимъ, напр., у Кенэ [60]).

Смитъ сумѣлъ эмансипироваться отъ только что изложенной нами основной посылки физіократовъ, но нѣкоторые выводы изъ нея перешли и къ нему. Однимъ изъ такихъ выводовъ и является указанная нами ошибка, состоящая въ смѣшеніи «предложенія труда» и «спроса на хлѣбъ», и на этой то ошибкѣ и построено его ученіе о рентѣ. Предположеніе, что заработная плата состоитъ исключительно изъ пищи, какъ увидимъ ниже, также физіократическаго происхожденія [61]).

III.

Представленіе объ «обмѣнѣ продуктовъ на трудъ» и отожествленіе «предложенія труда» съ «спросомъ на хлѣбъ» привело Смита не только къ тому объясненію, которое онъ даетъ рентѣ, но оказало значительное вліяніе и на другое воззрѣніе, которое у него играетъ весьма важную роль. Мы разумѣемъ воззрѣніе Смита, по которому мѣриломъ цѣнности какого-нибудь блага служитъ количество труда, которое за это благо можно купить.

Какъ мы видѣли, Смитъ подъ цѣнностью какого-нибудь блага понимаетъ покупную силу его по отношенію ко всѣмъ другимъ благамъ, которыя онъ дѣлитъ на двѣ категоріи: 1) трудъ и 2) матерьяльныя блага [62]). Однако, цѣнность въ смыслѣ «покупной силы къ благамъ вообще» есть понятіе весьма неопредѣленное. Дѣло въ томъ, что цѣнность каждаго изъ этихъ благъ по отношенію ко всѣмъ остальнымъ измѣнчива по мѣсту и времени. Поэтому, измѣрять цѣнность какого нибудь блага цѣлымъ рядомъ другихъ благъ, т. е. всѣми остальными благами, представляется прямо невозможнымъ *). Приходится поэтому прибѣгнуть къ одному какому нибудь благу и выбрать его мѣриломъ цѣнности. Это по всѣмъ вѣроятіямъ и сознавалъ Смитъ, выбирая въ качествѣ мѣрила цѣнности трудъ въ указанномъ нами выше смыслѣ.

Однако, почему Смитъ выбралъ именно трудъ? Намъ кажется, что въ этомъ лежитъ отголосокъ того общественнаго строя, который представляли себѣ физіократы. Въ этомъ строѣ землевладѣлецъ и земледѣлецъ, дѣйствительно, обмѣниваютъ весь своей излишекъ на трудъ, и чѣмъ больше труда они могутъ получить въ обмѣнъ, тѣмъ они богаче. Какъ мы видѣли, Смитъ уже не исходитъ изъ предположенія такого строя, но, тѣмъ не менѣе, сохраняетъ представленіе объ обмѣнѣ продуктовъ на трудъ, и если онъ ставитъ цѣнность

*) Подробнѣе мы остановимся на разсмотрѣніи этого вопроса при разборѣ ученія Рикардо о цѣнности.

какого-нибудь блага—а, слѣдовательно, и богатство его обладателя—въ послѣдней инстанціи въ зависимость отъ количества труда, которое за это благо можно купить, то въ этомъ слѣдуетъ видѣть чисто-физіократическую черту въ его ученіи [63]).

Однако, чтобы удовлетворять своему назначенію, мѣрило цѣнности должноб ыть величиною постоянною, т. е. должно само обладать неизмѣнною цѣнностью по отношенію ко всѣмъ благамъ. Это Смитъ и пытается доказать относительно труда; причемъ онъ здѣсь впадаетъ въ ту же логическую ошибку, въ которую онъ впалъ при объясненіи ренты (заблужденіе двусмысленныхъ терминовъ): тамъ онъ придавалъ двоякое значеніе слову «спросъ»; здѣсь онъ придаетъ двоякое значеніе слову «цѣнность» (или «цѣна»). Указавъ на то, что «благо, которое само постоянно мѣняется въ своей цѣнности (Смитъ здѣсь разумѣетъ деньги), не можетъ служить точнымъ мѣриломъ цѣнности другихъ благъ», онъ продолжаетъ: «Одинаковыя количества труда всегда и вездѣ обладаютъ одинаковою цѣнностью для рабочаго. При обычномъ состояніи здоровья, силъ и расположенія духа, при обычной степени ловкости и искусства ему всегда приходится жертвовать одинаковою долею своего спокойствія, своей свободы и своего счастья. Цѣна, уплачиваемая имъ, всегда должна быть одна и таже, каково бы ни было количество благъ, которое онъ получаетъ взамѣнъ ея. Правда, что за трудъ можно купить иногда большее, иногда меньшее количество этихъ благъ; но

при этомъ измѣняется ихъ цѣнность, а не цѣнность покупающаго ихъ труда» (I, 5, 15).

Такимъ образомъ здѣсь слово «цѣнность» (или «цѣна») означаетъ съ одной стороны покупную силу по отношенію къ благамъ; съ другой стороны «ту долю спокойствія, свободы и счастья», которыми жертвуетъ рабочій [64]).

Между тѣмъ, заработная плата состоитъ изъ разнообразныхъ благъ. Поэтому возникаетъ та же трудность, которую Смитъ хотѣлъ устранить: опять цѣнность какого-нибудь блага приходится измѣрять цѣлымъ рядомъ другихъ благъ. Это заставляетъ Смита прибѣгнуть къ предположенію, что заработная плата состоитъ только изъ хлѣба, который составляетъ «главное продовольствіе рабочаго». Хлѣбъ, такимъ образомъ, становится вторымъ мѣриломъ цѣнности. При этомъ, съ одной стороны Смитъ считаетъ хлѣбъ неизмѣннымъ мѣриломъ лишь настолько, насколько хлѣбная заработная плата остается неизмѣнною: слѣдовательно, онъ сознаетъ, что оба его мѣрила не совпадаютъ, такъ какъ количество продовольствія, получаемаго рабочимъ, бываетъ то больше, то меньше. Между тѣмъ, иногда онъ объ этой оговоркѣ забываетъ и даетъ хлѣбу преимущество въ качествѣ мѣрила цѣнности передъ трудомъ [65]). Съ другой стороны, постоянство цѣнности хлѣба онъ объясняетъ и тѣмъ, что издержки, необходимыя на его производство, почти не подвержены колебаніямъ.

Однако, сводя заработную плату на хлѣбъ, Смитъ снова вступаетъ на чисто-физіократическую почву.

Физіократы отдавали земледѣлію первенство передъ другими отраслями промышленности. Это первенство они понимали не только въ историческомъ смыслѣ, т. е., что обрабатывающая промышленность могла получить широкое развитіе лишь съ тѣхъ поръ, какъ земледѣліе стало давать значительныя излишки; но и въ смыслѣ первенства, имѣющаго мѣсто въ силу самой природы вещей (necessité physique, какъ говоритъ Тюрго) — всегда и вездѣ. Значительное вліяніе на возникновеніе этой физіократической доктрины о первенствѣ земледѣлія оказало преувеличеніе послѣдствій, вытекающихъ изъ того значенія, которое имѣетъ потребность въ пищѣ въ ряду другихъ потребностей человѣка. Съ одной стороны физіократы выводили изъ него первенствующее, доминирующее положеніе землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ въ сравненіи съ «наемнымъ классомъ»; съ другой стороны у нихъ незамѣтно возникло предположеніе, что наемный классъ трудится въ пользу двухъ другихъ классовъ исключительно съ цѣлью полученія пищи, и что заработная плата состоитъ изъ одной только пищи [66]).

Здѣсь упускается изъ виду, что, кромѣ потребности въ пищѣ, у человѣка есть и другія потребности, менѣе неотложныя, не говоря уже о томъ, что при извѣстныхъ условіяхъ потребность въ одеждѣ, жилищѣ и топливѣ можетъ быть по своему значенію поставлена на одинъ уровень съ потребностью въ пищѣ.

Въ этомъ физіократическомъ воззрѣніи и лежитъ источникъ того взгляда Смита, что заработная плата

состоитъ изъ одного хлѣба. Взглядъ этотъ обнаружился намъ уже въ его ученіи о рентѣ; онъ же руководилъ Смитомъ при выборѣ хлѣба въ качествѣ мѣрила цѣнности.

Въ примѣчаніи мы приводимъ нѣсколько паралельныхъ мѣстъ изъ Смита и Тюрго, показывающихъ, какой физіократическій характеръ принимаетъ иногда рѣчь Смита, когда онъ отожествляетъ заработную плату съ хлѣбомъ [67]). Нельзя не указать также на встрѣчающійся у Смита физіократическій взглядъ, что обиліе пищи создаетъ цѣнность другихъ благъ [68]). Наконецъ, въ основаніи извѣстнаго мнѣнія Смита, что золото и серебро дороже въ богатыхъ, чѣмъ въ бѣдныхъ странахъ, также лежитъ чисто-физіократическій взглядъ, по которому причина этого заключается въ томъ, что излишекъ пищи въ первыхъ больше, чѣмъ въ послѣднихъ [69]).

Что Смитъ, отожествляя заработную плату съ пищей или хлѣбомъ, дѣйствительно, находился подъ вліяніемъ физіократовъ, видно и изъ того, что до появленія сочиненій физіократовъ и до личнаго знакомства Смита съ физіократами онъ по этому вопросу держался воззрѣнія, какъ разъ противоположнаго только что изложенному.

«Стремимся ли мы къ богатству для того, чтобы удовлетворять необходимымъ потребностямъ?» пишетъ онъ въ своей «Теоріи нравственныхъ чувствъ (1859)». «Плата самаго ничтожнаго рабочаго можетъ удовлетворить ихъ. Мы видимъ, что эта плата доставляетъ ему пищу и одежду, пріятность (comfort) домашняго

очага и семьи. Если мы внимательно всмотримся въ его хозяйство, то увидимъ, что онъ значительную часть своей платы тратитъ на удобства (conveniences), которыя можно разсматривать какъ излишество (superfluities), и что въ чрезвычайныхъ случаяхъ онъ даже можетъ тратить на удовлетвореніе своего тщеславія (vanity and distinction)» [70]).

Какъ увидимъ ниже при разборѣ ученія Рикардо о цѣнности, неизмѣннаго мѣрила цѣнности быть не можетъ. Чтобы трудъ могъ служить таковымъ, заработная плата должна бы заключать въ себѣ одинаковое количество всѣхъ тѣхъ благъ, которыя входятъ въ ея составъ. Кромѣ того всѣ эти блага должны бы обмѣниваться между собою и со всѣми другими благами въ одинаковыхъ, неизмѣнныхъ пропорціяхъ. Другими словами, мѣрило цѣнности было бы возможно лишь въ томъ случаѣ, если бы цѣнность всѣхъ благъ была неизмѣнною по мѣсту и времени: это справедливо и относительно труда, и относительно хлѣба въ качествѣ мѣрила цѣнности. Но тогда такое мѣрило уже не было бы нужно, такъ какъ каждое благо могло бы служить имъ.

Противорѣчія, къ которымъ привели Смита его два мѣрила цѣнности: трудъ и хлѣбъ, — всѣмъ извѣстны изъ блестящей критики Рикардо (Гл. I, XX, XXVIII), и поэтому мы на нихъ останавливаться не будемъ.

IV.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, чѣмъ по Смиту опредѣляется высота цѣнности?

Прежде всего Смитъ говоритъ о томъ «раннемъ и первоначальномъ состояніи общества, которое предшествуетъ какъ накопленію капитала, такъ и обращенію земли въ собственность». Здѣсь «отношеніе между количествами труда, необходимыми для пріобрѣтенія различныхъ предметовъ, составляетъ, кажется, единственное условіе, которое можетъ доставить какое-нибудь правило для обмѣна однихъ предметовъ на другіе» (I, 6, 21—22). Это мѣсто вполнѣ соотвѣтствуетъ ученію Смита объ источникахъ цѣнности. Такими источниками у него являются природа и трудъ. Но въ тоже время, какъ мы видѣли, способность природы создавать цѣнность онъ основываетъ на представляющейся всегда возможности за пищу купить трудъ. Между тѣмъ, въ первобытномъ состояніи общества никто бы не сталъ работать на другого: слѣдовательно, здѣсь ренты быть не можетъ [71]).

Но съ накопленіемъ капиталовъ въ рукахъ частныхъ лицъ и съ примѣненіемъ этихъ капиталовъ съ цѣлью полученія прибыли дѣло измѣняется: «Поэтому цѣнность, которую рабочіе присоединяютъ къ матеріаламъ, въ этомъ случаѣ разбивается на двѣ части, изъ которыхъ одна уплачиваетъ ихъ заработную плату, другая-же уплачиваетъ прибыль ихъ предпринимателя

на весь капиталъ, затраченный имъ на матеріалы и на заработную плату» (I, 6, 22).

Съ переходомъ всей земли въ частную собственность получается новое осложненіе. «Онъ (т. е. работникъ) долженъ платить за дозволеніе собирать ихъ (т. е. естественные плоды земли) и долженъ уступать землевладѣльцу часть того, что его трудъ либо собираетъ, либо производитъ. Эта часть, или что то-же самое, цѣна этой части составляетъ поземельную ренту и въ качествѣ третьей составной части входитъ въ цѣну большей части благъ» (I, 6, 23).

Такимъ образомъ, по прекращеніи перевобытнаго строя цѣнность составляется изъ трехъ частей; высота цѣнности уже не опредѣляется количествомъ потраченнаго труда, а высотою каждой изъ этихъ трехъ частей[72]).

Такъ какъ мы съ одною изъ составныхъ частей цѣнности—съ рентою—уже подробно ознакомились, то перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію остальныхъ двухъ частей—заработной платы и прибыли.

Ученіе Смита о связи между высотою цѣнности и высотою составныхъ частей ея проникнуто двойственностью. Когда Смитъ ставитъ себѣ вопросъ, чѣмъ опредѣляется высота цѣнности, онъ отвѣчаетъ: высота цѣнности опредѣляется высотою составныхъ частей ея. Когда же онъ спрашиваетъ себя, чѣмъ опредѣляется высота составныхъ частей цѣнности, то отвѣчаетъ на это: она опредѣляется высотою цѣнности.

Обратимся къ первой версіи. Высота той части цѣнности, которая приходится на долю заработной платы, опредѣляется прежде всего количествомъ потраченнаго труда, количествомъ рабочихъ дней. Поэтому количество труда и является у Смита однимъ изъ обстоятельствъ, опредѣляющихъ высоту цѣнности [73]). Но по Смиту на высоту цѣнности вліяетъ также и уровень заработной платы [74]), причемъ оба указанныхъ фактора могутъ даже дѣйствовать въ противоположныхъ направленіяхъ [75]). На высоту той части цѣнности, которая приходится на долю прибыли, а слѣдовательно, и на высоту цѣнности оказываетъ вліяніе по Смиту какъ величина капитала [76]), такъ и уровень прибыли [77]).

Итакъ, уровень заработной платы и уровень прибыли оказываютъ вліяніе на высоту цѣнности. Но спрашивается, чѣмъ опредѣляется уровень заработной платы и прибыли?

Что касается заработной платы, то Смиту удается указать на вполнѣ самостоятельныя причины, вліяющія на ея уровень, а именно на спросъ на трудъ (фондъ, предназначенный на уплату заработной платы) — съ одной стороны и величину населенія — съ другой.

Когда-же Смитъ ставитъ себѣ вопросъ объ уровнѣ прибыли,— онъ не находитъ другого отвѣта, какъ тотъ, что уровень прибыли зависитъ отъ высоты цѣнности. Дѣйствительно, сравнивая тѣ двѣ главы «Богатства народовъ», изъ которыхъ одна посвящена заработной платѣ (кн. I, гл. VIII), а другая — прибыли на капи-

талъ (кн. I, гл. IX), мы видимъ, что одна и та же причина дѣйствуетъ въ противоположномъ направленіи на уровень заработной платы и прибыли: прогрессирующее, неподвижное или регрессирующее состояніе общества. Но она не дѣйствуетъ на одинъ изъ этихъ элементовъ посредствомъ другого, но дѣйствуетъ на каждый изъ нихъ самостоятельно и до извѣстной степени независимо отъ дѣйствія ея на другой. На уровень заработной платы эта причина дѣйствуетъ тѣмъ, что при прогрессирующемъ состояніи общества увеличивается спросъ на трудъ вслѣдствіе увеличенія фондовъ, предназначенныхъ на уплату заработной платы (funds destined for the payment of wages), въ бо̀льшей пропорціи, чѣмъ въ какой увеличивается населеніе. Поэтому возникаетъ конкуренція между предпринимателями по отношенію къ рабочимъ, и заработная плата поднимается. При регрессирующемъ состояніи имѣетъ мѣсто обратное; поэтому возникаетъ конкуренція между рабочими по отношенію къ предпринимателямъ, и заработная плата падаетъ.

Дѣйствіе этой-же причины на уровень прибыли заключается въ томъ, что при прогрессирующемъ состояніи общества вслѣдствіе увеличенія массы капиталовъ во всѣхъ отрасляхъ производства страны конкуренція купцовъ и предпринимателей по отношенію къ потребителямъ такъ понижаетъ цѣну продуктовъ, что прибыль уменьшается. Уже въ самомъ началѣ главы о прибыли Смитъ говоритъ: (I, 9, 40). «Когда многіе богатые купцы прилагаютъ свои капи-

талы къ одной и той-же отрасли промышленности, взаимное соперничество ихъ естественно стремится понизить прибыль; а когда подобный ростъ капиталовъ имѣетъ мѣсто во всѣхъ отрасляхъ промышленности даннаго общества, это соперничество должно произвести такое-же дѣйствіе во всѣхъ этихъ отрасляхъ».

А такъ какъ при этомъ заработная плата поднимается, то прибыль падаетъ вдвойнѣ [78]).

При регрессирующемъ состояніи имѣетъ мѣсто обратное: благодаря конкуренціи между потребителями по отношенію къ купцамъ и предпринимателямъ, цѣна и, слѣдовательно, прибыль поднимаются [79]).

И здѣсь дѣйствіе поднятія цѣнности усугубляется дѣйствіемъ паденія заработной платы [80]).

Итакъ, хотя одна и та-же причина дѣйствуетъ и на уровень заработной платы, и на уровень прибыли, но она одновременно дѣйствуетъ и на первый, и на второй посредствомъ конкуренціи между капиталистами съ одной стороны и рабочими—съ другой; на второй она дѣйствуетъ сверхъ того еще посредствомъ конкуренціи между купцами и предпринимателями съ одной стороны и потребителями—съ другой. Оба эти фактора дѣйствуютъ независимо одинъ отъ другаго, и отъ степени ихъ дѣйствія зависитъ высота и степень измѣненія въ уровнѣ заработной платы съ одной стороны и въ уровнѣ прибыли—съ другой. Такимъ-то образомъ мы здѣсь получаемъ выводъ, противоположный тому, который мы привели выше: тамъ выходило, что уровень заработной платы опредѣляетъ высоту цѣнности,—здѣсь

онъ на высоту цѣнности не оказываетъ никакого вліянія; тамъ далѣе выходило, что уровень прибыли опредѣляетъ высоту цѣнности, и это самъ Смитъ подтверждаетъ, говоря: (I, 11, 66) «Высокая или низкая заработная плата и прибыль является причиною высокихъ или низкихъ цѣнъ; высокая или низкая рента есть слѣдствіе послѣднихъ»; здѣсь же, наоборотъ, высота цѣнности опредѣляетъ уровень прибыли. Такимъ образомъ получается слѣдующій circulus vitiosus: уровень прибыли опредѣляетъ высоту цѣнности; высота цѣнности опредѣляетъ уровень прибыли. Какъ показалъ Тюненъ, такой же circulus vitiosus мы встрѣчаемъ въ ученіи Смита о поземельной рентѣ: какъ мы видѣли, Смитъ объясняетъ происхожденіе ренты высотою цѣны продуктовъ земледѣлія; отсюда вытекаетъ, что и уровень ренты долженъ зависѣть отъ высоты этой цѣны: это Смитъ, какъ мы только что видѣли, прямо и высказываетъ. Но съ другой стороны Смитъ высоту цѣны ставитъ въ зависимость отъ уровня ренты, когда онъ, напримѣръ, говоритъ, что естественная цѣна какого-нибудь блага есть та, которая достаточна на уплату заработной платы, прибыли и ренты по ихъ естественному уровню [81]).

Разсматривая только-что изложенное ученіе Смита о составныхъ частяхъ цѣнности въ первой его версіи, по которой уровень прибыли вліяетъ на высоту цѣнности, но не наоборотъ, мы видимъ, что Смитъ не сумѣлъ привести въ соотвѣтствіе источники цѣнности и обстоятельства, опредѣляющія ея высоту [82]). Въ ролп

первыхъ являются природа и трудъ, а такъ какъ природа создаетъ ту часть цѣнности, которая образуетъ ренту, то остальная часть цѣнности, распадающаяся на заработную плату и прибыль, создается только трудомъ. Капиталъ, по Смиту, не является ни источникомъ богатства, ни источникомъ цѣнности. Въ то-же время онъ доставляетъ своему владѣльцу прибыль, и, такимъ образомъ, какъ размѣръ капитала, такъ и уровень прибыли пріобрѣтаютъ вліяніе на высоту цѣнности. Спрашивается, откуда берется эта прибыль, гдѣ ея источникъ?

Смитъ себѣ этого вопроса прямо не ставитъ, и поэтому мы и не находимъ у него опредѣленнаго отвѣта на него [83]).

Изъ того, что источникомъ цѣнности по Смиту является трудъ, вытекаетъ, что прибыль есть вычетъ изъ продукта, созданнаго трудомъ, или изъ его цѣнности. Это Смитъ прямо и высказываетъ [84]). Вмѣстѣ съ тѣмъ у Смита встрѣчаются и зачатки такъ называемой «теоріи воздержанія», но они играютъ у него лишь второстепенную роль [85]).

Далѣе, если помимо природы трудъ является единственнымъ источникомъ цѣнности, то продуктъ одинаковаго количества труда долженъ всегда обладать одинаковою цѣнностью: иначе мы впали бы въ противорѣчіе съ положеніемъ, что слѣдствіе должно быть пропорціонально причинѣ. Однако, изъ ученія Смита о заработной платѣ и о прибыли вытекаетъ — хотя Смитъ этой консенвенціи не проводитъ—что одинаковыя

количества труда производятъ цѣнность различной высоты. Это различіе является послѣдствіемъ: 1) либо различій въ величинѣ капитала, 2) либо измѣненій въ уровнѣ заработной платы, 3) либо измѣненій въ уровнѣ прибыли. Въ такомъ случаѣ какъ-же можно считать трудъ единственнымъ источникомъ цѣнности? Здѣсь, очевидно, на ряду съ трудомъ должна оказывать вліяніе какая-нибудь видоизмѣняющая причина.

Обращаясь ко второй версіи Смита, по которой высота цѣнности опредѣляетъ уровень прибыли, мы видимъ, что здѣсь Смитъ условія образованія цѣнности изъ области производства благъ переноситъ въ совсѣмъ другую область: въ область спроса и предложенія. Высота цѣнности здѣсь опредѣляется спросомъ и предложеніемъ; прибыль же есть та часть цѣнности, которая остается за покрытіемъ заработной платы.

Здѣсь уже остается совсѣмъ невыясненнымъ—откуда берется прибыль? Почему цѣнность не упадетъ настолько, чтобы на долю прибыли ничего не осталось? Но и помимо этого, хотя бы мы и предположили наличность прибыли доказанною, все-же остается невыясненнымъ вопросъ объ ея уровнѣ.

Дѣйствительно, Смитъ указываетъ, напримѣръ, на то, что при прогрессирующемъ состояніи масса капиталовъ растетъ, что вслѣдствіе этого растетъ предложеніе товаровъ, и что уровень прибыли поэтому падаетъ. Но онъ не объясняетъ, почему же при этомъ капиталисты соглашаются на такое паденіе прибыли; почему они не сокращаютъ предложенія; онъ не объя-

сняетъ, наконецъ, почему спросъ не растетъ наравнѣ съ предложеніемъ.

Ближайшая задача экономической науки послѣ Смита состояла, во-первыхъ, въ томъ, чтобы объяснить происхожденіе и уровень поземельной ренты и очистить ученіе о цѣнности отъ физіократизма; во-вторыхъ, въ томъ, чтобы выяснить связь между уровнемъ заработной платы и прибыли и указать тѣ предѣлы, въ которыхъ измѣненія въ этомъ уровнѣ вліяютъ на цѣнность. Эти два вопроса были разрѣшены Давидомъ Рикардо. Лишь послѣ ихъ разрѣшенія наука могла поставить себѣ новую задачу и съ помощью результатовъ, добытыхъ относительно высоты цѣнности, приступить къ изслѣдованію вопроса объ источникѣ цѣнности.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Fr. List, Das nationale System der politischen Oekonomie, VII Aufl. (Eheberg), Stuttgart, 1883, Vorrede, стр. XXXI, XXXII. См. также Oncken, Adam Smith und Immanuel Kant, Leipzig. 1877, стр. 3 и слѣд.

2) Kautz, Die geschichtliche Entwickelung der Nationaloekonomik und ihrer Literatur, Wien, 1860, стр. 426; Eisenhart, Geschichte der Nationaloekonomik, II Aufl., Iena, 1891, стр. 45; Schönberg, Handbuch der Politischen Oekonomie, III Aufl., Band I, Tübingen, 1890, стр. 87; Чупровъ, Исторія политической экономіи, Москва, 1892, стр. 138; см. также Knies, Die politische Oekonomie vom geschichtlichen Standpunkte, Braunschweig, 1883, стр. 26—27.

3) Leser, Der Begriff des Reichtums bei A. Smith, стр. 77 и слѣд.; 103 прим. См. также Roscher, Grundlagen der Nationaloekonomie, 20 Aufl., Stuttgart, 1892, § 47, прим. 6, стр. 117; Dühring, Kritische Geschichte der Nationaloekonomie und des Socialismus, 3 Aufl., Leipzig 1879, стр. 145; Ингрэмъ, Исторія политической экономіи, пер. подъ ред. проф. Янжула, Москва, 1891, стр. 111. 118, 134.

4) Сочиненія Давида Рикардо, переводъ Зибера, Спб., 1882, стр. 35, прим.

5) Ibid., стр. 180, прим.

6) «Само собою разумѣется, что онъ (Смитъ) вовсе не думалъ, высказываясь такъ, утверждать, будто трудъ является

единственнымъ факторомъ производства. Поставивъ въ основѣ своего изслѣдованія это положеніе, онъ тѣмъ самымъ хотѣлъ отмѣтить рѣзкое различіе, которое существуетъ между его взглядами и точкой зрѣнія меркантилистовъ и физіократовъ» (Ингрэмъ, l. c., стр. 118). См. также объясненіе приведенныхъ въ текстѣ словъ Смита у Leser, l, c., стр. 103—104.

7) Послѣднія слова Introduction, стр. 2, см. также Leser, l. c., 77.

8) Leser, l. c., 73—75; «Lagriculture produit deux sortes de richesses, savoir: le produit annuel des revenus des propriétaires et la restitution des frais de culture» (Quesnay, Maximes génèrales de gouvernement économique въ трактатѣ Grains, Max. VIII, стр. 237 изданія Онкена: Oncken, Oeuvres économiques et philosophiques de F. Quesnay, fondateur du systéme physiocratique etc., Francfort et Paris, 1888).

9) Что физіократы природу считали не единственнымъ источникомъ богатства, видно, напр., изъ слѣд. словъ Кенэ: les revenus sont le produit des terres et des hommes; sans le travail des hommes les terres n'ont aucune valeur (Oncken, Oeuvres de Quesnay, art. Grains, 220).

10) Leser, l. c., 75.—«Comparez le gain des ouvriers, qui fabriquent les ouvrages d'industrie à celui des ouvriers que le laboureur emploie á la culture de la terre, vous trouverez que le gain, de part et d'autre, se borne á la subsistance de ces ouvriers: que ce gain n'est pas une augmentation de richesses». (Quesnay, Grains, Maxime I, стр. 233).

11) «Que le souverain et la nation ne perdent jamais de vue que la terre est l'unique source des richesses, et que c'est l'agriculture que les multiplie» (Quesnay, Maximes génèrales du gouvernement économique d'un royaume agricole, Max. III, стр. 331).

12) Leser, l. c. 57.

13) Оно встрѣчается не только у Гурнэ. См, Leser, l. c., 59, гдѣ приведены цитаты изъ Кенэ и изъ другихъ физіократовъ. (Мирабо, Мерсіэ-де-ля-Ривіэръ). «Les travaux d'industrie contribuent á la population et á l'accroissement des richesses» (Quesnay, Grains, Max. II, стр. 234).

14) Въ трактатѣ Тюрго: «Reflexions sur la formation et

la distribution des richesses» (Oeuvres de Turgot, par Eugène Daire et Hipp. Dussard Paris 1844, Tome I, стр. 7—67) этотъ третій взглядъ проведенъ вполнѣ послѣдовательно. Въ отличіе отъ другихъ физіократовъ Тюрго считалъ критеріемъ того, можетъ ли данный предметъ быть элементомъ богатства, его прочность, способность быть сберегаемымъ и накопляемымъ (§ 91). Но въ этихъ предѣлахъ онъ не дѣлаетъ никакого различія между произведеніями земледѣльческими и мануфактурными. Богатство какого-нибудь народа по Тюрго состоитъ 1) изъ всѣхъ его помѣстій, къ которымъ надо присоединить еще 2) то, что Тюрго называетъ «richesses mobilières»: подъ ними онъ разумѣетъ «особый видъ предметовъ владѣнія, проистекающій изъ накопленія непотребленныхъ ежегодно продуктовъ» (§ 52). Къ «richesses mobilières въ свою очередь относятся: а) всѣ капиталы, которые вложены въ земледѣльческія, промышленныя и торговыя предпріятія; в) домашняя утварь, одежда, драгоцѣнности и т. д., находящіяся въ пользованіи отдѣльныхъ лицъ. Сюда входятъ также деньги (§ 90). Изъ народнаго богатства исключаются лишь капиталы, отданные взаймы (Ibid.).—Промышленный классъ Тюрго называетъ не «la classe stérile», но «les stipendiés» (§ 15; исключеніе лишь въ § 18).

15) Физіократы различали также между произведеніями обработанной земли и дикими плодами земли: послѣдніе носятъ у нихъ названіи: productions spontanées de la nature и являются продуктами одной земли (Leser, l. c. 67).

16) Это противопоставленіе мы находимъ и у Тюрго (§ 59: «Всякій, кто ежегодно получаетъ либо въ видѣ дохода съ своей земли, либо въ видѣ вознагражденія за свой трудъ (industrie) больше цѣнностей, чѣмъ сколько ему нужно истратить» и т. д.; § 67: плоды земли или фабричныя издѣлія; Ibid.: «плоды урожая или издѣлія»).

17) Oeuvres de Turgot, т. I, Eloge de Gournay, стр. 271. «Въ качествѣ политическаго цѣлаго, обязаннаго защищаться отъ внѣшнихъ нападеній и тратить большія суммы на внутреннія улучшенія, государство заинтересовано въ томъ, чтобы масса богатствъ государства и годичныхъ произве-

деній земли и труда (la masse des richesses de l'état et des productions annuelles de la terre et de l'industrie) была бы наивозможно большею. Ibid., 273: «Что касается второй задачи государства, состоящей въ доставленіи нàціи наивозможно бóльшаго количества богатствъ, то ясно, что государство обладаетъ дѣйствительными богатствами лишь въ годичныхъ произведеніяхъ своихъ земель и труда своихъ жителей, и что, поэтому, его богатство будетъ наибольшее, когда продуктъ каждой десятины (arpent) земли и труда каждаго отдѣльнаго лица будетъ доведенъ до максимума». См. также примѣчаніе E. Daire на стр. 273. См. также 266: «Онъ (Гурнэ) думалъ, что рабочій, приготовившій кусокъ матеріи, присоединилъ дѣйствительное богатство къ массѣ богатствъ страны». 279: «удивительное увеличеніе богатствъ и цѣнностей, вытекающее изъ увеличенія торговли». См. Leser, l. c., 65; Oncken, статья «Quesnay» въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften, Томъ V, стр. 323.

18) Правда, что наряду съ этой формулой у Смита иногда встрѣчается и другая: «годичный продуктъ труда» (the annual porduce of labour), въ которой о землѣ не упоминается (напр. I, 6, 24; I, 6, 25; I, 10, 57; II, 3, 147); но эта формула является лишь сокращеннымъ видоизмѣненіемъ первой и встрѣчается у Смита лишь въ видѣ исключенія (Leser l. c., стр. 102).

19) Leser, l. c., стр. 1—14.

20) wealth, riches, opulence—три однозначущихъ термина у Смита.

21) Для выраженія этого понятія Смитъ употребляетъ слово «fortune», имущество.

22) Подъ «годичнымъ продуктомъ земли и труда» Смитъ разумѣетъ то, что онъ называетъ «годичнымъ доходомъ» и поэтому говоритъ иногда: «the revenue, the annual produce of the land and the labour». Такимъ образомъ богатство по Смиту пропорціонально годичному доходу.

23) Такъ, напр., на стр. 115 (I, 11) противопоставляются «трудъ или продуктъ труда» (labour or the produce of labour) и «сырой продуктъ земли» (the rude porduce of the

land). II, 3, 147 и II, 4, 156 онъ говоритъ о «годичномъ продуктѣ, который, лишь только онъ появляется либо изъ почвы, либо изъ рукъ производительныхъ рабочихъ (annual produce which, as soon as it comes from the ground or from the hands of the productive labourers). См. также IV, 5, 234 гдѣ Смитъ говоритъ о хлѣбѣ: when it first comes from the ground; на стр. IV, 5, 226 онъ говоритъ о продуктѣ «либо земли, либо труда» (either of land, or of labour); иногда вмѣсто «produce of land and labour» Смитъ говоритъ, «продуктъ земледѣлія и мануфактуръ» (produce of agriculture and manufactures) (I, 9, 93); а II, 3, 147 продукту земли противопоставляется продуктъ большой фабрики. См. Leser, l. c. 98—99.

24) Такъ, напр., стр. 1: immediate produce of labour; ibid. produce of ten times more labour; I, 1, 6: produce of the joint labour of a great multitude of workmen; I, 1, 7: produce of his own labour; и т. д., и т. д. Иногда вмѣсто слова «labour» Смитъ употребляетъ слово «industry» (напр.: I, 7, 26: produce of the one species of industry; и т. д.).

25) Смитъ не только говоритъ о продуктахъ земли, но и о продуктахъ воды и о продуктахъ копей и рудниковъ. См. въ главѣ о рентѣ (I, 11): 67 и друг.: produce of the land; 83 и друг.: rude produce of the land; 69: an acre of land will produce; 66: rocks, of which the produce was never augmented by human industry; 68: a corn field produces; 69: the whole territory was not sufficient to produce; 70: the produce of a kitchen garden; 71: vineyards, which produce; 73: a rice field produces; 73: food produced by a field of potatoes; 67: the produce of water; 77 и др.: the produce of coal mines; the produce of metallic mines; 78 и др. the produce of silver mines; см. также II, 1, 122 и др.: the produce of land, of mines and of fisheries.

26) Подобно физіократамъ Смитъ выдѣляетъ въ особую категорію дикія произведенія земли: они являются продуктами одной земли. Человѣкъ ихъ не производитъ (produce), но собираетъ (collect). Любопытно, что Смитъ этимъ произведеніямъ часто даетъ тоже названіе, что и физіократы: «Spontaneous productions of nature» (86, I, 11) или «of the earth» (147, II, 3) См. также 23, I, 6: «the woods of the forest,

the grass of the field and all the natural fruits of the earth» 100, I, 11, «things, which nature produces only in certain quantities» 101, I, 11 «Plants and animals, which... nature produces in such profuse abundance».

27) Одинаковое значеніе съ трудомъ людей Смитъ придаетъ иногда труду скота: I, 11, 115: большое количество людей и скота обращаются къ ея воздѣлыванію; II, 2, 124: Тоже количество рабочихъ и скота доставитъ гораздо большій продуктъ; II, 5, 161: не только его рабочіе, но и его рабочій скотъ суть продуктивные работники. См. также Turgot, reflexions, § 24.

28) (II, 5, 161). «Сверхъ того, въ земледѣліи природа работаетъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, и хотя трудъ ея ничего не стоитъ, тѣмъ не менѣе продуктъ его обладаетъ такою же цѣнностью, какъ и продуктъ наболѣе дорогихъ рабочихъ. Наиболѣе важныя земледѣльческія работы имѣютъ цѣлью не столько увеличить плодородіе земли (хотя достигаютъ и этого), сколько направить это плодородіе къ производству самыхъ выгодныхъ для человѣка растеній. Поле, заросшее терновникомъ и верескомъ, нерѣдко производитъ не меньшее количество растеній, чѣмъ тщательно воздѣланные виноградникъ или пашня. Обработка земли не столько возбуждаетъ, сколько направляетъ дѣятельное плодородіе земли и, за исполненіемъ всѣхъ земледѣльческихъ работъ, большую часть работы всегда остается довершить природѣ. Поэтому рабочіе и рабочій скотъ, употребляемые въ земледѣліи, не только воспроизводятъ, какъ рабочіе въ обрабатывающей промышленности, цѣнность своего собственнаго потребленія или затраченный на нихъ капиталъ вмѣстѣ съ прибылью для его владѣльца, но воспроизводятъ цѣнность гораздо большую. Сверхъ капитала фермера и всей его прибыли, они ежегодно воспроизводятъ ренту землевладѣльца. Эту ренту можно разсматривать какъ продуктъ тѣхъ силъ природы, которыя землевладѣлецъ отдаетъ въ пользованіе фермеру. Рента эта можетъ быть больше или меньше, смотря по предполагаемымъ размѣрамъ этихъ силъ, или, другими словами, смотря по предполагаемому плодородію земли, естественному или

искусственно созданному. Остающееся за вычетомъ всего того, что можетъ считаться произведеніемъ человѣка—есть произведеніе природы. Этотъ излишекъ рѣдко составляетъ менѣе 1/4, а часто болѣе 1/3 всего продукта. Одинаковое количество производительнаго труда въ обрабатывающей промышленности никогда не можетъ повести къ столь большому воспроизведенію. Въ ней природа ничего не дѣлаетъ—все дѣлаетъ человѣкъ; между тѣмъ; спроизведеніе всегда находится въ соотвѣтствіи съ силою тѣхъ агентовъ, которые его причиняютъ».

29) Здѣсь Смитъ, полемизируя съ взглядомъ, что «ремесленники, фабриканты и купцы» составляютъ классъ непроизводительный, указываетъ на то, что эти лица воспроизводятъ по крайней мѣрѣ «тотъ капиталъ, который даетъ имъ средства къ существованію и къ работѣ», и что считать ихъ непроизводительными столь же неправильно, какъ считать безплоднымъ бракъ, отъ котораго родилось лишь двое дѣтей. «Фермеры и сельскіе рабочіе», продолжаетъ онъ, «дѣйствительно, сверхъ капитала, доставляющаго имъ средства къ существованію и къ работѣ, ежегодно воспроизводятъ чистый доходъ (a neat produce, produit net!), свободную ренту для землевладѣльца. Подобно тому какъ бракъ, дающій трехъ дѣтей, конечно, болѣе производителенъ, чѣмъ бракъ, доставляющій только двоихъ,—такъ же и трудъ фермеровъ и сельскихъ рабочихъ, конечно, болѣе производителенъ, чѣмъ трудъ купцовъ, ремесленниковъ и фабрикантовъ. Однако же, бо́льшая производительность одного класса никакъ не означаетъ безплодности или непроизводительности другого» (IV, 9, 303).

30) Отсюда вытекаетъ, насколько невѣрно передаетъ ученіе Смита Эйзенгартъ (Geschichte der Nationalökonomik, 2 Aufl., Iena 1891), излагая его слѣд. обр.: «Vermag auch der Boden einen jährlichen Ueberschuss über seine Anbaukosten abzuwerfen, so ist es doch die Arbeit allein, welche ihm diese Fähigkeit mittheilt, und es ist eine blosse Phrase, wenn die Physiokraten die Grundrente als ein reines Geschenk der Natur bezeichnen. Und zwar ist jede nützliche Arbeit, sofern sie nur an einem materiellen Objekt fixirt, gleich pro-

duktiv, und liefert ihren Beitrag zum jährlichen Nationaleinkommen, diejenige des Gewerkmanns ebenso wie diejenige des Landwirts» etc. (стр. 45).

31) Приведемъ хотя бы одинъ примѣръ этой критики.

Смитъ ставитъ физіократамъ въ упрекъ, что они земледѣльцевъ «удостоиваютъ особымъ названіемъ производительнаго класса», между тѣмъ, какъ «классъ ремесленниковъ, фабрикантовъ и купцовъ они стараются унизить позорящимъ названіемъ безплоднаго или непроизводительнаго класса» (IV, 9,300). «Между тѣмъ, самъ Смитъ, разсуждая о томъ видѣ труда, который онъ считаетъ непроизводительнымъ, говоритъ: «Трудъ нѣкоторыхъ изъ наиболѣе почтенныхъ классовъ общества, подобно труду прислуги, непроизводителемъ въ смыслѣ созданія цѣнности (is unproductive of any value)... Такъ, напр., всѣ находящіеся на гражданской и военной службѣ, армія и весь флотъ представляютъ изъ себя непроизводительныхъ работниковъ... Служба ихъ, какъ бы почтенна, полезна, необходима она ни была, ничего не производитъ такого, за что впослѣдствіи можно было бы пріобрѣсти такое же количество службы» и т. д. (II,3,146). Итакъ, здѣсь названіе «непроизводительный» Смитъ нисколько не считаетъ «позорящимъ». Отчего же оно становится «позорящимъ» въ устахъ физіократовъ? Этотъ упрекъ противъ физіократовъ тѣмъ болѣе несправедливъ, что Кенэ, какъ и Смитъ, вездѣ оговаривается, что онъ этимъ названіемъ не хочетъ умалить важность услугъ тѣхъ лицъ, которымъ онъ даетъ его. См. Предисловіе Онкена къ Oeuvres de Quesnay.

32) Прекрасное толкованіе этого мѣста см. у Boehm Bawerk, Kapital und Kapitalzins, I, Innsbruck, 1884, стр. 428 Бемъ-Баверкъ указываетъ на то, какъ Смитъ уклоняется здѣсь отъ строгой научной терминологіи: онъ говоритъ не о «трудѣ» (labour), а объ «усиліяхъ и безпокойствѣ» (toil and trouble); «цѣнность онъ называетъ не value, a worth. «In der unwillkürlichen Empfindung, dass vor dem Forum einer streng wissenschaftlichen Reflexion der Satz keine Zustimmung erlangen könnte, wendet sich Smith durch das Medium der Alltagssprache an die weniger scharf kontrollirten Eindrücke

des Alltagslebens, und, wie die Erfahrung gezeigt hat, nicht ohne Erfolg, der freilich im Interesse des Wissenschaft lebhaft zu bedauern ist» (l. c. 431). «Die berühmte Stelle ist von dem, was man darin gewöhnlich erblicken will, von einem grossen und wohlbegründeten wissenschaftlichen Fundamentalsatz, soweit als möglich entfernt» (l, c. 432).

33) Такъ, напр., Тюрго говоритъ: «Землевладѣлецъ все пріобрѣтаетъ лишь посредствомъ труда: отъ него онъ получаетъ свое продовольствіе и средства на уплату труда лицъ, занятыхъ въ другихъ отрасляхъ промышленности (les travaux des autres stipendiés). Онъ нуждается въ земледѣльцѣ въ силу естественнаго порядка, по которому земля не производитъ безъ приложенія труда». (§ 17) «Землевладѣлецъ же пріобрѣтаетъ сверхъ своего пропитанія независимое и свободное (disponible) богатство, которагоонъ некупилъ и котороеонъпродаетъ» (§ 7). Эта мысль встрѣчается и у Юма. См. Hume, Essays moral, political and literary, изд. Green and Grose, т. I, Part II, On commerce, стр. 293. «Everything in the world is purchased by labour». См. Oncken A. Smith und I. Kant, стр. 35, прим.

34) Chaque objet particulier de ses jouissances lui coute des soins, des fatigues, des travaux et au moins du temps (у Смита: «toil and trouble»). C'est cet emploi de ses facultés appliqées à la recherche de chaque objet, qui fait la compensation de sa jouissance et pour ainsi dire le prix de 'objet. L'homme est encore seul, la nature seule fournit à ses besoins et déjà il fait avec elle un premier commerce (у Смита: «original purchase money»), ou elle ne fournit rien, qu'il ne paye par son travail, par l'emploi de ses facultés et de son temps», Oeuvres de Turgot, I, 82—83).

35) Marx, Das Kapital, II Band, Hamburg, 1885, предисловіе Энгельса, стр. XI—XII. См. также Brentano, Ueber die Ursachen der heutigen socialen Noth, 2-te Aufl., Leipzig, 1889, стр. 32; Schulze-Gaevernitz, Zum socialen Frieden. Leipzig, 1890, II, стр. 86.

36) Marx, Das Kapital, II, Abschnitt II, Kap. 10, стр. 168—195, въ особ. стр. 189 и слѣд.

37) См. Leser, l. c., стр. 101, прим.

38) Сочиненія Рикардо, стр. 180.

39) Такъ напр., I, V, 15 онъ говоритъ: «Трудъ есть дѣйствительная цѣна ихъ; деньги суть номинальная цѣна ихъ». «Дѣйствительная цѣна труда можетъ считаться состоящею изъ того количества предметовъ необходимости и удобства, которые за него даются въ обмѣнъ».

40) Напр.: (II, I, 120). «Цѣна или цѣнность (the price or value) его рабочаго скота» II, 2, 123: «вся цѣна или мѣновая цѣнность (the whole price or exchangeable value) годичнаго продукта» и т. д.

41) Leser, l. c., стр. 68 и слѣд.

42) Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ: «Car si elle (la nation) fait une grande consommation de ses denrées à haut prix, ses richesses seron proportionées à l'abondance et au prix des denrées, qúelle consomme». (Quesnay, Grains, Max XII, стр. 239). «La valeur d'un septier de blé, considéré comme richesse, ne consiste que dans son prix. Ainsi, plus le blé, le vin, les laines, les bestiaux sont chers et abondants, plus il y a de richesses dans l'état. La non valeur avec l'abondance n'est point richesse; la cherté avec pénurie est misère; l'abondance avec cherté est opulence (Quesnay, Grains, Observation sur le prix ses grains, стр. 246).

43. Mirabeau, l'ami des hommes, nouvelle édition 1760, VII, стр. 90, цит. у Leser l. c. 71.

44) Такъ, напр., Тюрго въ «Observation sur le mémoire de M-r Graslin» даетъ слѣдующія опредѣленія: «Biens (bona): tout objet de jouissance, de possession, de désir, de besoin; valeurs (merae): toute chose, susceptible d'échange ou d'évaluation. Richesses (opes): tout objet de jouissance, qui a une valeur» Oeuvres de Turgot, 435).

45) Leser, l. c., 73.

46) Напр.: 128, 149, 150, 151, 153, 156, 161, 162, 166, 167 и т. д. Иногда вмѣсто «value» Смитъ говоритъ «exchangeable value» (149, 155 и т. д.) или «real value» (напр. 110); «price or exchangeable value» (123). Иногда на одной и той же страницѣ рядомъ съ формулой «value of the annual produce» мы встрѣчаемъ простую формулу «the annual produce» (напр. 110, 123, 147, 156, 161, 166, 167).

47) Такъ, напр., Смитъ говоритъ: II, 5 166 «Богатство всегда должно быть пропорціонально цѣнности годичнаго продукта».

48) Приведемъ лишь нѣсколько примѣровъ: I, 8, 30 «Онъ... пользуется всѣмъ продуктомъ своего собственнаго труда или всею цѣнностью, которую этотъ трудъ присоединяетъ къ матеріаламъ». I, 11, 66: «Та часть продукта или, что тоже самое, та часть его цѣны» I, 11, 86 «приблизительно одинаковыя количества труда, или, что тоже самое, цѣна приблизительно одинаковыхъ количествъ труда». II, 5, 160. «Онъ (сырой продуктъ земли) не обладалъ бы вовсе мѣновою цѣнностью и ничего не присоединялъ бы къ богатству общества». См. Leser, l. c., 117—120.

49) «Существуетъ одинъ видъ труда», говоритъ Смитъ (II, 3, 145), «который увеличиваетъ цѣнность того предмета, къ которому онъ прилагается; но есть и другой видъ труда, который этого дѣйствія не имѣетъ. Такъ какъ первый создаетъ новую цѣнность, то можетъ быть названъ производительнымъ; второй можетъ быть названъ непроизводительнымъ трудомъ». «Трудъ домашней прислуги, продолжаетъ Смитъ (Ibid, 146) не фиксируется и не осуществляется ни на какомъ предметѣ, могущемъ быть проданнымъ». См. Leser, l. c., 137.

50) «Количество продуктивнаго труда» говоритъ Смитъ (II, 5, 159) «приводимаго въ движеніе равными капиталами, чрезвычайно различно смотря по различному употребленію этихъ капиталовъ, настолько же различна и цѣнность, которую это употребленіе присоединяетъ къ годичному продукту земли и труда страны». См. Leser, l. c. 134.

51) Такъ, напр,, I, 6, 22: «what their labour adds to the value of the materials». ibid: «the value, which the workmen add to the materials». Тоже на стр. 30, 68, 145, 149, 150, 153 155, 161 и т. д.

52) Если держаться буквально выраженій Смита, можно бы придти къ выводу, что у него и капиталъ является источникомъ богатства и цѣнности (см. Boehm-Bawerk, Kapital und Kapitalzins, 365, прим.), между тѣмъ едва-ли это было бы правильно. Смитъ говоритъ: II, 5, 159: «цѣнность, которую

это употребленіе (капитала) присоединяетъ къ годичному продукту» II, 5, 161: «въ этомъ заключается весь продуктивный трудъ, который онъ (капиталъ) непосредственно приводитъ въ движеніе и вся цѣнность, которой онъ присоединяетъ къ годичному продукту». Такія же мѣста см. на стр. 162, 163, 164, 166, 167 и т. д. Изъ сопоставленія этихъ мѣстъ видно, что Смитъ здѣсь хочетъ сказать лишь то, что капиталъ даетъ орудія, матеріалы и т. д. и содержитъ трудъ, который является истиннымъ создателемъ цѣнности. Впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ Смитъ говоритъ о производительности капитала. А именно на стр. 141 (II. 2) онъ противопоставляетъ «капиталъ, который производитъ что-нибудь для частныхъ лицъ и для страны» «капиталу, который ничего не производитъ» для нихъ. Но Смитъ здѣсь хочетъ лишь выставить различіе между золотою и серебряною монетою съ одной стороны, и матеріалами, орудіями и средствами продовольствія — съ другой; первую категорію онъ называетъ «мертвымъ капиталомъ», вторую—«активнымъ или продуктивнымъ капиталомъ». Этимъ онъ хочетъ сказать лишь то, что только вторая категорія необходима человѣку при производствѣ (см. Введеніе къ II книгѣ «Богатства народовъ»), а никакъ не то, что капиталъ есть источникъ цѣнности.

53) Эту мысль мы встрѣчаемъ и у Кенэ: «Les consommateurs se multiplient partout, où la subsistence se multiplie». (Quesnay, Du commerce, Premier dialogue entre M. H. et M. N., стр. 458). Такимъ образомъ, уже Кенэ можетъ считаться предшественникомъ Мальтуса. См. статью Онкена «Quesnay» въ Handwörterbuch, T. V, 329. О точкахъ соприкосновенія физіократовъ съ Мальтусомъ см. также Schelle, Du Pont de Némours et l'école physiocratique, Paris, 1888, стр. 376 и слѣд.

54) «Про очень бѣднаго человѣка можно въ извѣстномъ смыслѣ сказать», говоритъ Смитъ (I, 7, 25)», что у него есть спросъ на карету съ шестеркою лошадей; у него можетъ быть желаніе обладать такою каретою, но его спросъ не составляетъ дѣйствительнаго спроса, такъ какъ товаръ этотъ никогда не можетъ быть доставленъ на рынокъ съ цѣлью его удовлетворенія».

55) J. S. Mill, System of Logic, B. V, Ch. VII, § 1, (стр. 375—387 тома II русскаго перевода Резенера, Спб. и Москва, 1867 г.).

56) Насколько Смитъ въ ученіи о поземельной рентѣ отклоняется отъ своихъ собственныхъ основныхъ воззрѣній, видно изъ того, что въ другомъ мѣстѣ (Книга IV, гл. V On bounties, Disgression concerning the corn trade and corn laws, стр. 233—234) онъ, вполнѣ согласно съ своими основными воззрѣніями, прекрасно доказываетъ какъ разъ противоложное тому, что доказывается въ главѣ о рентѣ: именно, невозможность для землевладѣльцевъ и фермеровъ добиться монопольной цѣны за хлѣбъ!..

57) Hermann, Staatswirtschaftliche Untersuchungen, München, 1832, стр. 39.

58) Rodbertus, Zur Erkenntnis unserer staatswirtschaftlichen Zustände, стр. 88.

59) «Erdfrüchte sind Hauptlebensmittel; wer sie erzeugt, ist selbständig, kann andere entbehren. Giebt er für die Leistungen anderer Lebensmittel ab, so hat er blos die Absicht, sein Produkt in einer ihm tauglicheren Form su verzehren, wo zu er den Dienst aller übrigen Glieder der Gesellschaft benützt und mit einem Theile seines Produkts vergilt. Hier sind also Bodenfrüchte das einzige wahre Produkt.—Diese Ansicht der Physiokraten ist wahr, wo selbständige Wirtschaft nur führt, wer seinen eigenen Boden baut; jeder Andere als Arbeiter oder Hausgenosse bei diesem lebt». (Hermann, l. c.). Здѣсь въ удивительно сжатой и точной формѣ изложена сущность ученія физіократовъ.

60) «Les productions, indépendamment des frais de culture, ont leur prix réglé par leur quantité et par la concurrence des acheteurs, dont les besoins surpassent toujours la masse de la réproduction. Donc, l'épargne, qu'on fait sur les dépenses du cultivateur, quoiqu'elle augmente la portion qui excède les frais, n'en diminue pas le prix». (Quesnay, sur les travaux des artisans, Second dialogue, 551).

61) Любопытно въ этомъ отношеніи сравнить ученіе Смита съ ученіемъ Тюрго, потому что Тюрго сумѣлъ избѣгнуть ошибки Смита. Первые 18 §§ трактата Тюрго «Reflexions

et c.», заключающія въ себѣ in nuce всю его теорію, всецѣло покоятся на описанной нами основной посылкѣ физіократовъ. Мысль объ «обмѣнѣ продуктовъ на трудъ» высказывается почти въ каждомъ изъ поименованныхъ 18 §§ трактата Тюрго! «Таже причина», говоритъ онъ, «которая вызвала обмѣнъ продуктовъ между лицами, воздѣлывавшими землю разнаго качества, должна была повести и къ обмѣну продуктовъ на трудъ между землевладѣльцами и другою частью общества, которая добываніе продукговъ земли предпочла ихъ обработку и приведеніе въ законченный видъ». Turgot, l. c. § 4. См. также § 61: «Въ первобытныя времена... земледѣлецъ или землевладѣлецъ самъ отпускалъ прядильщицѣ собранную имъ коноплю и кормилъ ее впродолженіи работы...» «Та часть продукта, производимаго землею при помощи его труда (т. е. труда земледѣльца), которая превосходитъ его личныя потребности, составляетъ единственный фондъ, изъ котораго выплачивается заработная плата, которую получаютъ остальные члены общества взамѣнъ своего труда» (l. c. § 5). «Простой рабочій, обладающій лишь своими руками и своимъ искусствомъ, обладаетъ средствами къ существованію, лишь насколько ему удается продать свой трудъ» (l. c., § 6). Однако, это послѣднее обстоятельство не приводитъ у Тюрго, какъ у Смита, къ поднятію цѣны пищи. Напротивъ, Тюрго сумѣлъ избѣжать этой ошибки и выводитъ изъ него лишь желѣзный законъ заработной платы: «Рабочіе», говоритъ онъ, «принуждены понизить цѣну на перерывъ одинъ другому. Во всѣхъ видахъ труда должно дойти и дѣйствительно доходитъ до того, что плата рабочаго ограничивается необходимыми средствами существованія» (ibid). Но, съ другой стороны, Тюрго не считаетъ нужнымъ привести какой-нибудь аргументъ въ пользу способности природы быть источникомъ цѣнности; такая способность кажется ему не требующей никакихъ доказательствъ. Важное значеніе въ указанной нами физіократической посылкѣ имѣетъ устраненіе прибыли изъ изслѣдованія. Это устраненіе мы находимъ въ первыхъ 18 §§-ахъ трактата Тюрго. Однако, въ дальнѣйшемъ изложеніи своемъ, Тюрго вводитъ въ свое изслѣ-

дованіе новые элементы: капиталъ, самостоятельныя предпріятія въ области обрабатывающей промышленности и торговли, а также прибыль: такимъ образомъ, онъ отступаетъ отъ предположеній первыхъ 18 §§-овъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ему становится гораздо труднѣе примирить физіократическій взглядъ, что лишь землевладѣлецъ пользуется свободнымъ (disponible) доходомъ, съ дѣйствительностью: для этого ему приходится прибѣгнуть къ большимъ натяжкамъ (см. §§ 93, 95 и 98 l. c.).

62) Послѣднія онъ называетъ «commodities»; или «necessaries and conveniences»; или «provisions and commodities»; или просто «subsistence; или, наконецъ, «produce of labour». Какъ указываетъ Лезеръ (l. c. стр. 123), это дѣленіе находится уже у Юма. Впрочемъ, мы встрѣчаемъ его и у Тюрго (l. c. § 76: «хлѣбъ или рабочіе дни»).

63) См., напр., первый абзацъ гл. V, кн. I, гдѣ удивительно наглядно проявляется это физіократическое вліяніе.

64) J. S. Mill, Principles of Political Economy, B. III, Ch. 15, § 2.

65) Такъ, напр., онъ говоритъ (I, 8, 32). «Поэтому, если денежная цѣна труда тамъ выше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ метрополіи, дѣйствительная цѣна его, количество предметовъ необходимости и удобства, которыми дѣйствительно располагаетъ рабочій, должно быть выше еще въ большей пропорціи».

66) «Нужно, однако, замѣтить», говоритъ Тюрго, «что работникъ, доставляющій всѣмъ наиболѣе важный и значительный предметъ потребленія (я разумѣю ихъ пищу и сверхъ того матеріалы для всѣхъ ихъ работъ), пользуется преимуществомъ бо́льшей независимости. И при порядкѣ раздѣленія труда между различными членами общества, его трудъ сохраняетъ тоже первенство, тоже превосходство, которымъ отличался трудъ, снабжавшій его пищей, отъ различныхъ видовъ труда, который при изолированномъ состояніи онъ былъ принужденъ посвящать на удовлетвореніе другихъ своихъ нуждъ. Первенство это заключается не въ бо́льшей чести или достоинствѣ; но вытекаетъ изъ физической необходимости. Земледѣлецъ можетъ вполнѣ

обойтись безъ труда другихъ работниковъ; но ни одинъ работникъ не можетъ работать, если земледѣлецъ не дастъ ему пропитанія».

67) Smith I, 11, 75: «Поэтому, люди, имѣющіе въ своемъ распоряженіи больше пищи, чѣмъ сколько они сами могутъ потребить, всегда готовы обмѣнить излишекъ, или, что тоже самое, цѣну его, на эти другія блага (gratifications of this o ther kind).

Smith, ibid. 76. «Бѣдные, съ цѣлью полученія пищи, изощряются на удовлетвореніе этихъ прихотей богатыхъ; а чтобы вѣрнѣе добиться ея, они стараются превзойти одинъ другого въ дешевизнѣ и совершенствѣ своей работы».

68) Smith. Ibid. 80. «Пища не только составляетъ главную часть богатства міра, но лишь изобиліе ея придаетъ многимъ другимъ видамъ богатствъ

Turgot, l. c. § 5. «Та часть продукта, производимаго землею, которая превосходитъ его личныя потребности, составляетъ единственный фондъ, изъ котораго выплачивается заработная плата, которую получаютъ остальные члены общества взамѣнъ своего труда». §7. «Лишь только трудъ земледѣльца производитъ свыше его потребностей; онъ можетъ за этотъ излишекъ, который природа ему даетъ чисто въ видѣ подарка сверхъ уплаты за его трудъ, купить трудъ остальныхъ членовъ общества...

Turgot § 6. «Такимъ образомъ, рабочіе принуждены понизить цѣну наперерывъ одинъ другому», § 10. «Ничего другого не оставалось дѣлать, какъ, въ качествѣ членовъ наемнаго класса, обмѣнивать трудъ своихъ рукъ на излишекъ продуктовъ землевладѣльца (proprietaire-cultiveteur).

Turgot § 7. «Такимъ образомъ, онъ (земледѣлецъ) является единственнымъ источникомъ богатствъ, обращеніе которыхъ оживляетъ всѣ ви-

главную часть ихъ цѣнности».

ды труда общества» § 17. «Онъ (земледѣлецъ) сохраняетъ то естественное первенство, которое дѣлаетъ изъ него перваго двигателя общественной машины«.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи (стр. 80) Смитъ объясняетъ скудостью пищи ту незначительную цѣнность, которую дикари острововъ Кубы и С.-Доминго придавали золоту.

69) «Но золото и серебро естественно будутъ обмѣниваться на бо́льшее количество средствъ продовольствія (subsistence) въ богатой, чѣмъ въ бѣдной странѣ; въ странѣ, которая обильно снабжена ими, чѣмъ въ странѣ, которая чувствуетъ въ нихъ недостатокъ» (I, 11, 87).

70) Leser, l. c., стр. 41.

71) См. также Turgot, l. c. § 1.

72) «Такъ какъ въ цивилизованной странѣ существуетъ лишь незначительное количество товаровъ, мѣновая цѣнность которыхъ вытекаетъ изъ одного труда, и такъ какъ рента и прибыль въ широкой степени вліяютъ на цѣнность значительнаго большинства ихъ, то и т. д.» (I, 6, 25).

73) Относительно заработной платы, какъ составной части цѣнности, мы должны обратить вниманіе на одну неточность языка Смита; а именно, вмѣсто слова «заработная плата» (wages) онъ очень часто употребляетъ слово «трудъ» (labour). Что это дѣйствительно такъ, видно изъ того, что «труду» противоставляются «прибыль» и «рента». Такъ, напр., мы видѣли это въ только что цитированномъ нами мѣстѣ; кромѣ того I, 11, 66: «землевладѣлецъ старается оставить ему (фермеру) не бо́льшую часть продукта, чѣмъ сколько необходимо для возмѣщенія капитала, на который онъ пріобрѣтаетъ сѣмена, уплачиваетъ трудъ и покупаетъ и содержитъ скотъ и другія земледѣльческія орудія, вмѣстѣ съ прибылью по уровню, обычному для фермерскаго капитала по сосѣдству». I, 11, 68: «цѣна котораго (т. е. скота), поэтому, должна быть достаточна не только на уплату труда, необходимаго для ухода за нимъ, но и на уплату ренты и прибыли, которую землевладѣлецъ и фермеръ могли бы

извлечь изъ этой земли, если бы она была воздѣлана подъ пашню». I, 11, 78: «поэтому, для большей части рудниковъ рента составляетъ лишь меньшую часть въ цѣнѣ простыхъ металловъ и еще меньшую—въ цѣнѣ благородныхъ. Трудъ и прибыль составляютъ главную часть цѣны какъ тѣхъ, такъ и другихъ». I, 11, 105: «для этого, цѣна каждаго отдѣльнаго продукта должна быть достаточна, во-первыхъ, на уплату ренты за хорошую землю, воздѣланную подъ хлѣбъ ..... во-вторыхъ, на уплату труда и издержекъ фермера—или, другими словами, на возмѣщеніе капитала, приложеннаго землѣ, вмѣстѣ съ обычною прибылью». Справедливость того, что во всѣхъ этихъ мѣстахъ Смитъ подъ «трудомъ» разумѣетъ «заработную плату», будетъ еще яснѣе, если мы примемъ во вниманіе, что въ другихъ мѣстахъ Смитъ «прибыль» и «ренту» правильно противопоставляетъ «заработной платѣ». Такъ, напр., онъ говоритъ: I, 10, 57 «въ этомъ случаѣ цѣна ихъ (матерьяловъ) увеличивается въ размѣрѣ заработной платы рабочихъ и прибыли ихъ хозяевъ, или тѣхъ лицъ, которыя непосредственно употребляютъ рабочихъ въ дѣло». I, 11. 92: «Цѣна его (серебра) постепенно падала бы все ниже и ниже, пока не достигла бы естественной цѣны, т. е. той, которая какъ разъ достаточна на уплату, по ихъ естественному уровню, заработной платы, прибыли на капиталъ и поземельной ренты, которыя должны быть уплочены для доставки его (серебра) съ рудника на рынокъ». Иногда же Смитъ прямо приравниваетъ—въ качествѣ обстоятельствъ, вліяющихъ на высоту цѣнности,—«количество потраченнаго труда» и его цѣну. I, 11, 68: «Но хлѣбъ нигдѣ не можетъ быть воздѣлываемъ безъ значительнаго количества труда... и денежная цѣна труда не могла быть очень дешева». I, 11, 86: кромѣ того, на всѣхъ ступеняхъ цивилизаціи (improvement) для добыванія одинаковыхъ количествъ хлѣба будутъ требоваться приблизительно одинаковыя количества труда, или, что тоже самое, цѣна приблизительно одинаковыхъ количествъ». I, 11, 95: «для доставки на рынокъ, во-первыхъ, матеріаловъ, затѣмъ и готовыхъ продуктовъ, требуется больше труда а, слѣд., и больше денегъ. Въ Китаѣ и Индостанѣ обширн

ность и разнообразіе внутреннихъ водяныхъ сообщеній сберегаетъ большую часть этого труда, а, слѣд., и этихъ денегъ и этимъ путемъ еще больше понижаетъ дѣйствительную и номинальную цѣну большинства мануфактурныхъ произведеній». Какъ мы знаемъ, Смитъ былъ склоненъ приравнивать заработную плату съ пищею и притомъ, главнымъ образомъ, съ хлѣбомъ, «главнымъ продовольствіемъ рабочаго». Въ тоже время онъ иногда отожествляетъ трудъ, потраченный на производство какого-нибудь блага, съ хлѣбомъ, потребленнымъ при производствѣ этого блага, что еще болѣе подтверждаетъ наше предположеніе о томъ, что подъ «трудомъ»,—въ смыслѣ обстоятельства, опредѣляющаго высоту цѣнности—онъ разумѣетъ «заработную плату». Такъ, напр., I, 5, 16. «Средняя и обычная цѣна хлѣба, опять же, опредѣляется... цѣнностью серебра, обиліемъ или скудостью рудниковъ, снабжающихъ рынокъ этимъ металломъ, или количествомъ труда, который долженъ быть потраченъ, а, слѣд., и хлѣба, который долженъ быть потребленъ, для того чтобы доставить опредѣленное количество серебра съ рудника на рынокъ». Вмѣсто хлѣба, онъ иногда говоритъ о «содержаніи» рабочаго (maintenance), какъ объ обстоятельствѣ, опредѣляющемъ высоту цѣнности. I, 3. 9. «Слѣдовательно, на двѣсти тоннъ товару, перевозимаго при наиболѣе дешевыхъ условіяхъ сухимъ путемъ изъ Лондона въ Эдинбургъ, должно лечь содержаніе ста человѣкъ въ теченіе трехъ недѣль, а также содержаніе и—что составитъ приблизительно столько же—уменьшеніе въ цѣнности (wear and tear) четырехъ сотъ лошадей и пятидесяти большихъ повозокъ». I, 11, 77. «Цѣнность серебра настолько упала, что продуктъ ихъ (рудниковъ) уже не могъ уплачивать издержки на ихъ разработку или возмѣщать, вмѣстѣ съ прибылью, пищу, одежду, жилище и другіе предметы необходимости, которые были потреблены при совершеніи этихъ работъ».

Изъ послѣдняго мѣста между прочимъ вытекаетъ, что въ словѣ «expense»—«издержки производства»—Смитъ какъ бы резюмируетъ всѣ обстоятельства, вліяющія на высоту цѣнности. Въ этомъ смыслѣ Смитъ довольно часто употре-

бляетъ слово «expense»; иногда же у него встрѣчается «labour and expense» («трудъ и издержки»). Такъ, напр., онъ говоритъ: I, 11, 74 «цѣна той части ихъ (матеріаловъ), которая получаетъ употребленіе, считается равной лишь труду и издержкамъ, необходимымъ для приведенія ихъ въ пригодное состояніе». Ibid: «expense of bringing them to market» 75: «is worth only the labour and expense of fitting it for use». 77: «Coals could not bear the expense of a distant carriage». 77: «the expense of working them» 95: «the expense of land carriage increases very much both the real and nominal price of most manufactures». 103: «the price is not near sufficient to compensate the expense of a dear park» 104 «Animals, reared at little or no expense». 104: «Labour and expense of cultivating». 105: «The expense of the land and labour»: IV, 7, 252: «Labour and expense, whichare everywhere necessary in order to penetrate to it and get at them», IV, 9, 310 «expense of the labour» и т. д.

Во всѣхъ этихъ мѣстахъ Смитъ, говоря о трудѣ, какъ факторѣ, опредѣляющемъ высоту цѣнности, разумѣетъ «заработную плату»; при этомъ онъ нисколько не хочетъ высказать, что лишь количество уплоченной заработной платы опредѣляетъ цѣнность, но употребляетъ слово «трудъ», какъ сокращенное выраженіе для всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя вліяютъ на высоту цѣнности. Этимъ слѣдуетъ руководствоваться при объясненіи такихъ мѣстъ, какъ, напр., слѣдующее: I, 5, 14: «Такъ какъ доставка этихъ металловъ съ рудника на рынокъ стоила меньше труда, то, когда они были доставлены на рынокъ, за нихъ можно было купить или заказать меньше труда». I, 11, 85 «Такъ какъ они (скотъ, дичь и т. д.) могутъ быть пріобрѣтены посредствомъ весьма незначительнаго количества труда, то за нихъ можно будетъ купить или заказать весьма незначительное количество его». I, 11, 87: «Доставка серебра въ Амстердамъ не стоитъ меньшаго труда, чѣмъ доставка его въ Данцигъ; доставка хлѣба стоитъ значительно бо́льшаго труда. Дѣйствительная стоимость серебра должна быть приблизительно одна и та же въ обоихъ мѣстахъ; дѣйствительная же стоимость хлѣба должна быть весьма раз-

лична». I, 11, 109: «Но въ общемъ будетъ невозможно снабжать большой и пространный рынокъ безъ приложенія сравнительно бо́льшаго количества труда, чѣмъ сколько было необходимо для снабженія небольшого и ограниченнаго рынка... Дѣйствительная цѣна этого блага (рыбы), поэтому, естественно растетъ съ ростомъ цивилизаціи».

Во всѣхъ этихъ мѣстахъ обнаруживаются тѣ послѣдствія, къ которымъ ведетъ выборъ труда въ качествѣ мѣрила цѣнности: всѣ эти мѣста заключаютъ въ себѣ неправильное обобщеніе изъ наблюденія надъ явленіями, имѣвшими мѣсто при «первобытномъ состояніи общества». Тамъ, дѣйствительно, высота цѣнности составляется единственно изъ заработной платы; количество потраченнаго труда соотвѣтствуетъ количеству труда, который можно купить; а, поэтому-то, тамъ количество покупаемаго труда можетъ настолько же служить мѣриломъ цѣнности, насколько количество потраченнаго труда.

Въ современномъ же состояніи общества этого уже нѣтъ, что, впрочемъ, прекрасно сознаетъ и Смитъ. Такъ, онъ говоритъ: I, 6, 25: «годичный продуктъ ея труда (т. е. труда цивилизованной страны) всегда будетъ достаточенъ для того, чтобы купить или заказать значительно бо́льшее количество труда, чѣмъ то, которое было приложено къ добыванію этого продукта, его переработкѣ и доставкѣ на рынокъ». На стр. 139 (II, 2) Смитъ говоритъ о «благоразумныхъ предпріятіяхъ, которыя.... съ большою прибылью возмѣстили бы все, что было вложено въ нихъ и которыя, такимъ образомъ, доставили бы фондъ, могущій содержать значительно большее количество труда, чѣмъ-то, которое было приложено къ нимъ».

74) Такъ, напр., Смитъ говоритъ I, 8, 39: «Поднятіе заработной платы необходимо поднимаетъ цѣну многихъ благъ тѣмъ, что поднимаетъ ту часть ея, которая идетъ на заработную плату». I, 11, 94: «Но въ странахъ съ одинаковымъ искусствомъ и прилежаніемъ денежная цѣна бо́льшей части мануфактурныхъ произведеній будетъ пропорціональна денежной цѣнѣ труда».

75) I, 11, 112: «Естественнымъ послѣдствіемъ прогресса

является, однако, постепенное уменьшеніе въ дѣйствительной цѣнѣ почти всѣхъ мануфактурныхъ произведеній... Значительно меньшее количество труда становится необходимымъ для исполненія какой-нибудь опредѣленной работы; и хотя бы, вслѣдствіе цвѣтущаго состоянія общества, дѣйствительная цѣна труда поднялась бы весьма значительно, однако значительное уменьшеніе въ количествѣ болѣе чѣмъ достаточно для возмѣщенія наивозможно величайшаго поднятія въ цѣнѣ».

76) Такъ, Смитъ дѣлаетъ предположеніе о двухъ предпринимателяхъ, держащихъ одинаковое количество одинаково оплачиваемыхъ рабочихъ, но вложившихъ въ свои предпріятія капиталы различной величины (1000 ф. и 7300 ф.); «при уровнѣ въ 10%, поэтому, первый предприниматель будетъ разсчитывать на годичную прибыль въ 100 ф. только, между тѣмъ какъ второй—въ 730 ф.»

См. также I, 6, 23: «при каждой дальнѣйшей переработкѣ мануфактурнаго, произведенія растетъ не только число различныхъ прибылей, но каждая изъ послѣдующихъ прибылей болѣе, чѣмъ предшествующая, потому что капиталъ изъ котораго она вытекаетъ (derived), всегда долженъ быть больше. Такъ, напр., капиталъ, употребляющій ткачей, долженъ быть больше капитала, употребляющаго прядильщиковъ, потому что онъ не только долженъ возмѣстить послѣдній вмѣстѣ съ прибылью, но уплачиваетъ сверхъ того заработную плату ткачей; прибыль же всегда должна быть въ извѣстной пропорціи къ капиталу».

77) I, 9, 44: «Въ дѣйствительности, высокая прибыль стремится значительно сильнѣе поднимать цѣну произведеній (work), чѣмъ высокая заработная плата... Наши купцы и фабриканты громко жалуются на дурное вліяніе, какое оказываетъ высокая заработная плата на поднятіе цѣнъ, а, вслѣдствіе этого, и на уменьшеніе сбыта товаровъ дома и заграницею. Но они ничего не говорятъ о дурныхъ послѣдствіяхъ высокой прибыли. Они умалчиваютъ о гибельныхъ послѣдствіяхъ своихъ собственныхъ барышей; ихъ огорчаютъ лишь чужіе барыши».

78) Такъ, низкій уровень прибыли въ «цвѣтущихъ горо-

дахъ» Смитъ объясняетъ отчасти паденіемъ цѣнъ, отчасти поднятіемъ заработной платы (40—41). Такимъ образомъ, здѣсь поднятіе заработной платы уже не оказываетъ никакого вліянія на высоту цѣнности!..

79) Лишь въ одномъ случаѣ, а именно по поводу новыхъ колоній, Смитъ для объясненія уровня прибыли вводитъ новый факторъ: сравнительное плодородіе земли (42). См. J. S. Mill, Principles of Political Economy, Кн. IV, Гл. IV § 1).

80) Такъ, поднятіе уровня прибыли Смитъ объясняетъ—опять-таки отчасти—паденіемъ заработной платы (I, 9, 43).

81) Thünen, Der isolirte Staat, II Theil, I Abtheilung, стр. 62—63.

82) Какъ справедливо указываетъ Визеръ, у Смита два противорѣчащихъ другъ другу ученія о цѣнности: философское и эмпирическое (Wieser, Der natürliche Wert, Wien, 1889, Vorwort, I).

83) Boehm-Bawerk, Kapital und Kapitalzins, I стр. 84. «А. Смитъ вообще вопроса о процентѣ глубоко не обдумалъ и, поэтому, не придавалъ большого значенія выбору того или другаго выраженія; онъ безъ предвзятой мысли отдавался тѣмъ мѣняющимся впечатлѣніямъ, которыя у него возникали, когда онъ сталкивался съ этимъ вопросомъ».

84) I, 6, 22. «Поэтому, цѣнность, которую рабочіе присоединяютъ къ матерьяламъ, въ этомъ случаѣ разбивается на двѣ части, изъ которыхъ одна уплачиваетъ ихъ заработную плату, другая же уплачиваетъ прибыль ихъ предпринимателя на весь капиталъ, затраченный имъ на матерьялы и на заработную плату». I, 8, 30: «Эта прибыль составляетъ второй вычетъ изъ продукта труда, приложеннаго къ землѣ». См. Marx, das Kapital, II Band, Hamburg 1885, Предисловіе Энгельса, стр. XI—XII.

85) I, VI, 22. «у него не было бы побудительной причины держать ихъ (рабочихъ), если бы онъ отъ продажи ихъ издѣлій (work) не разсчитывалъ получить нѣсколько больше, чѣмъ сколько было бы достаточно для возмѣщенія его капитала».

II.

ДАВИДЪ РИКАРДО.

ДАВИДЪ РИКАРДО.

Какъ извѣстно, именемъ «классической школы» въ политической экономіи принято называть экономическія теоріи, господствовавшія въ концѣ 18-го и въ первой половинѣ 19-го вѣка. По прекрасному объясненію проф. Брентано [1]), названіе «классической» эта школа получила потому, что она обладала одною отличительною чертою, которую мы встрѣчаемъ у классическихъ направленій и въ другихъ областяхъ человѣческаго творчества. Эта отличительная черта классицизма заключается въ томъ, что, пренебрегая индивидуальными особенностями, онъ выдвигаетъ абстрактнаго человѣка, обладающаго лишь нѣкоторыми, произвольно взятыми изъ дѣйствительности, чертами. Поэтому этотъ абстрактный человѣкъ представляетъ изъ себя идеалъ, который въ дѣйствительности, быть можетъ и вовсе не встрѣчается,

[1]) Lujo Brentano, Die klassische Nationaloekonomie, Leipzig, 1888, стр. 2—3.

а если и встрѣчается, то лишь какъ рѣдкое исключеніе. «На произведеніяхъ классической скульптуры мы не видимъ тѣхъ складокъ и морщинъ, въ которыхъ находитъ свое выраженіе настолько значительная доля духовной индивидуальности людей, что безъ нихъ мы въ дѣйствительной жизни этихъ людей и не узнали бы» [1]).

Все это справедливо и по отношенію къ классической политической экономіи: и она исходила изъ предположенія объ абстрактномъ человѣкѣ, которому она приписывала лишь два свойства: стремленіе къ наибольшему обогащенію и стремленіе къ размноженію. Исходя изъ этихъ свойствъ абстрактнаго человѣка и изъ извѣстныхъ предположеній относительно естественныхъ свойствъ почвы и другихъ естественныхъ агентовъ, съ которыми приходится имѣть дѣло человѣку [2]) (такъ наз. law of diminishing return) — классическая экономія путемъ дедукціи выводила законы, управляющіе экономическими явленіями. Понятно, что эти законы могли быть вѣрны лишь настолько, насколько причины, дѣйствіе которыхъ принималось во вниманіе, были на лицо въ дѣйствительной жизни; мало того, хотя бы эти причины и были на лицо, законы ихъ дѣйствія могли быть вѣрны лишь при отсутствіи причинъ противодѣйствующихъ, т. е. лишь

---

[1]) L. c., стр. 3.

[2]) Cairnes. The character and logical method of political economy, London, 1875, Lecture II, § 2, стр. 41. См. также J. S. Mill, System of Logic, B. VI, Ch. IX, § 3.

гипотетически, иначе говоря, имъ можно было приписывать лишь значеніе тенденцій. Представители классической школы, особенно позднѣйшіе изъ нихъ, напр., Д. С. Миль и Кэрнсъ [1]), вполнѣ сознавали значеніе этой оговорки. Но они слишкомъ часто забывали о ней и придавали полученнымъ при помощи абстрактно-дедуктивнаго метода законамъ не гипотетическое, но безусловное значеніе. Это выражалось въ томъ, что изъ этихъ законовъ, часто безъ достаточной провѣрки ихъ, они выводили рядъ постулатовъ, касавшихся той или другой стороны экономической жизни и, такимъ образомъ, на этихъ законахъ строили систему прикладной науки [2]).

Рикардо является наиболѣе крайнимъ представителемъ экономическаго классицизма и созданнаго имъ абстрактно-дедуктивнаго метода. Для насъ установить это обстоятельство чрезвычайно важно, потому что оно чрезвычайно ярко отразилось на ученіи Рикардо о цѣнности и составляетъ и слабую, и сильную сторону этого ученія.

Обращаясь къ его изложенію, замѣтимъ прежде всего, что главный вопросъ, который интересуетъ Рикардо, — это вопросъ о высотѣ цѣнности и объ обстоятельствахъ, опредѣляющихъ эту высоту. Какъ извѣстно, Рикардо считается отцомъ теоріи, по которой цѣнность опредѣляется количествомъ потраченнаго

[1]) J. S. Mill, l. c.; Cairnes, l. c., стр. 55, 79 и др.

[2]) Напр.: ученіе Миля и Кэрнса о внѣшней торговлѣ, о рабочихъ союзахъ и т. д.

труда. Если мы постараемся прослѣдить, какимъ образомъ Рикардо пришелъ къ этой теоріи, то увидимъ, что она появилась у него путемъ цѣлаго ряда абстракцій [1]).

Начинаетъ Рикардо съ того, что дѣлитъ всѣ предметы, обладающіе полезностью, на двѣ категоріи: 1) тѣ, которые заимствуютъ свою мѣновую цѣнность изъ рѣдкости: они, по мнѣнію Рикардо, играютъ лишь очень незначительную роль; и 2) тѣ, которые заимствуютъ ее изъ количества труда, необходимаго на ихъ добываніе. Послѣдніе доставляются только трудомъ; количество ихъ можетъ быть увеличиваемо до такого предѣла, который почти безграниченъ [2]). Рикардо тутъ же

---

[1]) Говоря о цѣнности, мы всегда разумѣемъ мѣновую цѣнность.

[2]) Сочиненія Давида Рикардо, переводъ Н. Зибера, Спб. 1882, гл. I, стр. 2. Если бы мы, на основаніи этого мѣста, подумали что Рикардо считаетъ трудъ единственнымъ хозяйственнымъ факторомъ производства, то мы впали бы въ грубую ошибку. Напротивъ, высказывая приведенныя въ текстѣ слова, онъ впадаетъ въ противорѣчіе со своимъ ученіемъ.

Изъ того, что трудъ есть единственный хозяйственный факторъ производства, необходимо вытекаетъ, что каждая новая единица труда, по крайней мѣрѣ, столь же производительна, какъ и каждая изъ примѣнявшихся до нея единицъ; что стоитъ только увеличить количество труда, и въ соотвѣтствіи съ этимъ увеличится богатство, т. е. продуктъ этого труда. Признавать, что трудъ есть единственный хозяйственный факторъ производства, и въ то-же время не признавать этой логической консеквенціи,—есть противорѣчіе. Ссылка на то, что подъ трудомъ нужно

заявляетъ, что будетъ имѣть въ виду въ своемъ изслѣдованіи только предметы второй категоріи. Въ этомъ заключается первая абстракція.

На первыхъ ступеняхъ общественной жизни, продолжаетъ Рикардо, мѣновая цѣнность предметовъ зависитъ почти исключительно отъ сравнительнаго количе-

---

разумѣть «общественно необходимый трудъ»,—есть не объясненіе, но уклоненіе отъ объясненія. Между тѣмъ у Рикардо мы не только не находимъ этой консеквенціи, но находимъ какъ разъ противоположное.

Рикардо былъ экономическимъ пессимистомъ, и въ основѣ этого пессимизма именно и лежитъ воззрѣніе, что трудъ является не единственнымъ факторомъ производства, съ которымъ приходится считаться въ хозяйственномъ отношеніи.

Уже Мальтусъ указалъ на несоотвѣтствіе между стремленіемъ человѣка къ размноженію и ограниченностью нѣкоторыхъ изъ важнѣйшихъ для него природныхъ агентовъ производства. Этотъ взглядъ перешелъ и къ Рикардо и выразился въ его теоріи поземельной ренты. Ренту Риккардо выводилъ не только изъ различій въ качествѣ, но и изъ ограниченности пространства земли. «Если бы земля», говоритъ онъ (гл. II, стр. 30), «обладала повсюду одинаковыми свойствами, если бы пространство ея было безгранично, а качество однородно, нельзя было бы ничего требовать за пользованіе ею, за исключеніемъ развѣ такихъ мѣстностей, гдѣ она, по своему положенію, пользуется нѣкоторыми преимуществами. Ренту начинаютъ платить единственно потому, что количество земли ограничено, а качество разнообразно, и что съ увеличеніемъ населенія становится неизбѣжна обработка участковъ худшаго сорта и расположенныхъ менѣе удобно». Другую причину ренты Рикардо видѣлъ въ ограниченности производительныхъ силъ почвы, въ силу которой послѣдовательное примѣненіе оди-

ства труда, необходимаго на производство каждаго изъ нихъ. При этомъ Рикардо ссылается на Смита, изъ котораго онъ приводитъ нѣсколько цитатъ.

Но тутъ-же онъ изъ этого частнаго положенія дѣлаетъ общій выводъ,—что цѣнность всегда, слѣдовательно и послѣ накопленія капиталовъ и перехода всей земли въ частную собственность, иначе говоря, и по прекращеніи «первоначальнаго состоянія общества», опредѣляется количествомъ потраченнаго труда, которое въ то же время есть неизмѣнное мѣрило цѣнности (standard mesure of value). Выводъ очевидно неправильный, заключающій въ себѣ логическую ошибку. А что Рикардо дѣлаетъ этотъ выводъ, видно изъ дальнѣйшаго изложенія его, въ которомъ онъ, полемизируя со Смитомъ и желая доказать, что цѣнность опредѣляется количествомъ потраченнаго труда, а не количествомъ труда, который можно купить, ссылается

наковыхъ долей капитала къ почвѣ даетъ все меньшее и меньшее количество продукта. Изъ этихъ обстоятельствъ Рикардо выводилъ необходимость производить главные предметы потребленія, на которые расходуется заработная плата, при все болѣе и болѣе неблагопріятныхъ условіяхъ, и въ этомъ онъ и его школа видѣли коренную причину бѣдности большинства людей (см., напр., гл. V, стр. 50—52), противъ которой улучшенія въ земледѣліи являются лишь палліативнымъ средствомъ. Такимъ образомъ въ основаніи пессимизма Рикардо лежатъ такія обстоятельства:— ограниченность пространства земли и производительныхъ силъ почвы—, вслѣдствіе которыхъ земля является факторомъ производства, къ которому, въ силу роковой необходимости, человѣкъ не можетъ не относиться хозяйственно.

на обстоятельства, заимствованныя изъ позднѣйшаго строя. Именно, онъ говоритъ, что оба мѣрила совпадали бы, если бы рабочій получалъ всегда одну и ту-же пропорціональную часть продукта (стр. 3).

Между тѣмъ Рикардо вполнѣ сознаетъ, что правило, справедливое по отношенію къ первобытному строю, не вполнѣ точно по отношенію къ позднѣйшему строю. Поэтому, онъ дѣлаетъ попытку въ общихъ чертахъ охарактеризовать тѣ условія, при которыхъ цѣнность уклоняется отъ уровня, соотвѣтствующаго количеству потраченнаго труда. Тѣ обстоятельства, на которыя онъ при этомъ указываетъ, далеко еще не исчерпываютъ всѣхъ этихъ условій. Тѣмъ не менѣе послѣдующая наука посвятила разработкѣ этого вопроса весьма мало вниманія: единственную серьезную попытку въ этомъ направленіи мы находили у Маркса [1]).

Итакъ, въ IV и V отдѣленіяхъ первой главы Рикардо указываетъ на видоизмѣненіе принципа, по которому цѣнность опредѣляется количествомъ потраченнаго труда, видоизмѣненіе, вытекающее изъ того вліянія, которое оказываетъ измѣненіе заработной платы на цѣнность тѣхъ предметовъ, которые произведены при помощи постоянныхъ капиталовъ: 1) находящихся въ различной пропорціи къ оборотнымъ или 2) обладающихъ различною прочностью (этотъ второй случай Рикардо сводитъ къ первому). Можетъ показаться стран-

[1]) Marx, Das Kapital, II, zweiter Abschnitt, (Der Umschlag des Kapitals).

нымъ, почему Рикардо видоизмѣняющее вліяніе измѣненій въ заработной платѣ на цѣнность ставитъ здѣсь на первомъ планѣ; но, какъ бы то ни было, онъ черезъ двѣ страницы высказываетъ, что приведенныя имъ два обстоятельства оказываютъ это видоизмѣняющее вліяніе и сами по себѣ, помимо измѣненій въ заработной платѣ. Далѣе Рикардо указываетъ еще на третье такое обстоятельство: «Едва ли нужно прибавлять», говоритъ онъ, «что товары, на производство которыхъ затрачены одинаковыя количества труда, будутъ имѣть различную мѣновую цѣнность, если они не могутъ быть доставлены на рынокъ въ теченіе одного и того-же времени» (стр. 18).

Въ подтвержденіе всего этого Рикардо приводитъ очень наглядные примѣры: такъ, для подтвержденія вліянія различій въ пропорціи постояннаго и оборотнаго капитала, онъ предполагаетъ, что два лица, фабрикантъ и фермеръ, употребляютъ ежегодно по 100 человѣкъ каждый, первый — на постройку машины, второй — на разведеніе хлѣба. Въ такомъ случаѣ, при заработной платѣ въ 50 ф. и при уровнѣ прибыли въ 10%, цѣнность какъ машины, такъ и хлѣба въ концѣ года будетъ равна 5,500 ф. Въ теченіе второго года какъ фермеръ, такъ и фабрикантъ продолжаютъ затрачивать по 5,000 ф. на заработную плату; первый — на разведеніе хлѣба, второй — на производство сукна при помощи построенной имъ въ предыдущемъ году машины (прочность которой Рикардо предполагаетъ идеальною); къ концу года цѣнность хлѣба бу-

детъ 5,500 ф., цѣнность же сукна—5,500 ф.+550 ф.= 6,050 ф. Такимъ образомъ цѣнность машины и сукна (5,500+6050 ф.=11,550 ф.) болѣе нежели вдвое превышаетъ цѣнность хлѣба, хотя на нихъ пошло только вдвое болѣе труда (стр. 16—17).

Для подтвержденія вліянія различія во времени, потребнаго для доставки товара на рынокъ, на цѣнность, Рикардо приводитъ слѣдующій примѣръ: «Предположимъ, что я посвящаю въ теченіе года 1,000 ф. на производство товара и что въ концѣ года я нанимаю на слѣдующій годъ 20 рабочихъ на новые 1,000 ф., съ цѣлью окончательной обработки и улучшенія того-же товара; при уровнѣ прибыли въ 10%, мой товаръ, доставленный на рынокъ по прошествіи двухъ лѣтъ, долженъ быть проданъ за 2,310 ф., потому что я въ теченіе одного года затратилъ на него капиталъ въ 1,000 ф., а въ теченіе еще одного года капиталъ въ 2,200 ф. ст. Итакъ, вотъ два товара, произведенные совершенно одинаковымъ количествомъ труда, и, между тѣмъ, одинъ изъ нихъ продается за 2,310 ф., а другой за 2,200 ф.» (стр. 18—19).

Въ заключеніе Рикардо говоритъ слѣдующее: «Въ обоихъ случаяхъ болѣе высокая цѣна товара зависитъ отъ большей продолжительности времени, которое должно пройти прежде, чѣмъ товаръ можетъ быть привезенъ на рынокъ. Въ первой гипотезѣ цѣнность машины и сукна болѣе нежели вдвое превышала цѣнность хлѣба, хотя на нихъ пошло только вдвое болѣе труда; во второмъ случаѣ цѣнность одного товара

превышаетъ цѣнность другого, хотя сумма труда одна и та же. Различіе въ цѣнности товаровъ въ томъ и другомъ случаѣ зависитъ отъ того, что прибыль накопляется въ качествѣ капитала и составляетъ единственно справедливое вознагражденіе за время, въ теченіе котораго она не расходовалась» (стр. 19). И такъ мы видимъ, что Рикардо вполнѣ ясно сознавалъ, что прибыль составляетъ самостоятельный элементъ среди условій, опредѣляющихъ цѣнность.

Но, какъ мы видѣли, главное вниманіе Рикардо направлено на вліяніе, оказываемое на цѣнность измѣненіемъ въ заработной платѣ: вліяніе это выражается въ томъ, что при поднятіи заработной платы и соотвѣтствующемъ паденіи прибыли цѣнность тѣхъ предметовъ, на производство которыхъ требуется больше постояннаго капитала, на производство которыхъ требуется постоянный капиталъ большей прочности, и на доставку которыхъ на рынокъ требуется больше времени, упадетъ сравнительно съ цѣнностью тѣхъ предметовъ, на производство которыхъ требуется меньше постояннаго капитала, на производство которыхъ требуется постоянный капиталъ меньшей прочности, и на доставку которыхъ на рынокъ требуется меньше времени.

И здѣсь Рикардо приводитъ примѣръ. Онъ предполагаетъ, что при заработной платѣ въ 100 ф. и при прибыли въ 10% цѣнность сукна фабриканта=6050 ф. (5000 ф. зар. пл.+500 ф. прибыли на эту сумму+5[illegible] ф.

прибыли на цѣнность машины), цѣнность же хлѣба фермера=5500 ф. (5000 ф. зар. пл.+500 ф. прибыли). Если прибыль упадетъ до 9%, и въ соотвѣтствіи съ этимъ поднимется заработная плата, то цѣнность сукна будетъ равняться 5995 (5000+454+495), цѣнность же сукна попрежнему будетъ 5500. Такимъ образомъ, въ силу одного измѣненія въ уровнѣ заработной платы и прибыли, произойдетъ измѣненіе въ относительной цѣнности хлѣба и сукна (стр. 17).

Какъ мы уже указали, почему-то Рикардо ставитъ вліяніе измѣненія заработной платы на цѣнность въ главѣ своего ученія о «видоизмѣняющихъ обстоятельствахъ». Между тѣмъ вліяніе этого измѣненія незначительно сравнительно съ вліяніемъ трехъ другихъ обстоятельствъ, которыя мы уже разсмотрѣли. Такое же вліяніе, какъ измѣненіе въ заработной платѣ, можетъ оказать и измѣненіе въ количествѣ «непосредственнаго» труда, необходимаго на производство двухъ предметовъ, находящихся въ различныхъ условіяхъ производства относительно пропорціи постояннаго и оборотнаго капитала и т. д., если это измѣненіе касается одинаково обоихъ предметовъ. Рикардо прямо на это видоизмѣняющее обстоятельство не указываетъ, но самъ приводитъ примѣръ, изъ котораго оно обнаруживается (стр. 18). Дѣйствительно, еслибы на производство хлѣба вмѣсто 100 потребовалось лишь 80 рабочихъ, цѣнность его упала бы съ 5500 ф. до 4400 ф. т. е. на 20%; если бы тоже самое произошло относительно труда, потребнаго непосредственно на производство сукна, то цѣнность

его упала бы съ 6050 ф. до 4950 ф. (4400 + 550), т. е. лишь на 18,2%; другими словами, при равномъ уменьшеніи непосредственнаго количества труда, необходимаго на производство двухъ предметовъ, упадетъ сравнительная цѣнность того предмета, на производство котораго требуется меньше постояннаго капитала, на производство котораго требуется постоянный капиталъ менѣе прочный, и на доставку котораго на рынокъ требуется меньше времени.

Между тѣмъ Рикардо заявляетъ, что вліяніе измѣненія заработной платы на цѣнность очень незначительно и не можетъ превзойти 7%—8%, и что онъ, при дальнѣйшемъ изложеніи, этого вліянія принимать во вниманіе не будетъ. Хотя онъ прямо и не заявляетъ того-же самаго относительно трехъ другихъ перечисленныхъ имъ обстоятельствъ, но зато онъ дѣлаетъ молчаливое предположеніе о ихъ несуществованіи: иначе говоря, во всѣхъ тѣхъ изъ своихъ послѣдующихъ разсужденій, которыя имѣютъ значеніе для вопроса о цѣнности (напр. о прибыли, рентѣ, заработной платѣ и т. д.), онъ молчаливо исходитъ изъ предположенія, что всѣ предметы произведены при помощи одинаковаго постояннаго капитала, при помощи постояннаго капитала одинаковой прочности, и что на доставку всѣхъ предметовъ на рынокъ требуется одинаковое количество времени. Еще правильнѣе было бы сказать, что онъ во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ прямо устраняетъ вліяніе этихъ трехъ видоизмѣняющихъ обстоятельствъ на цѣнность тѣмъ, что предполагаетъ, что на производство

всѣхъ предметовъ требуется одинъ лишь оборотный капиталъ, да и то только та часть его, которая расходуется на заработную плату [1]). Доказательствомъ справедливости этого могутъ послужить всѣ цифровые примѣры, приводимые имъ. Во всѣхъ этихъ предположеніяхъ заключается вторая абстракція Рикардо.

Любопытно, что Рикардо въ концѣ V отдѣл. гл. I прямо высказываетъ (стр. 22), что лишь на первыхъ ступеняхъ общественной жизни цѣнность товаровъ поднимается и падаетъ единственно въ зависимости отъ бо̀льшаго или меньшаго количества труда, требуемаго на ихъ производство и, такимъ образомъ, какъ бы отказывается отъ приведеннаго нами выше ложнаго вывода.

Въ гл. IV Рикардо указываетъ на то, что «нѣтъ продуктовъ, предложеніе которыхъ въ теченіе извѣстнаго времени, оставалось бы въ точности такимъ, какъ оно требуется нуждами и желаніями людей, а, слѣдовательно, нѣтъ и такихъ, цѣны которыхъ не подвергались бы случайнымъ и кратковременнымъ измѣненіямъ» (стр. 43). Неутомимое стремленіе къ наивозможно бо́льшей прибыли, свойственное всѣмъ капиталистамъ, имѣетъ тенденцію приводить прибыль повсюду къ одному уровню, и препятствуетъ рыночной цѣнности товаровъ оставаться долго значительно выше и значительно ниже естественной цѣны, т. е. цѣны, достаточной для по-

[1]) Это предположеніе Рикардо дѣлаетъ уже въ Отд. III. Гл. I въ примѣрѣ охотника и рыбака, и уже здѣсь онъ высказываетъ свой законъ прибыли.

крытія издержекъ производства со включеніемъ прибыли (стр. 44).

Изъ приводимой выше цитаты мы видимъ, что измѣненіе цѣнности Рикардо ставитъ въ зависимость отъ нарушенія соотвѣтствія предложенія съ нуждами и желаніями людей. Въ этомъ же—прибавимъ мы—лежитъ путь, посредствомъ котораго цѣнность предмѣловъ, при наличности только что указанныхъ предположеній, приспособляется къ количеству потраченнаго труда. Не будь «закона спроса и предложенія»—цѣнность не могла бы приспособляться къ количеству потраченнаго труда. Но хотя бы на предметы не тратилось никакого труда, то было бы достаточно, чтобы на нихъ былъ спросъ, и чтобы количество ихъ было ограничено—и они обладали бы цѣнностью. Достаточно было бы, чтобы спросъ на нихъ поднялся—и цѣнность ихъ поднялась бы. Эту консеквенцію Рикардо и проводитъ въ своемъ ученіи о деньгахъ. «Пока государство обладаетъ привилегіею чекана», говоритъ онъ, «праву взимать за него плату не можетъ быть поставлено предѣловъ, потому что цѣнность монеты, черезъ ограниченіе количества ея, можетъ быть поднята на такую высоту, какую только можно себѣ представить». (Гл. XXVII, стр. 224). Этотъ принципъ можетъ быть примѣненъ, да и примѣнялся самимъ Рикардо по отношенію не къ однимъ только деньгамъ. Чѣмъ иначе можно было бы объяснить поднятіе цѣнъ отъ введенія налоговъ на предметы потребленія? Увеличенія количества труда, потребнаго на производство обложеннаго предмета, здѣсь не произо-

шло; между тѣмъ цѣнность поднялась. Послушаемъ, что говоритъ самъ Рикардо: «Если цѣна сырыхъ произведеній не возвысилась настолько, чтобы возмѣстить земледѣльцу налогъ, то онъ, естественно, оставитъ ту отрасль земледѣлія, въ которой прибыль его находится ниже общаго уровня прибыли; это причинило бы уменьшеніе [1]) предложенія, пока соотвѣтственный спросъ не произвелъ бы такого возвышенія въ цѣнѣ сырыхъ произведеній, которое сдѣлало бы обработку ихъ одинаково выгодною съ всякимъ другимъ помѣщеніемъ капитала» [2]).

---

[1]) Въ переводѣ Зибера неправильно сказано «увеличеніе»

[2]) Гл. IX, стр. 91. Книсъ (Knies, Der Credit, II Hafte, XII, 2 стр. 328) приписываетъ Рикардо мнѣніе, будто при переходѣ отъ лучшихъ къ худшимъ землямъ, напр., при переходѣ къ обработкѣ участка № 3, цѣна на хлѣбъ поднимается лишь послѣ этого перехода, въ силу того, что для воздѣлыванія хлѣба на участкѣ № 3 требуется больше труда, чѣмъ на участкѣ № 2. На это Книсъ возражаетъ, что цѣна хлѣба должна подняться уже до перехода къ участку № 3, иначе самый переходъ этотъ не былъ-бы возможенъ. Между тѣмъ это именно и думалъ Рикардо. На это указываетъ приведенная въ текстѣ цитата, да и другія мѣста. Такъ, напр., онъ говоритъ: «За каждымъ уменьшеніемъ капитала непремѣнно слѣдуетъ уменьшеніе спроса на хлѣбъ, пониженіе цѣнъ и сокращеніе обработки». (Гл. II, 37). «Такимъ образомъ, хлѣбъ можетъ до того возвышаться, при каждомъ увеличеніи спроса, что станетъ приносить фермеру прибыль больше обыкновенной. Если есть при этомъ въ запасѣ много плодородной земли, то цѣна хлѣба снова упадетъ до своего первоначальнаго размѣра, послѣ того, какъ будетъ употребленъ въ дѣло потребный на его производство капиталъ и прибыль снова будетъ не больше прежней; но если нѣтъ

Между тѣмъ, признавая уклоненія рыночной цѣны отъ естественной «случайными и временными», Рикардо въ концѣ IV-ой главы заявляетъ, что, при разсмотрѣніи законовъ, опредѣляющихъ естественныя цѣны, естественную заработную плату, естественную прибыль,— причинами, вызывающими подобныя уклоненія, можно вполнѣ пренебречь (стр. 46). Такимъ образомъ у Рикардо получается третья абстракція.

Всѣ эти три абстракціи далеко отклонили ученіе Рикардо отъ дѣйствительности; между тѣмъ, онѣ-то и привели его къ ученію, что высота цѣнности опредѣляется количествомъ потраченнаго труда. Мы уже сказали, что въ этомъ лежитъ и слабая и сильная сторона ученія Рикардо о цѣнности. Сильная сторона: потому что, какъ увидимъ ниже, благодаря этимъ абстракціямъ Рикардо удалось открыть законъ поземельной ренты и законъ, опредѣляющій связь между высотою прибыли и заработной платы. Въ этихъ двухъ блестящихъ теорети ческихъ открытіяхъ лежитъ великая заслуга Рикардо; между тѣмъ безъ приведенныхъ нами абстракцій ему

излишка плодородной земли, если на производство лишней потребности въ хлѣбѣ необходимо болѣе, чѣмъ обыкновенно, капитала и труда, то цѣна хлѣба не понизится до своего предыдущаго уровня». (Гл VI, 65). Тоже самое Рикардо говоритъ относительно цѣны угля: «Если копь его достаточно богата, то употребить въ нее капиталъ владѣльцу станетъ выгодно прежде, чѣмъ цѣна угля достигнетъ значительной высоты; но если она бѣдна, то очевидно, что цѣна должна продолжать возрастать до тѣхъ поръ, пока можетъ доставить ему средства для уплаты за расходы и для полученія обыкновенной прибыли на капиталъ». (Гл. XXIV, 210).

никогда не удалось бы сдѣлать ихъ, и онъ, какъ Смитъ, запутался бы въ сложной пестротѣ экономическихъ явленій. Экономической наукѣ нужно было пройти черезъ абстрактный фазисъ, чтобы расчистить поле для дальнѣйшаго изслѣдованія, ей нужно было на время сдѣлаться «классической», и если впослѣдствіи на эту «классическую» экономію начали сыпаться столь страстные нападки, то это лишь потому, что на полученныхъ абстрактнымъ путемъ выводахъ «классической» школы безъ дальнѣйшей провѣрки ихъ, построили систему прикладной науки, которую стали примѣнять къ дѣйствительной жизни; между тѣмъ отъ примѣненія той или другой системы прикладной экономіи зависитъ благополучіе многихъ милліоновъ людей; примѣненіе же классической политической экономіи ставило эти милліоны въ безнадежное положеніе и въ дальнѣйшемъ грозило сдѣлать это положеніе еще болѣе безнадежнымъ.

Абстрактный методъ Рикардо отразился не только на ученіи о высотѣ цѣнности, но и на ученіи о мѣрилѣ цѣнности.

Цѣнность можно разсматривать какъ понятіе относительное, релятивное, или какъ понятіе абсолютное. Чтобы пояснить это различіе, возьмемъ слѣдующій примѣръ. Представимъ себѣ два дерева А и В; положимъ, что высота А=10 аршинъ, высота В=20 арш. Предположимъ, далѣе, что черезъ извѣстный промежутокъ лѣтъ высота А дошла до 20 арш., высота В —

до 40 арш. Здѣсь мы видимъ слѣдующее: относительная высота обоихъ деревьевъ осталась одна и таже, абсолютная высота обоихъ увеличилась въ два раза. Такимъ образомъ, различіе между абсолютной и относительной высотою заключается въ томъ, что въ основаніи первой лежитъ неизмѣнное мѣрило, въ основаніи второй—такого мѣрила нѣтъ. Если бы со временемъ отношеніе высоть нашихъ деревьевъ изъ 1 : 2 обратилось въ 4 : 3, то мы не знали бы, на чьей сторонѣ произошло измѣненіе въ абсолютной высотѣ; на сторонѣ-ли только дерева А, которое переросло дерево В; на сторонѣ-ли только дерева В, которому буря отломала верхушку, или на сторонѣ обоихъ деревьевъ А и В. Если же, напротивъ, современемъ высота дерева А съ 10 арш. обратилась бы въ 15 арш., то мы неколеблясь сказали бы, что измѣненіе произошло на сторонѣ дерева А, а не на сторонѣ аршина, который, какъ мы хорошо знаемъ, есть неизмѣнное мѣрило.

Все это примѣнимо и къ цѣнности. Если мы не найдемъ неизмѣннаго мѣрила цѣнности, т. е. такого предмета, цѣнность котораго не подвержена никакимъ колебаніямъ, то мы можемъ говорить лишь объ относительной цѣнности; если же мы найдемъ такое мѣрило, то мы можемъ говорить и объ абсолютной цѣнности.

Относительнымъ понятіемъ цѣнность является, напримѣръ, у Д. С. Миля. Подъ цѣнностью предмета онъ понимаетъ общую покупную силу этого предмета, или количество другихъ предметовъ, на которые онъ можетъ

быть обмѣненъ [1]). Тотъ же Д. С. Миль учитъ что неизмѣннаго мѣрила цѣнности нѣтъ. Такимъ мѣриломъ могъ бы служить лишь такой предметъ, который всегда и вездѣ обладалъ бы одинаковою покупною силою, который всегда и вездѣ можно было бы обмѣнить на одинаковое количество всѣхъ другихъ предметовъ. Между тѣмъ «это не только не имѣетъ мѣста по отношенію къ деньгамъ или къ какому нибудь другому предмету, но мы не можемъ даже представить себѣ такое стеченіе обстоятельствъ, при которыхъ это осуществилось бы» [2]).

Изъ того, что цѣнность есть понятіе относительное, вытекаетъ, что общаго поднятія или паденія цѣнностей всѣхъ предметовъ быть не можетъ. Дѣйствительно, если цѣнность однихъ предметовъ поднялась, то это само по себѣ уже значитъ, что цѣнность другихъ предметовъ упала. Если за быка давали прежде 5 овецъ, а теперь даютъ 6, то это означаетъ какъ то, что цѣнность быка поднялась, такъ и то, что цѣнность овецъ соотвѣтственно упала.

Далѣе, изъ признанія цѣнности понятіемъ относительнымъ вытекаетъ, что цѣнность какого нибудь предмета есть понятіе весьма неопредѣленное, вслѣдствіе неоднородности и измѣнчивости элементовъ, которыми она измѣряется,—такъ же, какъ неопредѣленно понятіе относительной «высоты какого нибудь дерева въ лѣсу по отношенію ко всѣмъ остальнымъ деревьямъ

---

[1]) J. S. Mill, Principles of Political Economy; B. III, Ch. I, § 2
[2]) I. S. Mill, B. III, Ch. 15, § 1.

этого лѣса». Дѣйствительно, сравнивать можно только величины однородныя; поэтому, если я знаю, что 1 быкъ во Франціи обмѣнивается на 4 овцы или 20 ф. чаю, а въ Англіи на 3 овцы или 25 ф. чаю, то могу ли я сказать, гдѣ цѣнность одного быка выше, въ Франціи или въ Англіи? Нѣтъ, потому, что овцы и фунты чаю суть величины несоизмѣримыя. Или, если въ прошломъ году за одного быка можно было получить въ Петербургѣ 4 овцы или 20 ф. чаю, а въ этомъ году за него получаютъ 3 овцы или 25 ф. чаю, я по той же причинѣ не могу опредѣлить, упала ли цѣнность быка или поднялась. Вліяніе этой несоизмѣримости могло бы быть устранено лишь въ томъ случаѣ, если бы всѣ предметы, на которые данный предметъ обмѣнивается, были неизмѣнны въ взаимной цѣнности по мѣсту и времени. Поэтому, сторонники относительнаго взгляда на цѣнность, какъ, напримѣръ, Д. С. Миль, для облегченія изученія вопросовъ, касающихся цѣнности, къ этой именно гипотезѣ или абстракціи и прибѣгаютъ [1]).

По тѣмъ же причинамъ и настолько же — если не еще болѣе—неопредѣленно выраженіе «цѣнность совокупности разнородныхъ предметовъ» или «сумма цѣнностей разнородныхъ предметовъ, составляющихъ одну совокупность», если подъ цѣнностью разумѣть общую покупную силу, количество предметовъ вообще, кото-

[1]) Mill, B. III, Ch. I, §3. «In considering exchange value scientifically, it is expedient to abstract from it all causes except those, which originate in the very commodity under consideration».

рые на эту совокупность можно обмѣнять. Это и тому подобныя выраженія (напримѣръ, «цѣнность имущества или дохода» Россіи, Франціи и т. д.) ровно ничего намъ не говорятъ, поэтому, и въ научномъ отношеніи они вполнѣ безплодны. Опредѣленное значеніе они получаютъ только тогда, когда цѣнность пріурочивается къ какому-нибудь опредѣленному предмету, напримѣръ, хлѣбу, труду (какъ мы видѣли у Смита) или деньгамъ. Но и тутъ представляется значительное неудобство, заключающееся въ томъ, что вѣдь самъ тотъ предметъ, которымъ мы измѣряемъ цѣнность, подверженъ колебаніямъ въ собственной своей цѣнности.

Иное дѣло, если предположить существованіе неизмѣннаго мѣрила цѣнности: тогда мы имѣемъ возможность говорить объ абсолютной цѣнности какъ отдѣльнаго предмета, такъ и совокупности предметовъ, для измѣренія этой абсолютной цѣнности ихъ стоило бы только выразить ее въ предметѣ, составляющемъ мѣрило цѣнности. Если при относительномъ пониманіи цѣнности нельзя себѣ представить общаго поднятія или паденія цѣнности всѣхъ предметовъ, то при абсолютномъ пониманіи цѣнности такое общее паденіе или поднятіе вполнѣ допустимо, такъ же какъ допустимо общее поднятіе или паденіе абсолютной высоты всѣхъ деревьевъ какого-нибудь лѣса. Стоитъ только, чтобы цѣнность каждаго предмета заключала бы въ себѣ ту единицу, которая составляетъ мѣрило цѣнности, большее число разъ — и это означало бы, что цѣнность всѣхъ предметовъ поднялась. Если бы мѣриломъ цѣнности

служилъ трудъ, то такое поднятіе произошло бы, если на производство всѣхъ предметовъ потребовалось бы больше труда.

Однако, такое неизмѣнное мѣрило цѣнности предполагаетъ неизмѣнность по мѣсту и времени цѣнности рѣшительно всѣхъ предметовъ; такимъ образомъ, оно могло бы быть на лицо именно при тѣхъ обстоятельствахъ, наличность которыхъ, въ цѣляхъ научнаго изслѣдованія предполагалъ Д. С. Миль, за тѣмъ лишь исключеніемъ, что Миль предполагалъ неизмѣнными въ взаимной относительной цѣнности всѣ предметы, исключая одного того, цѣнность котораго подлежала изслѣдованью.

У Рикардо мы находимъ понятіе цѣнности какъ въ относительномъ, такъ и въ абсолютномъ смыслѣ. Цѣнность въ первомъ смыслѣ Рикардо называетъ «относительною» (relative value); цѣнность во второмъ смыслѣ— «абсолютною или дѣйствительною» цѣнностью (absolute или real value). Самъ Рикардо въ своихъ «Началахъ Политической Экономіи» нигдѣ не даетъ опредѣленія цѣнности; лишь въ самомъ началѣ первой главы онъ ссылается на знакомое уже намъ опредѣленіе Смита, съ которымъ безъ дальнѣйшаго соглашается (стр. 1). Лишь въ своемъ сочиненіи: «Предложенія въ пользу экономическаго и прочнаго обращенія» онъ приводитъ опредѣленіе цѣнности, по которому «цѣнность товара опредѣляется количествомъ всякихъ другихъ вещей вообще, за которыя онъ обмѣнивается» (стр. 436). Это есть ничто иное, какъ пере-

фразированное опредѣленіе Смита, по которому цѣнность является понятіемъ относительнымъ.

Хотя Рикардо и заявляетъ на стр. 8, что «изслѣдованіе, къ которому я желалъ бы привлечь вниманіе читателя, относится къ послѣдствію измѣненій въ относительной, а не въ абсолютной цѣнности товаровъ»— но въ дѣйствительности относительная цѣнность интересуетъ его лишь постольку, поскольку въ ней отражается абсолютная цѣнность. Такъ еще въ I отдѣленіи I главы онъ говоритъ: «относительная цѣнность двухъ товаровъ измѣняется, и мы желаемъ узнать, въ которомъ изъ нихъ дѣйствительно произошло измѣненіе. Если бы мы сравнили настоящую цѣну одного изъ нихъ съ башмаками, чулками, шляпами, желѣзомъ, сахаромъ и со всѣми другими товарами, то нашли бы, что онъ обмѣнивается за такое же точно количество всѣхъ этихъ другихъ вещей, какъ и прежде. Если сравнимъ съ тѣми же товарами другой, то окажется, что отношеніе его къ нимъ измѣнилось: мы можемъ въ такомъ случаѣ съ большою вѣроятностью заключить, что колебаніе произошло въ этомъ именно товарѣ, а не въ тѣхъ, съ которыми его сравнивали. Если, при еще болѣе подробномъ разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ, связанныхъ съ производствомъ этихъ различныхъ товаровъ, мы найдемъ, что точно такое же количество труда и капитала было необходимо на производство башмаковъ, чулокъ, шляпъ, желѣза, сахара и проч., но что на производство одного только товара, относительная цѣнность котораго измѣ-

нилась, потребно иное количество труда, чѣмъ прежде, то вѣроятность превратится въ достовѣрность и мы будемъ убѣждены, что колебаніе произошло въ одномъ только товарѣ: мы открываемъ въ такомъ случаѣ причину его измѣненія» (стр. 5—6). Сама по себѣ относительная цѣнность по своей неопредѣленности очень мало даетъ для науки [1]). «Такъ какъ товары» (говоритъ Рикардо въ VI отд. I-й главы) «измѣняются въ своей относительной цѣнности, то было бы желательно найти способъ для опредѣленія того, какихъ именно товаровъ дѣйствительная цѣнность упала и какихъ возрасла; но единственное для этого средство состояло бы въ сравненіе каждаго изъ нихъ съ неизмѣнною единицею, мѣриломъ цѣнности, которое само было бы недоступно ни одному изъ колебаній, испытываемыхъ другими то-

[1]) См. «Предложенія въ пользу экономическаго и прочнаго обращенія», стр. 436: «Было, правда, замѣчено, что мы должны судить о цѣнности обращенія на основаніи отношенія его не къ одному, а къ массѣ товаровъ. Если бы можно было согласиться—но это невозможно—съ тѣмъ, что эмиссіонеры бумажныхъ денегъ желали бы регулировать количество своего обращенія на основаніи подобнаго признака, то у нихъ не было бы средствъ поступить такимъ образомъ; такъ какъ, если мы обратимъ вниманіе на то, что цѣнность однихъ товаровъ по отношенію къ другимъ находится въ непрерывномъ колебаніи, и что, когда произошло подобное колебаніе, то невозможно опредѣлить, цѣнность какого товара возрасла и какого упала, то слѣдуетъ сознаться, это подобный критерій былъ бы совершенно безполезенъ».

варами». Но, какъ и Миль, Рикардо настолько глубоко убѣжденъ въ отсутствіи такого мѣрила, что не пускается даже въ поиски за нимъ. Однако, съ другой стороны, онъ готовъ удовольствоваться и болѣе скромнымъ результатомъ. Считая, что условія созданія цѣнности лежатъ въ издержкахъ производства, онъ готовъ удовольствоваться въ качествѣ неизмѣннаго мѣрила цѣнности и такимъ предметомъ, производство котораго сопряжено всегда и вездѣ съ одними и тѣми же издержками производства (отд. VI, гл. I, стр. 23). Такимъ образомъ, онъ здѣсь оставляетъ безъ вниманія вліяніе измѣненій въ спросѣ и предложеніи на хотя бы и «временныя и случайныя» колебанія цѣнности, а, слѣдовательно, и мѣрило его можетъ правильно функціонировать лишь при предположеніи, что этихъ колебаній нѣтъ. О предметахъ, цѣнность которыхъ опредѣляется рѣдкостью, онъ здѣсь также не упоминаетъ. Однимъ словомъ, онъ здѣсь молчаливо прибѣгаетъ къ знакомымъ уже намъ первой и третьей абстракціямъ.

Но—что гораздо важнѣе—Рикардо здѣсь отступаетъ отъ пониманія цѣнности въ смыслѣ покупной силы какого-нибудь предмета. Дѣйствительно, хотя предметъ, служащій мѣриломъ, создается всегда и вездѣ при помощи однихъ и тѣхъ же издержекъ производства, но издержки производства всѣхъ остальныхъ предметовъ измѣнчивы, а потому и покупная сила предмета, служащаго мѣриломъ, не остается неизмѣнною, а измѣняется по мѣсту и времени. Такимъ образомъ, въ основаніе опредѣленія абсолютной цѣнности Рикардо кладетъ уже не

покупную силу, которая отступаетъ на второй планъ, но признакъ совсѣмъ новый: издержки производства. Абсолютная цѣнность, какъ понимаетъ ее Рикардо, есть уже не «покупная сила предмета» и уже не опредѣляется количествомъ всякихъ другихъ вещей вообще, на которыя предметъ обмѣнивается; абсолютную цѣнность въ смыслѣ Рикардо можно опредѣлить какъ «покупную силу какого-нибудь предмета, насколько она зависитъ отъ издержекъ, необходимыхъ на его производство» или какъ «качество, въ силу котораго какой нибудь предметъ обмѣнивается на всѣ другіе предметы въ извѣстной пропорціи, въ зависимости отъ издержекъ необходимыхъ на его производства». Изъ этого опредѣленія вытекаетъ, что если измѣнилась покупательная сила даннаго предмета, но издержки производства его остались тѣ же самыя, то и цѣнность его осталась таже. Первичный элементъ здѣсь издержки производства предмета, цѣнность котораго измѣняется. Покупная сила его—составляетъ уже лишь вторичный элементъ.

Но Рикардо не считаетъ возможнымъ найти и такое мѣрило. Во первыхъ, потому что «нѣтъ ни одного товара, производство котораго не требовало бы то бо́льшаго, то меньшаго количества труда». «Но если бы даже было возможно устранить эту причину колебаній цѣнности для опредѣленнаго мѣрила», продолжаетъ Рикардо, «если бы было, напримѣръ, возможно, чтобы производство нашихъ денегъ всегда требовало одинаковой суммы труда, то и въ такомъ случаѣ

онѣ не могли бы быть совершенно точною единицею, неизмѣннымъ мѣриломъ цѣнности» (стр. 23). Вслѣдствіе измѣненій въ заработной платѣ, цѣнность такого мѣрила была бы подверждена измѣненіямъ по отношенію къ цѣнности другихъ предметовъ, которые находятся въ другихъ условіяхъ производства, чѣмъ деньги, относительно пропорціи постояннаго и оборотнаго капитала, степени прочности постояннаго капитала и времени, потребнаго для доставки ихъ на рынокъ. Изъ всего этого Рикардо дѣлаетъ выводъ, что «ни золото, ни какой либо другой предметъ не можетъ служить точнымъ мѣриломъ цѣнности другихъ предметовъ» (стр. 24).

Прежде всего замѣтимъ, что и помимо измѣненій въ заработной платѣ различія въ пропорціи постоянаго и оборотнаго капитала, въ прочности постояннаго капитала и во времени, необходимомъ для доставки предмета на рынокъ,—всѣ эти различія сами по себѣ также вліяютъ на относительную цѣнность тѣхъ предметовъ, у которыхъ они встрѣчаются. Рикардо, какъ мы видѣли выше, признаетъ вліяніе этихъ различій, здѣсь же онъ о нихъ не упоминаетъ. Замѣтимъ далѣе, что, если бы цѣнность всѣхъ предметовъ опредѣлялась исключительно количествомъ потраченнаго на нихъ труда, то при измѣненіи въ относительной цѣнности двухъ предметовъ мы по крайней мѣрѣ могли бы судить о томъ, у котораго изъ этихъ двухъ предметовъ измѣнилась абсолютная цѣнность; для этого намъ было бы достаточно знать, на который изъ этихъ пред-

метовъ тратится теперь больше или меньше труда, чѣмъ прежде. При измѣненіи же относительной цѣнности двухъ предметовъ, вслѣдствіе измѣненій въ заработной платѣ, это измѣненіе въ относительной цѣнности не даетъ намъ никакихъ указаній относительно того, на сторонѣ котораго предмета произошло измѣненіе въ абсолютной цѣнности.

Возьмемъ уже приведенный выше примѣръ Рикардо о фермерѣ и фабрикантѣ. При этомъ предположимъ, что деньги находятся въ такихъ же условіяхъ производства, какъ хлѣбъ. Если при 10% прибыли хлѣбъ стоилъ 5500 ф. (= 5000 + 500), а сукно 6050 ф. (5000 + + 500 + 550), то при 9% прибыли хлѣбъ стоитъ попрежнему 5500 ф. (5046 + 454), сукно же стоитъ лишь 5995 ф. (5046 + 454 + 495). Такимъ образомъ относительная цѣнность хлѣба поднялась съ $\frac{5500}{6050}$ до $\frac{5500}{5995}$; относительная цѣнность сукна упала съ $\frac{6050}{5500}$ до $\frac{5995}{5500}$. Но измѣнилась ли при этомъ абсолютная цѣнность хлѣба или сукна—или обоихъ—мы опредѣлить не можемъ, потому что мы незнаемъ, измѣнилась ли при этомъ абсолютная цѣнность денегъ или нѣтъ. При этомъ совершенно все равно, находятся ли деньги въ такихъ условіяхъ производствъ, какъ хлѣбъ, или въ такихъ, какъ сукно. Въ первомъ, приведенномъ выше случаѣ относительная цѣнность ихъ по отношенію къ хлѣбу останется безъ измѣненія, относительная же цѣнность ихъ по отношенію къ сукну—поднимется. Но опять же мы не знаемъ, произошло ли это вслѣдствіе измѣненія абсо-

лютной цѣнности денегъ и хлѣба или—сукна. Во-второмъ случаѣ относительная цѣнность денегъ по отношенію къ сукну останется неизмѣнною, по отношенію къ хлѣбу она упадетъ. Поэтому, въ этомъ случаѣ сукно попрежнему будетъ стоить 6050 ф., зато хлѣбъ поднимется до 5500. $\frac{6050}{5995}$, т. е. до 5550, 45 ф. Но и здѣсь мы не знаемъ, измѣнилась ли абсолютная цѣнность денегъ и сукна или хлѣба. Такимъ образомъ, измѣненія въ относительной цѣнности предметовъ, вытекающія изъ измѣненій въ заработной платѣ, не даютъ намъ никакого критерія для сужденія о томъ, какіе предметы измѣнились при этомъ въ своей абсолютной цѣнности.

Для опредѣленія того, который изъ предметовъ измѣнился въ абсолютной цѣнности, намъ пришлось бы выбрать какое нибудь сочетаніе постояннаго капитала съ оборотнымъ, какую нибудь степень прочности постояннаго капитала, какое нибудь количество времени, необходимаго для доставки предмета на рынокъ и считать ихъ нормальными—между тѣмъ, чѣмъ бы мы могли руководствоваться при такомъ выборѣ? У насъ рѣшительно нѣтъ никакихъ поводовъ предпочесть ту или другую пропорцію постояннаго и оборотнаго капитала, ту или другую степень прочности постояннаго капитала и т. д.

Все это можно формулировать еще такъ: цѣнность по Рикардо опредѣляется только трудомъ. Но, въ силу закона уравненія прибыли одинаковымъ количествамъ труда въ разныхъ отрасляхъ производ-

ства соотвѣтствуетъ цѣнность неодинаковой высоты. Поэтому, количество потраченнаго труда не можетъ служить мѣриломъ цѣнности; и хотя бы какой нибудь предметъ создавался всегда и вездѣ посредствомъ одинаковаго количества труда,—это не значило бы, что онъ могъ бы служить таковымъ мѣриломъ. При измѣненіи въ заработной платѣ измѣняется и высота относительной цѣнности, создаваемой извѣстнымъ опредѣленнымъ количествомъ труда въ разныхъ отрасляхъ производства. Для того, чтобы при такихъ условіяхъ говорить объ абсолютной цѣнности, пришлось бы предположить, что цѣнность, создаваемая при извѣстной комбинаціи постояннаго и оборотнаго капитала, при извѣстной прочности постояннаго капитала и т. д.—есть величина постоянная, и признать эту цѣнность за мѣрило цѣнности. Но при этомъ у насъ не было бы никакой руководящей нити для опредѣленія того, какую комбинацію постояннаго и оборотнаго капитала, какую прочность постояннаго капитала слѣдуетъ признать за искомую, слѣдуетъ выбрать.

Мало того. Хотя бы мы и предпочли ту или другую комбинацію постояннаго и оборотнаго капитала, ту или другую степень прочности постояннаго капитала и т. д., и стали бы считать ихъ нормальными, т. е. положили бы ихъ въ основаніе мѣрила цѣнности, то такое мѣрило не могло бы найти ни теоретическаго, ни практическаго примѣненія вслѣдствіе своей сложности и вслѣдствіе сложности явленій дѣйствительной жизни.

Итакъ, мы видимъ, что Рикардо въ отд. VI гл. I приходитъ къ выводу, что нѣтъ такого предмета, который могъ бы служить въ качествѣ неизмѣннаго мѣрила цѣнности. Между тѣмъ, такое мѣрило Рикардо очень нужно въ интересахъ научнаго изслѣдованія, т. е. для того чтобы упростить самый объектъ изслѣдованія, или, какъ онъ самъ говоритъ, чтобы быть въ состояніи «говорить объ измѣненіяхъ другихъ предметовъ, не заботясь безпрерывно о возможныхъ колебаніяхъ въ цѣнности товара, служащаго къ измѣренію цѣнъ и цѣнности» (стр. 25).

Поэтому Рикардо и здѣсь прибѣгаетъ къ предположенію, что цѣнность опредѣляется исключительно количествомъ потраченнаго труда, т. е. прибѣгаетъ къ той абстракціи, которую мы уже выше назвали второю абстракціей его [1]).

Такимъ образомъ, Рикардо, наконецъ, удается отыскать мѣрило цѣнности. Если всѣ предметы обмѣниваются въ пропорціи потраченнаго на нихъ труда, то количество потраченнаго труда и является мѣриломъ

[1]) Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предполагаетъ, что золото производится всегда посредствомъ одного и того же количества труда, и заявляетъ, что всѣ измѣненія въ цѣнѣ онъ будетъ считать «происходящими отъ нѣкоторыхъ колебаній въ цѣнности того товара», который онъ будетъ разсматривать (стр. 25). Это новое предположеніе не имѣетъ существеннаго значенія; Рикардо его дѣлаетъ лишь потому, что «количество потраченнаго труда» есть величина неосязаемая; предположеніе же золота, какъ мѣрила цѣнности, значительно способствуетъ наглядности его дальнѣйшаго изложенія.

цѣнности, и, въ то же время, получается возможность говорить объ абсолютной цѣнности и измѣненіяхъ въ ея высотѣ. Поэтому, Рикардо уже въ I отд. I главы, полемизируя со Смитомъ, заявляетъ, что «количество труда, израсходованное на предметъ, при многихъ обстоятельствахъ есть неизмѣнное мѣрило, правильно указывающее на колебанія цѣны другихъ вещей» (стр. 3). Подчеркнутая оговорка показываетъ, что Рикардо здѣсь сознаетъ еще абстрактный характеръ высказываемаго здѣсь положенія; но, какъ увидимъ ниже, въ дальнѣйшемъ изложеніи онъ о немъ совсѣмъ забудетъ.

Путемъ приведенныхъ нами трехъ абстракцій Рикардо приходитъ къ такимъ же результатамъ, къ какимъ Миль — какъ мы указали выше — пришелъ путемъ предположенія, что всѣ предметы неизмѣнны во взаимной относительной цѣнности, кромѣ того предмета, который подлежитъ разсмотрѣнію, — но съ одной существенной разницею, заключающейся въ томъ, что Миль все же продолжаетъ видѣть критерій цѣнности въ «покупной силѣ предмета вообще», Рикардо же, какъ мы уже указали, переноситъ этотъ критерій на «количество потраченнаго на производство предмета труда».

Между тѣмъ этотъ пріемъ оказалъ Рикардо хорошую услугу. Дѣйствительно, если при относительномъ пониманіи цѣнности такія выраженія, какъ «цѣнность имущества или дохода Россіи, Англіи и т. д.», не имѣютъ никакого значенія, то при абсолютномъ пони-

маніи цѣнности они получаютъ очень точный и опредѣленный смыслъ. А такъ какъ здѣсь покупная сила, будь то по отношенію ко всѣмъ предметамъ вообще, или по отношенію къ какому нибудь одному предмету въ частности,—совсѣмъ устраняется въ качествѣ критерія цѣнности[1]), то здѣсь крайне опредѣленно выступаетъ противоположность цѣнности и богатства. Выясненіе этой противоположности также составляетъ блестящее теоретическое открытіе Рикардо.

Правда, что и при относительномъ пониманіи цѣнности цѣнность не совпадаетъ съ богатствомъ. Какъ мы видѣли, относительная цѣнность, въ смыслѣ покупной силы вообще, является понятіемъ вполнѣ неопредѣленнымъ и слѣдовательно уже въ силу этого не можетъ считаться ни синонимомъ, ни мѣриломъ богатства, понятія вполнѣ опредѣленнаго. Но и въ смыслѣ покупной силы по отношенію къ одному избранному нами предмету, напр. хлѣбу или деньгамъ, относительная цѣнность также не совпадаетъ съ богатствомъ, такъ какъ одна и та же совокупность предметовъ, иначе говоря, одно и тоже богатство можетъ

---

[1]) См., напр., Рикардо, гл. 20, 178. «Если дѣйствительно не бываетъ другой дороговизны, кромѣ той, которая порождается издержками производства, то какъ-же возможно утверждать, что товаръ можетъ повыситься въ цѣнности, когда издержки производства его не увеличились, и притомъ единственно въ силу того, что онъ будетъ обмѣниваться на бо́льшее количество дешевыхъ товаровъ, и бо́льшее количество товаровъ, цѣнность которыхъ уменьшилась?»

въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ обмѣниваться на очень различныя количества этого избраннаго нами предмета. Наконецъ, элементами, опредѣляющими богатство, могутъ быть предметы, вовсе не обладающіе никакою цѣнностью.

Выставить противоположность цѣнности и богатства въ столь рѣзкой формѣ, какъ это дѣлаетъ Рикардо, можно было лишь при помощи тѣхъ абстракцій, къ которымъ онъ прибѣгаетъ [1]). Поэтому, въ самомъ началѣ главы «объ отличительныхъ свойствахъ цѣнности и богатства» Рикардо заявляетъ, что «трудъ милліона людей въ мануфактурѣ производитъ всегда одну и ту же цѣнность, но не всегда одно и то же богатство» (стр. 171), и далѣе въ той же главѣ онъ уже безъ всякихъ оговорокъ утверждаетъ, что «такъ какъ предметы обоего рода (т. е. франки и тѣ вещи, измѣренію которыхъ они служатъ) представляютъ результатъ труда, то именно трудъ и есть общая мѣра, посредствомъ которой можетъ приводиться въ извѣстность какъ ихъ дѣйствительная, такъ и относительная цѣнность» (стр. 179).

Въ теченіе нашего изложенія мы старались доказать, что Рикардо обращается къ приведеннымъ нами абстракціямъ лишь въ методологическихъ цѣляхъ, т. е. для упрощенія или изолированія объекта изслѣдованія.

---

[1]) Противоположность цѣнности и богатства послужила Рикардо ключемъ къ уясненію выгодъ, вытекающихъ изъ внѣшней торговли. См. гл. VII, стр. 77 и слѣд.; прим. 165 и др.

Хотя, какъ мы видимъ, Рикардо иногда и забываетъ объ абстрактномъ и, слѣдовательно, условномъ значеніи выводимыхъ имъ истинъ, тѣмъ не менѣе въ перепискѣ его съ Мальтусомъ мы находимъ неопровержимое доказательство того, что онъ не считалъ ихъ соотвѣтствующими дѣйствительности. Въ письмѣ отъ 10 октября 1820 г. онъ, напримѣръ, прямо заявляетъ, что положеніе, что цѣнность опредѣляется количествомъ труда, не вполнѣ вѣрно, что оно лишь ближе подходитъ къ истинѣ, чѣмъ какое либо изъ другихъ извѣстныхъ ему мѣрилъ для опредѣленія сравниваемыхъ цѣнностей [1]). Нельзя не сказать, что слова эти служатъ новымъ доказательствомъ того высокаго научнаго безпристрастія, которое мы лишь рѣдко можемъ найти въ такой степени, какъ у Рикардо.

Резюмируя все сказанное, мы видимъ, что Рикардо путемъ ряда абстракцій пришелъ къ ученію, что высота цѣнности опредѣляется количествомъ потраченнаго труда, и что трудъ, сообразно съ этимъ, есть мѣрило цѣнности. Какъ мы уже указали выше, эти абстракціи составляютъ и слабую и сильную сторону ученія Рикардо; онѣ оказали Рикардо очень важную служ-

[1]) Letters of David Ricardo to Thomas Robert Malthus 1810—1823, edited by J. Bonar, Oxford, 1887, стр. 176. См. также письмо отъ 24 ноября 1820 г., въ которомъ Рикардо, отвѣчая на возраженіе Мальтуса, заявляетъ, что онъ никогда и не думалъ утверждать, будто каменная стѣна, стоющая 1000 ф., и 50 дубовъ, стоющихъ столько же, заключаютъ въ себѣ равное количество труда.

бу, такъ какъ лишь съ ихъ помощью ему удалось открыть законъ, опредѣляющій связь между высотою прибыли и заработной платы и законъ поземельной ренты. Дѣйствительно, какъ мы видѣли въ первомъ очеркѣ, у Смита было крайне неясное представленіе о томъ, чѣмъ опредѣляется высота цѣнности и какая связь существуетъ между высотою ея составныхъ частей. Дѣло въ томъ, что Смитъ измѣрялъ высоту цѣнности благъ и ея составныхъ частей покупною силою ихъ по отношенію къ труду и къ разнымъ благамъ, преимущественно къ хлѣбу. Съ этими двумя мѣрилами Смитъ далеко уйти не могъ. Оба они непримѣнимы не только практически, такъ какъ въ дѣйствительности цѣнность и труда и хлѣба подвергается колебаніямъ, но они непримѣнимы и теоретически. Дѣйствительно, выставляя предположеніе о неизмѣнности цѣнности хлѣба и труда, Смитъ этимъ дѣлаетъ невозможною постановку того самаго вопроса, разрѣшеніе котораго требуется. Вопросъ этотъ заключается въ слѣдующемъ: Чѣмъ опредѣляется колеблющаяся высота цѣнности благъ, и какая связь существуетъ между высотою этой цѣнности и высотою ея составныхъ частей? Самая постановка этого вопроса становится теоретически невозможною, разъ мы предположимъ, 1) что неизмѣнна одна изъ составныхъ частей цѣнности, заработная плата, и 2) что неизмѣнна цѣнность хлѣба, т. е. того блага, измѣненія въ цѣнности котораго въ только что поставленномъ вопросѣ именно и играютъ первостепенную роль!

Рикардо въ трудѣ создалъ себѣ мѣрило цѣнности для выраженія какъ цѣнности благъ, т. е. цѣлаго, такъ и составныхъ частей этого цѣлаго. Практически мѣрило Рикардо столь же непримѣнимо, какъ и оба мѣрила Смита. Рикардо самъ признаетъ это, что видно изъ того, что онъ прибѣгаетъ къ своимъ тремъ абстракціямъ; но и помимо этого единица труда (напр. рабочій день) есть величина измѣнчивая, какъ вслѣдствіе различій въ продолжительности рабочаго дня, такъ и вслѣдствіе различій въ производительности, интенсивности и ловкости однороднаго труда и различій въ качествѣ разнородныхъ видовъ труда.

Но теоретически мѣрило Рикардо вполнѣ примѣнимо и даже обладаетъ большими преимуществами. Благодаря его примѣненію, у Рикардо цѣнность, создаваемая извѣстнымъ количествомъ труда, является величиною неизмѣнною и независимою отъ высоты составныхъ частей ея; вмѣстѣ съ тѣмъ, выраженная въ неизмѣнномъ мѣрилѣ, она является тѣмъ сосудомъ, въ который должны вмѣститься двѣ составныя части ея: заработная плата и прибыль.

Въ свою очередь цѣнность заработной платы, прибыли и ренты находитъ также свое выраженіе уже не въ такихъ предметахъ, цѣнность которыхъ измѣнчива, какъ у Смита, но въ неизмѣнномъ мѣрилѣ—трудѣ. Рикардо смотритъ на заработную плату, прибыль и ренту не съ точки зрѣнія богатства лицъ, доходъ которыхъ онѣ составляютъ, но съ точки зрѣнія выраженной въ трудѣ цѣнности ихъ. «Только по

количеству труда, потребнаго на производство продукта, а не по абсолютному количеству продукта, достающагося каждому классу общества, можно судить точно объ уровнѣ прибыли, ренты и задѣльной платы» [1]).

А такъ какъ заработная плата и прибыль, вмѣстѣ взятыя, составляютъ одно неизмѣнное цѣлое, то отсюда вытекаетъ, что высота ихъ обратно пропорціональна. Рента не есть составная часть цѣнности; она вытекаетъ изъ того, что нѣкоторыя блага производятся при неодинаково благопріятныхъ условіяхъ, между тѣмъ какъ цѣнность опредѣляется количествомъ труда, необходимымъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ.

Вотъ сущность открытыхъ Рикардо законовъ; хотя они носятъ чрезвычайно абстрактный характеръ, но огромное теоретическое значеніе ихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію; лишь опираясь на нихъ, ученіе о цѣнности могло получить дальнѣйшее развитіе.

Въ заключеніе прибавимъ, что вопроса объ источникѣ цѣнности Рикардо ex professo не поднимаетъ. Правда, мы находимъ у него указаніе, что «предметы, обладающіе полезностью, заимствуютъ свою мѣновую цѣнность изъ двухъ источниковъ: рѣдкости и количества труда, необходимаго на ихъ добываніе» (стр. 2). Но это указаніе не представляетъ изъ себя сколько нибудь обоснованной теоріи, а является скорѣе мимоходомъ брошеннымъ замѣчаніемъ. Однако, и этого достаточно, чтобы видѣть, насколько ложно мнѣніе, будто

[1]) Гл. I, отд. VII, стр. 27.

онъ трудъ считалъ единственнымъ источникомъ цѣнности. Не найдемъ мы у Рикардо и сколько-нибудь обоснованной теоріи о происхожденіи прибыли; правда, у него встрѣчаются зачатки т. наз. теоріи воздержанія [1]), но зачатки настолько слабые, что Бемъ-Баверкъ по справедливости относитъ ученіе Рикардо по этому вопросу къ разряду «безцвѣтныхъ теорій» [2]).

[1]) Такъ, напр., гл. I, отд. IV, стр. 19; гл. VI, стр. 66, 67.

[2]) Boehm-Bawerk, Kapital und Kapitalzins, I, отд. IV, стр. 101. См. также Rodbertus, Zur Beleuchtung der socialen Frage, I, Berlin, 1875, стр. 76. «Рикардо лишь поверхностно касается принципа, лежащаго въ основаніи прибыли на капиталъ. Правда, онъ даетъ обширную теорію о поднятіи и паденіи ея, самое же существованіе ея онъ принимаетъ почти за первоначальный фактъ.... и лишь мимоходомъ объясняетъ эту прибыль, какъ вознагражденіе за накопленіе капитала».

III.

КАРЛЪ РОДБЕРТУСЪ-ЯГЕЦОВЪ.

КАРЛЪ РОДБЕРТУСЪ-ЯГЕЦОВЪ.

Въ предыдущемъ очеркѣ мы указали на то, что на основаніи законовъ, выведенныхъ классическою политическою экономіей и имѣвшихъ лишь значеніе тенденцій, ошибочно создавались системы экономической политики. Однако не только на практикѣ, но и въ теоріи часто забывали, что положенія классической школы имѣютъ лишь гипотетическое значеніе, что они справедливы лишь при извѣстныхъ предположеніяхъ, и придавали имъ абсолютную силу. Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи судьба, которая постигла ученіе Рикардо о цѣнности. Облеченное въ абсолютную форму, это ученіе сдѣлалось основною посылкою нѣмецкаго научнаго соціализма съ его двумя главными представителями, Родбертусомъ и Марксомъ, во главѣ.

Ученіе Маркса получило свое окончательное завершеніе лишь съ недавнимъ появленіемъ III тома «Капитала», заключающаго въ себѣ отвѣтъ Маркса по одному чрезвычайно важному вопросу. «Въ дѣйстви-

тельности», говоритъ Энгельсъ въ предисловіи къ II тому «Капитала» Маркса, «равные капиталы, сколько бы живого труда они ни примѣняли, въ одинаковое время производятъ въ среднемъ равную прибыль. Здѣсь, такимъ образомъ, мы видимъ противорѣчіе съ закономъ цѣнности, противорѣчіе, которое замѣтилъ уже Рикардо и разрѣшить которое не сумѣла и его школа. И Родбертусъ не могъ не видѣть этого противорѣчія; вмѣсто того, чтобы разрѣшить его, онъ его дѣлаетъ исходною точкою своей утопіи (Zur Erk., 131). Марксъ разрѣшилъ это противорѣчіе уже въ рукописи «Zur Kritik»; сообразно съ планомъ «Капитала» разрѣшеніе послѣдуетъ въ III книгѣ, до появленія которой пройдутъ еще мѣсяцы» [1]). Эти слова были написаны Энгельсомъ въ 1885 г.; между тѣмъ до появленія III тома «Капитала» прошло цѣлыхъ десять лѣтъ, и такъ какъ этотъ третій томъ только что лишь полученъ нами, то мы не имѣемъ возможности уже здѣсь дать оцѣнку ученія Маркса.

Но если ученіе Маркса еще недавно могло считаться не вполнѣ законченнымъ, то ученіе Родбертуса лежитъ передъ нами цѣликомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Родбертусъ можетъ считаться отцомъ нѣмецкаго научнаго соціализма [2]). Поэтому его ученіе о цѣнности представляетъ значительный интересъ.

---

[1]) Marx, Das Kapital, II, предисловіе Энгельса, стр. XXII—XXIII.

[2]) Правда, что ученіе Маркса задумано самостоятельно отъ ученія Родбертуса и несравненно стройнѣе его; однако

Гипотетическое положеніе Рикардо, что цѣнность соотвѣтствуетъ труду, у Родбертуса получаетъ абсолютное значеніе. Рикардо интересуется только вопросомъ о высотѣ цѣнности; вопросовъ о хозяйственныхъ факторахъ производства и объ источникѣ цѣнности онъ себѣ и не ставилъ и говоритъ о нихъ лишь мелькомъ. Родбертусъ ставитъ эти вопросы ex professo, и его ученіе есть ничто иное, какъ попытка привести ученіе о факторахъ производства и объ источникѣ цѣнности въ гармонію съ получившимъ у него абсолютное значеніе гипотетическимъ положеніемъ Рикардо, что высота цѣнности опредѣляется количествомъ потраченнаго труда.

Разсмотримъ-же эту попытку. In generalibus latet error, говоритъ Родбертусъ [1]). Между тѣмъ трудно найти писателя, къ которому эти слова примѣнялись бы въ такой степени, какъ къ самому Родбертусу [2]).

по времени Родбертусъ является предшественникомъ Маркса.

[1]) Zur Beleuchtung, I, 68; Das Kapital, 235, прим.

[2]) Въ настоящемъ очеркѣ мы пользовались гл. обр. слѣд. сочиненіями Родбертуса:

1) Zur Erkenntniss unsrer staatswirtschaftlichen Zustände, Neubrandenburg und Friedland, 1842 (цит. Zur Erkenntniss).

2) Zur Beleuchtung der socialen Frage, I, Berlin, 1875 (заключаетъ въ себѣ II и III социальныя письма къ Кирхману. Цит. Zur Beleuchtung, I).

3) Das Kapital, vierter socialer Brief an von Kirchmann, herausgegeben von A. Wagner und Th. Kozak, Berlin, 1884 (цит.: Das Kapital).

4) Zur Beleuchtung der socialen Frage, II, herausgegeben von

I.

Все ученіе Родбертуса о цѣнности построено на томъ положеніи, что всѣ хозяйственныя блага стоятъ труда и стоятъ одного только труда. Доказательству этого положенія посвященъ I отдѣлъ перваго по вре-

---

A. Wagner und Th. Kozak, Berlin, 1885 (заключаетъ въ себѣ I соціальное письмо къ Кирхману и нѣк. другія сочиненія Родбертуса. Цит.: Zur Beleuchtung II).

5) Zur Erklarung und Abhilfe der heutigen Kreditnoth des Grundbesitzes, 2-е изданіе 1890 (цит. Kreditnoth).

6) Der Normalarbeitstag, отпечатано въ Zeller, zur Erkenntniss unserer staats wirtschaftlichen Zustande, Berlin, 1876.

Изъ литературы о Родбертусѣ мы пользовались слѣдующими сочиненіями.

G. Adler, Rodbertus, der Begründer des wissenschaflichen Socialismus, Leipzig, 1883; Boehm-Bawerk, Kapital und Kapitalzins, I, Innsbruck, 1884, отд. XI; Diehl, P. J. Proudhon, seine Lehre und sein Leben, I. Jena, 1888; II, Jena, 1890 (о точкахъ соприкосновенія Родбертуса съ Прудономъ: I, 67 [происхожденіе ренты]; I, 121 и II, 187 [теорія цѣнности]; II, 307 [вліяніе Прудона на Родбертуса]); H Dietzel, Karl Rodbertus, Darstellung seines Lebens und seiner Lehre. I Darstellung seines Lebens, Iena, 1886; II Darstellung seiner Socialphilosophie, Jena, 1887. Knies, Die politische Oekonomie vom geschichtlichen Standpunkte, 2 Aufl, Braunschweig, 1883, стр. 63 и др. Его же Der Kredit, II Halfte, Berlin, 1879, отд. VIII, 4, Th. Kozak, Rodbertus—Jagetzows socialökonomische Ansichten, Jena, 1882 (подробное систематическое изложеніе ученія Родбертуса); Lexis, Zur Kritik der Rodbertusschen Theorien въ Jahrbücher für Nationaloekonomie, Neue Folge, B. 9, 1884 (рецензія сочиненія Родбертуса Das Kapital); A. Menger, Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag, Stuttgart, 1886, §8; Zuns, Einiges über Rodbertus, Berlin, 1883. Н. Зиберъ, К. Родбертусъ и его экономическія изслѣдованія, Юр Вѣстн., 1881, № 1, 2 и 3.

мени изданія сочиненія Родбертуса. Zur Erkenntniss unserer staatswirtschaftlichen Zustande.

Родбертусъ начинаетъ свое изложеніе съ заявленія, что въ область народнаго хозяйства входятъ лишь матеріальныя блага[1]). Такимъ образомъ онъ высказываетъ взглядъ, какъ разъ противоположный очень распространенному въ настоящее время въ Германіи ученію, по которому и нематеріальныя блага· разнаго рода услуги, отношенія и даже учрежденія (Einrichtungen), какъ, напр., государство, входятъ въ разрядъ хозяйственныхъ благъ и составляютъ предметъ политической экономіи[2]). Мы не имѣемъ возможности подробно останавливаться здѣсь на этомъ вопросѣ, замѣтимъ только, что, на нашъ взглядъ, ограниченіе области изслѣдованія политической экономіи, проводимое Родбертусомъ, находитъ свое оправданіе въ интересахъ научной классификаціи, что это ограниченіе нисколько не заключаетъ въ себѣ отрицанія той глубокой связи, какая существуетъ между хозяйственными явленіями и явленіями изъ другихъ областей общественной жизни (явленіями государственными, правовыми и т. д.). На этомъ ограниченіи настаиваетъ ученый, который одинъ

---

[1]) Zur Erkenntniss, 1; см. также Das Kapital, 87, прим.

[2]) Hermann, Staatswirtschaftliche Untersuchungen, Munchen, 1832, Unters. 1 и 2; Roscher, Grundlagen der Nationaloekonomie, 20-ste Auflage, Stuttgart, 1892, § 3, стр. 6; Wagner, Lehr-und Handbuch der politischen Oekonomie, I Theil, 3-tte Auflage Leipzig 1892, § 119, стр. 299 и слѣд; см также Knies, Die Politische Oekmomie, стр 212 и слѣд

изъ первыхъ возсталъ противъ односторонности классической школы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, указалъ на необходимость разсматривать экономическія явленія именно въ этой связи: Книсъ [1]). Нельзя не согласиться также съ Родбертусомъ въ томъ, что всѣ ученые, доказывающіе въ началѣ своихъ сочиненій, что и нематеріальныя блага входятъ въ область хозяйства, въ теченіе своего изложенія объ этомъ позабываютъ. Намъ кажется, что этотъ упрекъ отчасти справедливъ и по отношенію къ Вагнеру.

Затѣмъ Родбертусъ приступаетъ къ выясненію нѣкоторыхъ основныхъ экономическихъ понятій. Подъ «годностью» (Brauchbarkeit) онъ разумѣетъ «сознанную человѣкомъ способность какого нибудь предмета служить средствомъ къ достиженію какой нибудь цѣли»: такимъ образомъ, годность покоится на чисто объективномъ основаніи: конкретныхъ свойствахъ предметовъ. Если человѣкъ дѣйствительно ставитъ себѣ ту цѣль, средствомъ къ достиженію которой данный пред-

---

[1]) Knies, l. c., 159: «Въ область изслѣдованія науки о народномъ хозяйствѣ могутъ входить лишь внѣшнія блага, которыя побуждаютъ людей и народы къ хозяйственной дѣятельности... Вопросъ о всемъ томъ, что можетъ способствовать успѣшности хозяйственныхъ видовъ дѣятельности и что въ силу этого можетъ считаться благомъ,—этотъ вопросъ касается всѣхъ естественныхъ и культурныхъ элементовъ народной жизни; если же мы спрашиваемъ о тѣхъ благахъ, на созданіе и распредѣленіе которыхъ направлены хозяйственные виды дѣятельности, то здѣсь дѣло можетъ идти лишь о вещественныхъ благахъ (Sachliche Güter), которыя способны удовлетворять человѣческія потребности».

метъ служитъ, то человѣкъ становится въ извѣстное отношеніе зависимости къ этому предмету, отношеніе, которое Родбертусъ называетъ потребностью, и въ силу этого предметъ получаетъ цѣнность [1]). Но этого еще недостаточно для того, чтобы предметъ сталъ благомъ: для этого онъ, сверхъ того, долженъ находиться въ такомъ физически непосредственномъ отношеніи къ человѣку, которое допускало бы примѣненіе его къ достиженію поставленной цѣли, иными словами, для этого онъ долженъ находиться въ «хозяйственномъ обладаніи» (wirtschaftliche Besitz) человѣка [2]).

Подъ хозяйствомъ, далѣе, Родбертусъ разумѣетъ «распоряженіе (Verwaltung) наличными благами съ цѣлью наилучшаго удовлетворенія потребностей». Если бы человѣкъ не обладалъ никакими потребностями и, слѣдовательно, не нуждался бы ни въ какихъ благахъ, или если бы всѣ блага представлялись ему въ столь неограниченномъ количествѣ и безъ его содѣйствія находились въ столь непосредственномъ отношеніи къ нему, какъ воздухъ или солнечный свѣтъ, такъ что для потребленія ихъ требовалось бы лишь отправленіе органическихъ функцій,—то не могло бы быть хозяйства. Между тѣмъ, такихъ благъ очень мало; всѣ же остальныя могутъ быть приведены въ такое непосредственное отношеніе къ человѣку лишь при помощи его дѣятельности. Какъ ни различны виды этой дѣятель-

---

1) Родбертусъ здѣсь имѣетъ въ виду потребительную цѣнность. См. Zur Erkenntniss, 32, прим.

2) Zur Erkenntniss, 2—4.

ности, начиная съ простой оккупаціи и кончая самыми сложными операціями, по своей природѣ она вездѣ одна и таже: она вездѣ сводится къ подчиненію силъ и времени человѣка извѣстной цѣли, именно пріобрѣтенію какого нибудь предмета; она вездѣ составляетъ извѣстную жертву; словомъ—она вездѣ есть трудъ. Въ необходимости примѣненія труда лежитъ единственное разумное основаніе хозяйства. Дѣйствительно, количество потребностей человѣка—безгранично; для удовлетворенія же ихъ онъ обладаетъ лишь ограниченнымъ размѣромъ силъ и времени. Въ томъ же, въ чемъ лежитъ разумное основаніе хозяйства, заключаются и предѣлы его объекта. Поэтому, лишь тѣ блага могутъ считаться хозяйственными, которыя стоятъ труда.

Лишь въ томъ случаѣ приведенное только что опредѣленіе хозяйственныхъ благъ было бы неправильно, если бы существовали такія блага, которыя безъ всякой дѣятельности человѣка могли бы непосредственно удовлетворять его потребности, и если бы въ тоже время количество этихъ благъ было настолько ограничено [1]), что къ нимъ по этой причинѣ приходилось бы относиться хозяйственно. Между тѣмъ такихъ благъ нѣтъ, и, поэтому, лишь тѣ блага могутъ считаться хозяйственными, которыя стоятъ труда [2]).

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, блага эти стоятъ одного только

---

[1]) Залѣсскій, Ученіе о происхожденіи прибыли, отд. I, вып. II, Казань 1893, 231

[2]) Zur Erkenntniss, 4—6

труда, т. е. среди факторовъ, создающихъ эти блага трудъ составляетъ единственный элементъ, которой можно считать ихъ «стоимостью» (или «издержкою»: Kosten). Стоимостью же какого нибудь предмета можетъ считаться лишь то, что не только необходимо на созданіе этого предмета, но что, сверхъ того 1) составляетъ безвозвратный расходъ, который уже не можетъ быть сдѣланъ для другого предмета и 2) который падаетъ на какое нибудь лицо, несущее послѣдствія безвозвратности этого расхода. Лишь физическій, матеріальный трудъ совмѣщаетъ въ себѣ оба эти признака. Природа является лишь хранилищемъ матеріала; духъ человѣка— лишь хранилищемъ тѣхъ формъ, которыя человѣкъ придаетъ матеріалу; для того же, чтобы облечь этотъ годный матеріалъ въ опредѣленную форму, необходимъ физическій трудъ: трудъ этотъ составляетъ безвозвратный расходъ, и притомъ такой, который падаетъ на человѣка. Правда, человѣкъ не можетъ приступить къ производству какого нибудь блага, если природа не доставитъ ему матеріала и если у него нѣтъ «идеи»; кромѣ того, при самомъ производствѣ труду помогаетъ природа, силы которой способствуютъ человѣку при переработкѣ и присвоеніи матеріала, и духъ человѣческій, указывающій труду путь. Но ни то, ни другое нельзя относить къ «стоимости» благъ. Какъ идея, которая осуществляется въ какомъ нибудь благѣ, такъ и руководство, которое духъ даетъ труду, неограничены и неистощимы; столь же безконечны и неразрушимы и силы природы. Правда, что природный мате-

ріалъ, примѣненный при производствѣ какого либо блага, уже не можетъ быть примѣненъ при производствѣ другого блага. Но нельзя говорить объ «издержкахъ», падающихъ на природу: для этого пришлось бы персонифицировать ее. Расходомъ могутъ считаться лишь такія издержки, которыя падаютъ на человѣка [1]).

Итакъ, по мнѣнію Родбертуса, среди матеріальныхъ благъ лишь тѣ могутъ считаться хозяйственными, которыя стоятъ труда. Дѣйствительно, лишь немногія блага поставлены въ такое непосредственное отношеніе къ человѣку, что для потребленія ихъ требуется лишь отправленіе его органическихъ функцій (воздухъ, солнечный свѣтъ). Трудъ требуется для приведенія въ такую непосредственность даже по отношенію къ такимъ благамъ, которыя природа даетъ въ «годномъ» для удовлетворенія человѣческихъ потребностей видѣ и въ неограниченномъ количествѣ—особенно если считать и оккупацію видомъ труда. Нечего и говорить, напримѣръ, о тѣхъ затратахъ, которыя приходится городамъ дѣлать на водоснабженіе, или о томъ значеніи, какое имѣетъ обиліе или недостатокъ воды въ крестьянскомъ хозяйствѣ нашихъ южныхъ губерній; и охотнику, стоящему у источника, для удовлетворенія своей жажды приходится нагнуться и зачерпнуть воды, т. е. совершить оккупацію, потратить трудъ. Такимъ образомъ Родбертусъ доказываетъ, что всѣ блага, за исключеніемъ немногихъ, требуютъ труда, для того чтобы быть въ

[1]) Zur Erkenntniss, 6—8

состояніи непосредственно удовлетворить потребности человѣка.

Но развѣ, съ точки зрѣнія Родбертуса, лишьтѣ блага могутъ быть отнесены къ разряду хозяйственныхъ, которыя обладаютъ этою непосредственностью? Какъ мы видѣли, подъ благами вообще Родбертусъ разумѣетъ тѣ предметы, обладающіе цѣнностью, которыя находятся въ «хозяйственномъ обладаніи» человѣка, причемъ онъ не дѣлаетъ никакого различія между тѣмъ, служатъ ли эти предметы удовлетворенію человѣческихъ потребностей посредственно—какъ орудія и матеріалы, или непосредственно А изъ этого вытекаетъ, что и дѣвственный лѣсъ, и нераспаханная степь, и залежь торфа или каменнаго угля, разъ они находятся въ чьемъ либо хозяйственномъ обладаніи,—составляютъ благо. Съ другой стороны подъ «хозяйствомъ» Родбертусъ разумѣетъ распоряженіе извѣстными наличными благами съ цѣлью наилучшаго удовлетворенія потребностей. Понятно, что распоряжаться или управлять благами, т. е. соблюдать по отношенію къ нимъ извѣстный порядокъ, извѣстную бережливость человѣку приходится по отношенію ко всѣмъ благамъ, которыя обладаютъ сравнительною рѣдкостью, т. е. количество которыхъ ограничено въ сравненіи съ потребностью въ нихъ, или, говоря языкомъ Смита, съ абсолютнымъ спросомъ на нихъ. Это признаетъ самъ Родбертусъ, говоря, что его опредѣленіе хозяйственыхъ благъ лишь въ томъ случаѣ было бы неправильно, если-бы существовали такія блага, которыя безъ всякой дѣятель-

ности человѣка могли бы непосредственно удовлетворять его потребности и количество которыхъ было бы въ тоже время настолько ограничено, что къ нимъ по этой причинѣ приходилось бы относиться хозяйственно [1]).

А если такъ, то къ разряду хозяйственныхъ благъ нужно отнести и упомянутыя выше блага, разъ они находятся въ «хозяйственномъ обладаніи» человѣка, и разъ количество ихъ ограничено: человѣкъ долженъ относиться къ нимъ хозяйственно, долженъ въ силу роковой необходимости, хотя бы на производство ихъ и не было потрачено никакого труда. Между тѣмъ, Родбертусъ исключаетъ эти блага изъ разряда хозяйственныхъ на томъ основаніи, что они не находятся въ такомъ непосредственномъ отношеніи къ человѣку, чтобы для потребленія ихъ требовалось лишь отправленіе его органическихъ функцій.

Такимъ образомъ вся суть аргументаціи Родбертуса основана на томъ, что въ опредѣленіе хозяйственнаго блага онъ вводитъ новый элементъ, и притомъ такой, въ силу котораго, оставаясь послѣдовательнымъ, онъ долженъ былъ бы исключить изъ разряда хозяйственныхъ благъ почти всѣ, если не всѣ блага, на которыя потраченъ трудъ. Дѣйствительно, развѣ средства производства, т. е. орудія и матеріалы, сколько бы труда на нихъ потрачено ни было,—находятся къ человѣку въ такомъ не-

[1]) Zur Erkenntniss, 6.

посредственномъ отношеніи, какого требуетъ Родбертусъ? Да и много ли найдется готовыхъ благъ, т. е. средствъ потребленія, которыя находились бы въ столь непосредственномъ отношеніи къ человѣку, что для потребленія ихъ требовалось бы лишь «отправленіе органическихъ функцій»?

— Между тѣмъ, лишь съ помощью этого аргумента Родбертусу удается исключить изъ разряда хозяйственныхъ благъ всѣ тѣ блага, на созданіе которыхъ не потрачено труда, но количество которыхъ сравнительно ограничено, и такимъ образомъ доказать свое первое положеніе, что хозяйственными благами могутъ считаться лишь тѣ блага, которыя стоили труда.

Въ этомъ первомъ положеніи заключается уже и второе положеніе Родбертуса, что трудъ является единственною стоимостью благъ. Потребности человѣка, говоритъ онъ, безконечны; силы же его и время, находящееся въ его распоряженіи,—ограничены. Однако, развѣ всѣ силы и матеріалы, доставляемые природою, неограничены и неистощимы, какъ говоритъ Родбертусъ? Развѣ силу паденія воды природа даетъ намъ въ неограниченномъ количествѣ? Развѣ силы, лежащія въ почвѣ, неограничены и неистощимы?

Самъ Родбертусъ приводитъ слѣдующее возраже-

---

[1]) Изъ этого явствуетъ, что понятію «трудъ» Родбертусъ придаетъ слишкомъ широкое значеніе, относя къ нему оккупацію и вообще всякую дѣятельность, заключающую въ себѣ нѣчто большее, чѣмъ отправленіе органическихъ функцій человѣка.

ніе противъ своего ученія. Собственникъ какого нибудь матеріала, говоритъ онъ, къ которому не было приложено еще никакого труда, напр., лѣса или поля, справедливо могъ бы сказать, что не только трудъ, направленный на производство благъ изъ этого матеріала, составляетъ для него расходъ, но и самый матеріалъ, такъ какъ матеріалъ этотъ не можетъ уже болѣе быть примѣненъ для другихъ благъ и, такимъ образомъ, составляетъ расходъ, падающій на собственника. Однако,—отвѣчаетъ Родбертусъ,—это возраженіе основывается на смѣшеніи отношеній положительнаго права съ естественными отношеніями. Лишь отношенія послѣдней категоріи могутъ быть положены въ основаніе экономическихъ построеній. Поэтому здѣсь корень ошибки лежитъ въ словѣ «собственникъ». Стоитъ себѣ представить такое состояніе общества, гдѣ право собственности отмѣнено по отношенію къ землѣ, гдѣ оно сохранено лишь по отношенію къ тѣмъ предметамъ, которые созданы трудомъ и поскольку они созданы трудомъ: здѣсь доставляемые природою матеріалы, какъ таковые, перестаютъ быть предметами собственности и становятся ими лишь послѣ того, какъ ихъ присвоилъ трудъ; здѣсь, такимъ образомъ, становится яснымъ, что «стоимость» благъ единственно сводится къ труду [1]).

Такимъ образомъ, Родбертусъ опровергаетъ приводимое имъ возраженіе тѣмъ, что отнесеніе матеріала, до-

[1]) Zur Erkenntniss, 8—10.

ставляемаго лѣсомъ или полемъ, къ «стоимости» благъ есть результатъ смѣшенія правовыхъ и естественныхъ отношеній. Намъ кажется, что этотъ аргументъ не только невѣренъ самъ по себѣ, но что онъ сверхъ того находится въ глубокомъ противорѣчіи съ собственнымъ ученіемъ Родбертуса.

Наступленіе такого состоянія общества, при которомъ нѣтъ права собственности на землю, — немыслимо и представлялось немыслимымъ и Родбертусу. Оно возможно, пока населеніе настолько рѣдко, что землею дорожить не приходится, такъ какъ ея на всѣхъ хватаетъ съ избыткомъ. Мы въ исторіи такое состояніе находимъ; да и теперь оно иногда встрѣчается. Однако, наступаетъ время, когда ограниченность земли даетъ себя чувствовать; въ будущемъ же она будетъ давать себя чувствовать все болѣе и болѣе. Поэтому, въ старыхъ культурныхъ странахъ отмѣна права собственности на землю повела бы за собою bellum omnium contra omnes.

Это вполнѣ сознаетъ и Родбертусъ, и, поэтому, въ свой планъ будущаго соціальнаго строя онъ вводитъ никакъ не отмѣну права собственности на землю, но замѣну частной собственности общественной собственностью [1]). Разсмотрѣніе того, насколько такая замѣна возможна, здѣсь не входитъ въ нашу задачу. Сообразно съ своимъ органическимъ воззрѣніемъ на государство и на общество [2]) Родбертусъ считаетъ

---

1) Das Kapital, 109, 115, 116, 121

2) Zur Beleuchtung II, 58 и слѣд.; Das Kapital, 77 и слѣд.;

высшею стадіею экономическаго развитія такой общественный строй, при которомъ земля и капиталъ составляютъ собственность всего общества [1]), и всѣмъ производствомъ руководитъ одна общественная воля [2]). Такъ какъ общество, какъ таковое, не обладаетъ дѣеспособностью, то представителемъ его является высшее центральное учрежденіе (Centralbehörde) [3]), которое соединяетъ въ себѣ всѣ тѣ хозяйственныя функціи, которыя теперь лежатъ на частныхъ собственникахъ земли и капитала. Одною изъ этихъ функцій, безъ сомнѣнія, является регулированіе пользованія тѣми естественными матеріалами и тѣми силами природы, которые существуютъ лишь въ ограниченномъ количествѣ.

Такимъ образомъ, если Родбертусъ и говоритъ, что экономическія отношенія слѣдуетъ отличать отъ отношеній правового характера; въ данномъ случаѣ права собственности на землю, но самъ же онъ не можетъ себѣ представить такого состоянія общества, въ которомъ этого права нѣтъ, за исключеніемъ состоянія, имѣвшаго мѣсто до введенія раздѣленія труда [4]). Да это станетъ намъ вполнѣ понятнымъ, если мы обратимъ вниманіе на то, что въ основѣ права собствен-

103 и слѣд. Brentano, Die konkreten Grundlagen der Volkswirtschaft въ Zeitshrift fur Social und Wirtschaftsgeschichte, I; Dietzel, l. c, II, особенно II отд.

[1]) Das Kapital, 115, 118, 122 и др.

[2]) Das Kapital, 122.

[3]) Zur Beleuchtung I, 28; Das Kapital, 123.

[4]) Das Kapital, 113.

ности на землю именно и лежитъ естественный фактъ: ограниченность пространства земли и производительныхъ силъ почвы.

На это намъ могутъ возразить, что Родбертусъ имѣлъ въ виду право собственности общества на землю лишь настолько, насколько земля сама, въ силу сдѣланныхъ на ней улучшеній, является результатомъ труда. Но у Родбертуса былъ какъ разъ противоположный взглядъ: хотя онъ и допускалъ примѣненіе улучшеній къ землѣ и даже ожидалъ отъ этихъ улучшеній очень многаго въ будущемъ, но вся его теорія поземельной ренты основана именно на томъ ученіи, что земля есть «матеріалъ, не стоившій никакихъ издержекъ» (ein kostenloses Material).

Сверхъ того намъ кажется, что здѣсь совершенно безразлично, будемъ ли имѣть въ виду землю, на которую уже потраченъ трудъ, или же дѣвственную почву, дѣвственный лѣсъ и т. д. И въ томъ и въ другомъ случаѣ отмѣна права собственности на землю одинаково немыслима.

Дѣйствительно, представимъ себѣ государство, въ которомъ введенъ общественный строй, рисовавшійся воображенію Родбертуса. Всѣмъ извѣстно, какую выдающуюся роль въ хозяйственномъ отношеніи играетъ лѣсъ: въ силу этого онъ является благомъ; а если онъ обладаетъ сравнительною рѣдкостью, то и хозяйственнымъ благомъ. Представимъ себѣ, что въ предполагаемомъ нами государствѣ находятся дѣвственные лѣса, и что лѣсъ вообще въ немъ обладаетъ сравни-

тельною рѣдкостью. Неужели эти дѣвственные лѣса не будутъ хозяйственнымъ благомъ лишь въ силу того, что на созданіе ихъ не потрачено труда? Неужели «центральное учрежденіе», руководящее хозяйственною жизнью государства, по этой только причинѣ не найдетъ необходимымъ относиться къ нимъ хозяйственно; неужели оно не заберетъ ихъ въ свою собственность, а дозволитъ свободное пользованіе ими всякому желающему? Намъ кажется, напротивъ, что и «центральному учрежденію» пришлось бы издать рядъ постановленій, регулирующихъ и ограничивающихъ пользованіе этими лѣсами, такъ-же какъ ему пришлось бы ограничить свободное пользованіе залежами каменнаго угля, золотыми розсыпями и т д., такъ-же какъ ему пришлось бы ограничить право свободной охоты, рыбной ловли и т. п. Къ тѣмъ же результатамъ мы придемъ, если представимъ себѣ, что въ предполагаемомъ нами государствѣ расположены обширныя полосы незанятой плодородной дѣвственной земли. Если въ настоящее время, вслѣдствіе изобилія земель, земля эта еще и не составляетъ хозяйственнаго блага; то когда нибудь наступитъ время, и въ силу сравнительной рѣдкости она сдѣлается таковымъ. Чтобы сдѣлать это наглядным, представимъ себѣ, что вслѣдствіе какихъ бы то ни было причинъ, напримѣръ, недостатка орошенія, земля эта лишиться своего плодородія и обратится въ пустыню. Неужели это не потеря для народнаго хозяйства предполагаемаго нами государства, которая весьма отразится на немъ если не теперь, то впослѣдствіи?

Все, что мы только что сказали о дѣвственномъ лѣсѣ, о залежахъ угля, о дѣвственной землѣ и т. д.,— примѣняется вообще ко всѣмъ тѣмъ естественнымъ матеріаламъ и силамъ, которые природа доставляетъ въ ограниченномъ—въ сравненіи съ наличными потребностями—количествѣ. А если это такъ, то примѣненіе этихъ матеріаловъ и этихъ силъ при производствѣ составляетъ расходъ, независимо отъ какихъ бы то ни было нормъ положительнаго права. Для признанія этого незачѣмъ и персонифицировать природу, такъ какъ расходъ этотъ цѣликомъ и всею своею безповоротностью падаетъ на человѣка. Воздухъ, которымъ мы дышимъ, не составляетъ расхода для насъ. хотя мы и не можемъ второй разъ вдохнуть ту частицу его, которую мы уже разъ вдохнули, но рядомъ съ нею находится сравнительно неограниченное количество другихъ такихъ же частицъ. Иное дѣло матеріалы и силы, доставляемые природою въ сравнительно ограниченномъ количествѣ. при такой ограниченности, напримѣръ, торфяныхъ залежей, каждый кубическій футъ торфа, идущій на отопленіе, составляетъ хозяйственный расходъ, помимо труда, потраченнаго на его добываніе, и независимо отъ какихъ бы то ни было юридическихъ нормъ.

Обращаемся къ другой сторонѣ ученія Родбертуса: какъ мы видѣли, значеніе хозяйственнаго фактора производства онъ придаетъ только физическому, матеріальному труду. Опредѣленіе того, что Родбертусъ разумѣетъ подъ матеріальнымъ трудомъ, онъ даетъ въ Zur Beleuchtung II, стр. 103, гдѣ, упоминая о рабочихъ клас-

сахъ въ противоположность другимъ дѣятельнымъ классамъ общества, онъ говоритъ: «Трудъ, который исходитъ скорѣе отъ тѣла, чѣмъ отъ духа, который подчиняется скорѣе навыку, чѣмъ идеѣ, который можетъ быть измѣренъ по времени, по продукту и, поэтому, можетъ быть вознаграждаемъ по числу часовъ или поштучно, этотъ трудъ безъ сомнѣнія по этимъ признакамъ можетъ быть отдѣленъ отъ всѣхъ остальныхъ видовъ человѣческой дѣятельности». Только этотъ-то видъ труда и можетъ, по мнѣнію Родбертуса, считаться хозяйственнымъ факторомъ производства[1]). Отсюда вытекаетъ, что хозяйственнымъ факторомъ производства не можетъ считаться:

1) Духовный трудъ, не направленный непосредственно на созданіе матеріальныхъ благъ, напримѣръ, трудъ судьи[2]). Такъ какъ Родбертусъ исключаетъ изъ области хозяйства всѣ нематеріальныя блага, то онъ поступаетъ вполнѣ послѣдовательно, дѣлая это ограниченіе. Притомъ онъ нисколько не хочетъ умалить значеніе этого вида духовнаго труда и, наоборотъ, признаетъ его очень важнымъ и полезнымъ для общества[3]). Въ этомъ отношеніи точка зрѣнія Родбертуса очень близко сходится съ точкою зрѣнія Книса: послѣдній также указываетъ на значеніе дѣленія труда между хозяйственными и нехозяйственными видами дѣятельности, а также и на то, что для удовлетворе-

[1]) См также Zur Beleuchtung I, 69.
[2]) Zur Beleuchtung, I, 70
[3]) См. также Kreditnoth, 147.

нія всѣхъ потребностей народа одинаково необходимы оба вида дѣятельности; за обоими онъ признаетъ производительность, но «хозяйственно производительнымъ» (wirtschaftlich produktiv) онъ признаетъ только трудъ, непосредственно направленный на производство матеріальныхъ благъ [1]).

2) Но если первое ограниченіе Родбертуса можно признать вполнѣ правильнымъ и желательнымъ съ точки зрѣнія научной класификаціи [2]), то нельзя сказать того-же о другомъ его ограниченіи. Именно, по его мнѣнію, духовный трудъ не можетъ считаться хозяйственнымъ факторомъ производства и тогда, когда онъ потраченъ непосредственно на созданіе матеріальныхъ благъ. Но, въ пользу этого Родбертусъ приводитъ лишь тотъ аргументъ, что «какъ идея, которая осуществляется въ какомъ нибудь благѣ, такъ и руководство, которое духъ даетъ труду, неограниченны и неистощимы» [3]). Намъ же кажется, что духовный трудъ вообще вполнѣ подходитъ подъ тѣ два признака, которыми Родбертусъ опредѣляетъ «стоимость« (Kosten): 1) онъ составляетъ безвозвратный расходъ, который уже не можетъ быть сдѣланъ для другого блага; 2) расходъ этотъ падаетъ на лицъ, несущихъ послѣд-

[1]) Этимъ Книсъ пытается помирить старый споръ о томъ, какіе виды труда слѣдуетъ считать производительными. См. Knies, Der Kredit, II Halfte, VIII, 4.

[2]) О трудности проведенія точной границы между физическимъ и духовнымъ трудомъ см. J. S. Mill, Principles of Political Economy. B. I, Ch. II, § 8

[3]) Zur Erkenntniss, 8. См. Adler, l. c., 66.

ствія его безвозвратности. Дѣйствительно, возьмемъ ли мы сельскаго хозяина, управителя фабрики или купца, — то трудъ, потраченный ими сегодня, не освобождаетъ ихъ отъ необходимости новой потраты труда завтра, трудъ, потраченный на благо а, не освобождаетъ ихъ отъ необходимости потратить трудъ на благо b. Далѣе какъ физическій, такъ и духовный трудъ составляютъ извѣстную жертву для человѣка: и тутъ, и тамъ ему приходится, говоря словами Смита, «жертвовать долей своего спокойствія, своей свободы, своего счастья». Какъ тутъ, такъ и тамъ человѣкъ обладаетъ лишь ограниченными силами и ограниченнымъ временемъ для удовлетворенія безконечнаго ряда своихъ потребностей.

Такимъ образомъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ духовной трудъ ничѣмъ не отличается отъ физическаго. Кромѣ того, какъ справедливо указываетъ Книсъ [1]), и матеріальныя операціи не могутъ считаться «хозяйственно производительными» какъ таковыя; онѣ могутъ быть и хозяйственно-безразличными, и разрушающими. Хозяйственно-производительными онѣ становятся лишь тогда, когда результатомъ ихъ является хозяйственное благо. Совершенно тоже можно сказать и о духовномъ трудѣ.

Замѣчательно, что Родбертусъ въ тоже время считаетъ вполнѣ справедливымъ, чтобы «капиталисты и землевладѣльцы, предприниматели и управители пред-

---

[1]) Knies, l. c.

пріятій» получали вознагражденіе за свою дѣятельность, въ которой онъ видитъ «государственно-хозяйственную функцію» [1]). Это вознагражденіе онъ оправдываетъ тѣмъ, что услуги ихъ для національнаго производства абсолютно необходимы, и что для руководства рабочими требуются «не только знанія, но и нравственная сила и дѣятельность» [2]). Такимъ образомъ, онъ здѣсь впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, и остается необъясненнымъ, почему матерьяльная дѣятельность составляетъ жертву, расходъ, только что указанная-же дѣятельность такой жертвы или такого расхода не составляетъ [3]).

Положеніе, что трудъ составляетъ единственный факторъ производства, играетъ чрезвычайно важную роль во всей теоріи Родбертуса; поэтому мы встрѣчаемъ его и въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ его, но здѣсь онъ, не приводя въ его пользу новыхъ аргументовъ, ограничивается тѣмъ, что ссылается на «Zur Erkenntniss» и на авторитетъ англійскихъ экономистовъ. «Въ Англіи политико-экономы, больше чѣмъ гдѣ либо, остались вѣрны великому Смитовскому положенію, что всѣ хозяйственныя блага суть продуктъ одного только труда; и Рикардо принимаетъ его и признаетъ, что поземель-

---

[1]) Kreditnoth, 233, прим 77 Das Kapital, 168, 229. См. также Marx, Das Kapital, I, 3-tte Aufl, Hamburg, 1883, стр. 543, прим. 17.

[2]) Zur Beleuchtung, I, 145—147, Das Kapital 110

[3]) Въ Kreditnoth, 147, прим. 32 Родбертусъ предлагаетъ называть физическій трудъ — непосредственно-хозяйственнымъ, духовный трудъ—посредственно-хозяйственнымъ

ная рента и прибыль на капиталъ суть не только продуктъ труда, но и продуктъ труда другихъ, чѣмъ тѣхъ, которые ихъ получаютъ» [1]). О своемъ собственномъ ученіи Родбертусъ говоритъ, что оно «является лишь послѣдовательнымъ проведеніемъ введеннаго Смитомъ въ науку и еще болѣе глубоко обоснованнаго Рикардо положенія, что съ хозяйственной точки зрѣнія всѣ блага должны разсматриваться какъ продукты только труда, что они стоятъ только труда» [2]) Изъ двухъ предыдущихъ очерковъ мы знаемъ, что Смитъ раздѣлялъ физіократическій взлядъ о роли природы въ производствѣ; что у Рикардо вовсе нѣтъ сколько нибуть «глубоко обоснованной теоріи» о трудѣ, какъ единственномъ хозяйственномъ факторѣ производства, а что въ основаніи его теоріи распредѣленія лежитъ совсѣмъ другое воззрѣніе. Поэтому приведенныя выписки изъ Родбертуса показываютъ намъ, какъ далеко отъ истины можетъ отклонить субъективное чувство.

Ниже мы увидимъ, какое вліяніе ученіе Родбертуса о трудѣ, какъ единственномъ хозяйственномъ факторѣ производства, оказало на его теорію цѣнности. Здѣсь-же мы укажемъ, какое громадное вліяніе оно оказало на его экономическія воззрѣнія вообще.

Какъ мы видѣли уже въ предъидущемъ очеркѣ,

---

[1]) Zur Beleuchtug, I, 76.

[2]) Zur Beleuchtung, I, 23—24. См. также ibid. 70—71; Das Kapital, 3, Kreditnoth, 48, 145, Zur Geschichte der römischen Tributsteuer seit Augustus. Hildebrand's Jahrbücher fur Nat.-oekonomie, B V, 1865, стр. 277

изъ этого ученія необходимо вытекаетъ, что стоитъ только увеличить количество труда, и богатство, т. е. количество произведенныхъ благъ, увеличится по крайней мѣрѣ въ соотвѣтствіи съ этимъ. Эту консеквенцію Родбертусъ и проводитъ. Такъ, онъ говоритъ, что благодаря успѣхамъ агрикультурной химіи «созданіе пищевыхъ веществъ въ концѣ концовъ будетъ настолько же лежать во власти общества, насколько теперь лежитъ въ его власти доставленіе любого количества сукна, при условіи наличности необходимыхъ для этого запасовъ шерсти» [1]). «Поэтому поземельная рента можетъ расти, пока можетъ быть увеличиваемо количество труда, прилагаемаго къ одной десятинѣ земли съ цѣлью производства сырья. Между тѣмъ такое увеличеніе не имѣетъ предѣловъ (Hievon ist die Grenzə aber unabsehbar)» [2]). По справедливому выраженію Книса [3]), въ этихъ словахъ

---

[1]) Zur Beleuchtung I, 52 См. Adler, l c., 87.

[2]) Zur Beleuchung, I, 130 Въ Zur Erkenntniss Родбертусъ еще признавалъ, «что въ развитіи земледѣльческой культуры долженъ наступить предѣлъ, за которымъ количество труда, примѣненнаго къ данному участку земли, болѣе не можетъ быть увеличено» (57). Ibid, 194—216; Zur Erkenntniss, 98. 101.

[3]) Knies. Die politische Oeconomie, стр. 341: «Wir Menschen konnen uns als leibliche Geschöpfe über die Begrenztheit der Sachgüterwelt nicht hinausheben und es ist ein verhängnissvoller Wahn, dass menschliche Arbeit der einzige Faktor der Güterproduktion sei diese selbst also auch immerfort mindestens in dem gleichen Maasse wachsen könne, in welchem mehr Menchen ins Leben gerufen werden». См также ibid. стр. 63, 174, 220 и слѣд., 292. Его же Der Kredit II Hälfte, VIII, 4; XII, 2 (критика теоріи

лежитъ жестокое заблужденіе. Мы видѣли что и Рикардо считалъ, что большинство предметовъ можетъ быть увеличиваемо до такого предѣла, который почти безграниченъ, «если мы расположены расходовать трудъ, необходимый на добываніе ихъ». Но мы видѣли также, что по отношенію къ земледѣльческимъ продуктамъ эти слова противорѣчатъ самому Рикардо, что всю свою пессимистическую теорію распредѣленія онъ основываетъ именно на т. наз. «law of diminishing return», т. е. на ограниченности почвенныхъ силъ. Чтобы выяснить, какое значеніе въ ученіи Родбертуса имѣетъ положеніе, что размѣры производства могутъ безпредѣльно расти наравнѣ съ увеличеніемъ населенія, т. е. труда, достаточно указать на то, что въ немъ лежитъ основная причина несогласія Родбертуса съ теоріей поземельной ренты Рикардо и стремленіе его создать новую теорію ренты. Но на ряду съ этимъ Родбертусу приходится признать существованіе дифференціальной ренты. а это заключаетъ уже въ себѣ противорѣчіе съ упомянутымъ положеніемъ [1]).

ренты Рикардо): Roscher Grundlagen der Nationalockonomie, 20 Aufl, Stuttgart, 1892, § 34 прим. 1, стр. 77: § 47, прим. 3, стр. 117; § 106, прим 1 стр. 274; Boehm-Bawerk, l. c. XI, 2 стр. 376, 386, G. Adler, l. c. стр 22.

[1]) Взглядъ Родбертуса перешелъ и къ Вагнеру, который къ «издержкамъ производства въ народно-хозяйственномъ смыслѣ» также относитъ только трудъ Adolph Wagner, Grundlegung der Politischen Oekonomie, 3 Aufl., Erster Theil, Leipzig 1892, § 172 стр. 404. Conf. Knies, Der Kredit II, Hâlfte XII, 2 въ концѣ. Но Вагнеръ подъ трудомъ разумѣетъ не одинъ только физическій, но и духовный трудъ.

Но признавая трудъ единственнымъ хозяйственнымъ факторомъ производства, Родбертусъ придаетъ значеніе естественнаго или технологическаго фактора производства какъ труду, такъ и природѣ [1]). Послѣднее намъ кажется вполнѣ правильнымъ. Дѣйствительно, предметы, удовлетворяющіе человѣческимъ потребностямъ, находится либо въ готовомъ видѣ въ природѣ, либо должны быть произведены посредствомъ труда человѣка. Но и въ послѣднемъ случаѣ человѣкъ пользуется матеріаломъ, который ему предоставляетъ природа, а также и силами природы. Такимъ образомъ природа и трудъ составляютъ два источника благъ.

Съ народнохозяйственной точки зрѣнія нельзя считать капиталъ, т. е. средства производства (орудія и матеріалы), третьимъ источникомъ [2]). Они сами вытекли изъ первыхъ двухъ источниковъ; что касается спеціально дѣйствія орудій, то оно можетъ наступить лишь при участіи труда и, въ свою очередь, сводится къ дѣйствію силъ природы, приведенныхъ человѣкомъ въ извѣстную комбинацію.

Родбертусъ понимаетъ капиталъ въ двоякомъ значеніи, въ чемъ лежитъ одна изъ крупнѣйшихъ его заслугъ. Подъ капиталомъ въ тѣсномъ смыслѣ онъ понимаетъ орудія и матеріалы; подъ капиталомъ въ широкомъ смыслѣ онъ разумѣетъ «весь тотъ фондъ, который при совре-

---

[1]) Zur Erkenntniss, 67; Zur Beleuchtung, I 150. Kreditnoth. 174, прим. 51.

[2]) Boehm-Bawerk, Kapital und Kapitalzins, II Innsbruck 1888, Buch 2, Abschnitt II.

менныхъ условіяхъ дѣленія труда необходимъ для веденія предпріятія» [1]). Въ этотъ фондъ входитъ и заработная плата и та часть ренты, которую долженъ уплачивать предприниматель. Но—что для насъ особенно важно—

---

[1]) Zur Erkenntniss, 23, Das Kapital, 231—315; Kreditnoth, 239 и слѣд. Вмѣстѣ съ этимъ Родбертусъ поднялъ совсѣмъ забытый со времени Смита вопросъ: ученіе объ обращеніи капитала (см. Kreditnoth, 49, прим.). Ученіе Смита по этому вопросу изложено въ первыхъ двухъ главахъ II книги «Богатства народовъ» и представляетъ изъ себя замѣчательную попытку: но это была лишь первая попытка, и поэтому она страдаетъ многими несовершенствами. (См. прекрасную критику Маркса: Das Kapital, II, отд. II, гл. X. Мы несогласны съ Марксомъ только въ томъ, что онъ, исходя изъ своей нѣсколько односторонней точки зрѣнія, считаетъ ученіе Смита шагомъ назадъ въ сравненіи съ ученіемъ физіократовъ). Уже Смитъ различаетъ «capital of the society» и «capital of an individual» (II, 2, 125) Въ первый входятъ—сверхъ постояннаго капитала—всѣ блага до тѣхъ поръ, пока они не попадутъ въ руки потребителей (to the proper consumers: поэтому неправильно опредѣленіе Лезера, по которому Смитъ къ доходу общества относитъ «средства потребленія, лишь только они въ готовомъ видѣ находятся въ распоряженіи одного изъ членовъ общества». Leser, l. c., 20, 29); лишь тогда они изъ капитала обращаются въ доходъ. А такъ какъ здѣсь не дѣлается различія между рабочими и другими классами общества, то и заработная плата составляетъ доходъ, а не капиталъ. Лишь для отдѣльнаго предпринимателя она составляетъ капиталъ. Противоположная точка зрѣнія до настоящаго времени можетъ считаться преобладающею. Между тѣмъ ничего нѣтъ ошибочнѣе какъ начинать съ дѣленія всѣхъ наличныхъ хозяйственныхъ благъ на потребительный запасъ и капиталъ и затѣмъ къ капиталу относить и заработную плату: здѣсь кроется явный error duplı. Наибольшее совершенство

сообразно съ этимъ двоякимъ пониманіемъ капитала Родбертусъ и понятіе издержекъ беретъ въ двоякомъ смыслѣ. Издержками производства въ первомъ смыслѣ или «издержками производства благъ» (Kosten des Guts) Родбертусъ считаетъ только трудъ. Но, говоритъ онъ, отъ издержекъ производства благъ надо отличать «издержки предпринимателя или предпріятія» (Auslagen des Unternehmers или Kosten des Betriebs.) [1]). Заработная плата и рента, уплачиваемыя предпринимателемъ, не входятъ въ издержки производства благъ, но могутъ быть отнесены лишь къ издержкамъ предпріятія. Лишь «издержки производства благъ соотвѣтствуютъ чисто объективной точкѣ зрѣнія на стоимость» [2]). «Съ другой стороны, предприниматель по справедливости относитъ все то, что онъ при современномъ строѣ долженъ истратитъ на веденіе своего предпріятія, къ издержкамъ этого предпріятія, и съ этой точки зрѣнія исчезаетъ разница между издержками на пріобрѣтеніе матеріаловъ и орудій и издержками на уплату заработной платы и ренты, такъ-же, какъ она исчезаетъ, если

ученіе объ обращеніи капитала получило у Маркса. Ученіе Родбертуса не чуждо ошибокъ. Эти ошибки вытекаютъ изъ неправильнаго представленія, будто необходимость предварительнаго накопленія капитала для производства исчезнетъ съ переходомъ собственности на землю и на капиталъ къ обществу; и будто послѣ этого перехода трудъ самъ по себѣ будетъ составлять спросъ на продукты (Das Kapital, 172—174; 190—200, 313; Sur Belecuhtung II, 159—163).

[1]) Zur Erkenntiss 14.

[2]) Zur Erkenntniss, 25

мы беремъ капиталъ въ широкомъ смыслѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы покидаемъ абсолютную, объективную точку зрѣнія, а съ этой-то точки зрѣнія только и можно говорить объ издержкахъ производства благъ (Kosten des Guts). Здѣсь уже дѣло идетъ лишь объ издержкахъ предпріятія (Kosten des Betriebs), часть которыхъ необходима только при современномъ строѣ. Эта часть заключаетъ въ себѣ, поэтому, лишь случайныя издержки, которыя прекратятся съ отмѣною этого строя. Издержки же производства благъ составляютъ издержки въ собственномъ смыслѣ, которыя въ своихъ составныхъ частяхъ остаются вѣчно»[1]). Къ этому весьма важному различенію намъ придется вернуться ниже.

II

Выше мы видѣли, что подъ потребительною цѣнностью Родбертусъ разумѣетъ способность предмета служить средствомъ для удовлетворенія какой нибудь потребности человѣка. Отдѣлъ II сочиненія своего «Zur Erkenntniss» Родбертусъ начинаетъ съ опредѣленія мѣновой цѣнности[2]). «Блага взаимно обмѣниваются въ извѣстныхъ количествахъ и, сообразно съ этимъ, пріобрѣтаютъ извѣстное взаимное значеніе (Geltung). Это количественное значеніе одного предмета по отношенію къ другому, понимаемое въ смыслѣ мѣры, назы-

[1]) Zur Erkenntniss, 26

[2]) Zur Erkenntniss 31. О различіи между потребительною и мѣновою цѣнностью См ibid., 32, прим и 150, прим.

вается ихъ цѣнностью. Такимъ образомъ, цѣнность естественно измѣняется съ измѣненіемъ этого количественнаго отношенія... При такомъ измѣненіи количественнаго отношенія должна измѣняться цѣнность обоихъ обмѣниваемыхъ предметовъ и, притомъ, въ обратномъ отношеніи: если цѣнность одного предмета поднялась, цѣнность другого по необходимости должна была упасть. Такъ, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ понимать цѣнность. При разсмотрѣніи понятія цѣнности слѣдуетъ единственно принимать во вниманіе взаимное количественное отношеніе; не слѣдуетъ при этомъ добираться до той причины, которая, дѣйствуя на сторонѣ того или другого блага привела къ этому измѣненію. Если до настоящаго времени 1 шеффель ржи обмѣнивался на $^1/_2$ аршина сукна и если онъ теперь обмѣнивается на цѣлый аршинъ, то причина этого измѣненія можетъ лежать какъ въ производствѣ одной ржи, такъ и въ производствѣ одного сукна. Тѣмъ не менѣе, въ томъ и въ другомъ случаѣ измѣнилась цѣнность какъ ржи, такъ и сукна, а никакъ не цѣнность одного того блага, въ производствѣ котораго только и кроется причина измѣненія взаимнаго количественнаго отношенія Между тѣмъ, каждое благо обмѣнивается на очень многія блага. Поэтому, и цѣнность его опредѣляется количественнымъ отношеніемъ его не къ какому нибудь одному другому благу, но ко всѣмъ благамъ, на которыя оно обмѣнивается; другими словами: «она явствуетъ изъ ряда уравненій одного и того же блага съ многими другими благами» [1]).

[1]) Zur Erkenntniss, 31—32.

Далѣе Родбертусъ указываетъ на то, что мѣновая цѣнность всегда выражается въ матеріальныхъ благахъ, т. е. что она всегда есть вещественная или реальная цѣнность, и упрекаетъ Рикардо и Макъ-Кулоха въ томъ, что они, исходя изъ ложнаго пониманія «мѣрила цѣнности», подъ «реальною цѣнностью» разумѣли нѣчто иное.—Въ предыдущемъ очеркѣ мы видѣли, что подъ реальною или дѣйствительною цѣнностью Рикардо разумѣлъ абсолютную цѣнность, выраженную въ трудѣ, какъ мѣрилѣ цѣнности.

Такимъ образомъ, изъ сказаннаго вытекаетъ слѣдующее.

1. Родбертусъ придаетъ мѣновой цѣнности такое-же значеніе, какъ Смитъ и—первоначально—Рикардо, и понимаетъ подъ нею покупную силу по отношенію къ благамъ вообще. Поэтому, онъ возстаетъ противъ Рикардо за то, что у послѣдняго покупная сила по отношенію къ благамъ отступаетъ на задній планъ, на первый же выступаетъ трудъ. Такимъ образомъ, Родбертусъ понимаетъ цѣнность въ относительномъ значеніи, что станетъ намъ еще яснѣе, когда мы ниже увидимъ, что отысканіе мѣрила цѣнности онъ считалъ невозможнымъ.

2. Условія образованія или источникъ цѣнности Родбертусъ видитъ въ производствѣ.

Но вернемся къ изложенію Родбертуса. Двѣ величины,—говоритъ онъ,—можно сравнивать двоякимъ образомъ:

1) Внѣшнее сравненіе, показывающее отношеніе двухъ

величинъ между собою, но не дающее возможности оцѣнить и выразить каждую изъ этихъ величинъ, какъ таковую (an sich), и не дозволяющее сравнивать эти величины между собою въ этомъ ихъ значеніи. Посредствомъ такого сравненія мы можемъ, напримѣръ, узнать, что цѣнность блага a въ 3 раза выше цѣнности блага b но мы еще ничего не узнаемъ о цѣнности каждаго изъ этихъ благъ, какъ таковой (an sich [1]).

2) Если бы у насъ было мѣрило цѣнности и цѣнность блага a заключала бы его въ себѣ 3 раза, цѣнность-же блага b—12 разъ, то мы знали бы не только отношеніе между этими двумя величинами ($^3/_{12}$), но и каждую изъ этихъ величинъ, какъ таковую (an sich). Каждая изъ нихъ получила бы свое выраженіе, и мы сравнивали бы ихъ въ этомъ ихъ значеніи. Лишь такое сравненіе можетъ называться «измѣреніемъ»; между тѣмъ оно можетъ быть сдѣлано лишь съ помощью примѣненія мѣрила сравниваемыхъ величинъ [2]).

Родбертусъ подробно разсматриваетъ вопросъ о мѣрилѣ цѣнности. Цѣль всякаго мѣрила,—говоритъ онъ,—состоитъ въ томъ, чтобы выразить (zur Anschaung bringen) какую нибудь конкретную величину (напр. длину, тяжесть и т. д.). Цѣль мѣрила цѣнности состоитъ въ томъ, чтобы выразить цѣнность. «Такимъ мѣриломъ не можетъ служить ни какое нибудь благо, хотя бы обстоятельства, опредѣляющія его цѣнность, и были всегда и вездѣ неизмѣнны, ни трудъ, какъ

[1]) Zur Erkenntniss, 40.
[2]) Zur Erkenntniss, 40—41.

того хочетъ Рикардо». Трудъ не могъ бы служить такимъ мѣриломъ, хотя бы мы и предположили, что обмѣниваемыя блага всегда соотвѣтствуютъ равнымъ количествамъ труда» [1]). «Мѣрило есть ничто иное, какъ получившая извѣстное выраженіе и принятая за единицу часть той самой величины, которую оно должно измѣрять..... Измѣрять есть ничто иное, какъ сравнивать данную величину съ получившею извѣстное выраженіе и принятою за единицу частью самой себя» [2]).

Такъ какъ цѣнность явствуетъ лишь изъ ряда уравненій одного и того же блага со многими другими благами, то мѣриломъ цѣнности должна бы служить величина весьма сложная, состоящая изъ большого количества уравненій (1/4 шефф. ржи=1/4 арш. сукна= 1 ф. масла=8 штоф. молока и т. д.). Между тѣмъ, примѣненіе такого мѣрила невозможно, такъ какъ 1) приходилось бы при этомъ сохранять въ головѣ столь сложную единицу; 2) эта единица должна бы распадаться на болѣе мелкія единицы, для того чтобы и

---

[1]) Zur Erkenntniss, 33.

[2]) Zur Erkenntniss, 34 Conf. съ этимъ слова Тюрго въ «Valeurs et monnaies»: «Il est donc impossible d'exprimer la valeur en elle même; et tout ce que peut énoncer à cet égard le langage humain, c'est que la valeur d'une chose égale la valeur d'une autre... La valeur n'a ainsi que l'étendue, d'autre mésure qu'elle même; et si l'on mesure les valeurs en y comparant des valeurs, comme on mesure des longueurs en y comparant des longueurs, dans l'un et l'autre moyen de comparaison il n'y a point d'unité fondamentale donnée par la nature, il n'y a qu'une unité arbitraire et de covention». (Oeuvres de Turgot, par E. Daire et H Dussard, I, 89).

незначительныя измѣненія въ цѣнности могли находить свое выраженіе; 3) подлежащая измѣренію цѣнность какого-нибудь блага не всегда измѣняется равномѣрно по отношенію ко всѣмъ благамъ, но чаще всего лишь по отношенію къ нѣкоторымъ изъ нихъ; 4) самыя потребности людей въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ различны и удовлетворяются различными благами (въ одномъ мѣстѣ—рожью и сукномъ; въ другомъ—рисомъ и хлопчатою бумагою [1]). Но, съ другой стороны, какъ мы видѣли, такое мѣрило цѣнности необходимо лишь тогда, когда требуется измѣреніи цѣнности, т. е. 1) когда мы хотимъ сравнить цѣнность одного и того-же блага въ разныя времена или у разныхъ народовъ, и 2) когда мы хотимъ опредѣлить платежъ, цѣнность котораго оставалась бы во всѣ времена неизмѣнною [2]).

Дѣйствительно, въ разныя времена и у разныхъ народовъ условія производительности при созданіи благъ различны. Поэтому, для сравненія цѣнности двухъ благъ у разныхъ народовъ и въ разныя времена, требуется мѣрило. Измѣненія въ цѣнности зависятъ отъ причинъ, могущихъ дѣйствовать на сторонѣ каждаго изъ обмѣниваемыхъ предметовъ; поэтому—предполагая, что условія производства серебра неизмѣнны,—изъ того, что какое нибудь благо теперь обмѣнивается на n серебра и что оно когда-то прежде

[1]) Zur Erkenntniss, 34—36 (случаи a и b).
[2]) Zur Erkenntniss, 34–35.

тоже обмѣнивалось на n серебра, вытекаетъ лишь то, что въ условіяхъ производства этого блага не произошло перемѣнъ. Однако, такія перемѣны могли произойти на сторонѣ противостоящихъ ему въ обмѣнѣ благъ, количества которыхъ также опредѣляютъ цѣнность нашего блага, и въ такомъ случаѣ измѣнилась цѣнность n серебра. Поэтому серебро не можетъ служить мѣриломъ цѣнности даже при предположеніи неизмѣнности условій производства его. «То же самое, если мы, какъ Рикардо, мѣриломъ цѣнности возьмемъ трудъ»: онъ окажется здѣсь столь-же непримѣнимымъ, какъ и серебро. «Лишь мѣрило цѣнности въ собственномъ смыслѣ могло бы служить средствомъ къ сравненію цѣнности двухъ благъ, условія производства которыхъ измѣнчивы». По тѣмъ же причинамъ лишь съ помощью такого мѣрила цѣнности возможно опредѣленіе платежа, цѣнность котораго оставалась бы всегда неизмѣнною [1]).

Однако, какъ сказано выше, такого мѣрила нѣтъ; поэтому и указанныя двѣ цѣли недостижимы; но за то и польза отъ достиженія ихъ сравнительно незначительна. Сравненіе цѣнности благъ можетъ преслѣдовать и другія менѣе важныя цѣли, — и для достиженія этихъ-то цѣлей можно ограничиться примѣненіемъ того вида сравненій, который Родбертусъ называетъ «внѣшнимъ сравненіемъ» [2]).

---

[1]) Zur Erkenntniss, 42—43.
[2]) Zur Erkenntniss, 43.

I. Дѣленіе труда можетъ имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если существуетъ средство для сравненія цѣнности различныхъ благъ въ одинъ и тотъ-же моментъ времени, при одномъ и томъ-же государственно-хозяйственномъ состояніи общества, съ цѣлью опредѣленія того, какое количество каждаго блага обмѣнивается на извѣсное количество каждаго другого блага[1]). Такимъ образомъ, здѣсь цѣнность благъ сравнивается при однихъ и тѣхъ-же условіяхъ производства, такъ какъ время, протекающее между покупкою и продажею, вообще, продолжается не настолько долго, чтобы условія производства могли бы измѣниться: поэтому, здѣсь не требуется опредѣленіе цѣнности, какъ таковой (an sich); намъ здѣсь не нужно «измѣрять» цѣнность. Здѣсь достаточно одного «внѣшняго сравненія»: намъ нужно только опредѣлить, въ какомъ взаимномъ отношеніи находится цѣнность различныхъ благъ, и поэтому мы можемъ обойтись безъ мѣрила цѣнности въ собственномъ смыслѣ. Здѣсь «необходима лишь такая мѣра, которая всегда двигается какъ бы параллельно съ цѣнностью благъ, которая какъ бы покрываетъ ее или находится въ прямомъ отношеніи къ ней. Такая мѣра не можетъ быть названа мѣриломъ цѣнности. Напротивъ, она представляетъ изъ себя самостоятельную, вполнѣ отличную отъ цѣнности мѣру, которая въ своихъ частяхъ находитъ свое собственное мѣрило». Эту мѣру Родбертусъ, въ отличіе отъ мѣ-

[1]) Zur Erkenntniss, 36.

рила цѣнности, называетъ «показателемъ цѣнности» [1]), и сравниваетъ ее съ термометромъ, который также не опредѣляетъ величины самой теплоты, но лишь степень расширенія ртути, на основаніи котораго мы уже дѣлаемъ заключеніе объ относительной величинѣ теплоты [2]).

Такимъ показателемъ цѣнности можетъ служить всякое благо. Блага, обмѣниваемыя на одинаковое количество того блага, которое служитъ показателемъ цѣнности, въ данный моментъ всегда обладаютъ одинаковою цѣнностью [3]). Что производительность какъ труда, производящаго это благо, такъ и труда, производящаго всѣ остальныя блага, измѣнчива, въ данномъ случаѣ ужъ не является препятствіемъ къ сравненію цѣнности благъ, такъ какъ въ короткіе промежутки времени производительность труда остается неизмѣнною [4])

Въ дѣйствительной жизни для сравненія цѣнности въ одинъ и тотъ же моментъ времени пользуются металлическими деньгами. Здѣсь «эти деньги являются товаромъ, который обмѣнивается на всѣ остальные товары и въ силу этого становится мѣрою, съ помощью которой можно сравнивать цѣнность благъ между со-

---

[1]) Wertzeiger или Surrogat-Maasstab des Werts (Zur Erkenntniss, 45, прим.).

[2]) Zur Erkenntniss, 43—46. Это сравненіе встрѣчается и у Прудона, см. Diehl, l. c., I, 98.

[3]) Zur Erkenntniss, 46.

[4]) Zur Erkenntniss, 48.

бою. Товары сравниваются по вѣсу золота и серебра, которое дается за нихъ въ обмѣнъ, а такъ какъ за каждый товаръ можно получить извѣстный вѣсъ золота или серебра, то, при равенствѣ условій, выраженная въ золотѣ или серебрѣ величина должна всегда соотвѣтствовать цѣнности товаровъ»[1]).

Въ такой же степени, какъ и какой нибудь товаръ, условія производства котораго неизмѣнны, можетъ служить показателемъ цѣнности и рабочее время, заключающееся въ какомъ нибудь благѣ, но при наличности двухъ предположеній: 1) что въ благахъ всегда обмѣниваются равныя количества труда и «что, такимъ образомъ, заключающееся въ этихъ благахъ количество труда опредѣляетъ количество взаимно даваемыхъ въ обмѣнъ благъ, а слѣдовательно и ихъ цѣнность.—Рикардо, какъ извѣстно, думаетъ, что это уже имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности»; 2) что блага въ одинъ и тотъ же моментъ времени создаются при одинаковыхъ условіяхъ производительности. Въ дѣйствительности это не имѣетъ мѣста вслѣдствіе различій a) въ плодородіи почвы b) въ устройствѣ машинъ, c) въ ловкости рабочихъ; поэтому, если даже и принять первое предположеніе, трудъ все таки не можетъ служить показателемъ цѣнности для даннаго момента времени, по той же причинѣ, почему серебро не можетъ служить имъ для разныхъ временъ. Между тѣмъ, хотя бы какое нибудь благо и производилось въ данный мо-

[1]) Zur Erkenntniss, 47.

ментъ при разныхъ условіяхъ производительности, оно, благодаря конкурренціи рынка, тѣмъ не менѣе обмѣнивается на равныя количества серебра. Поэтому, если трудъ когда-либо сдѣлался бы на практикѣ показателемъ цѣнности, то нужно было бы предположить, что всѣ однородныя блага заключаютъ въ себѣ въ одинъ и тотъ же моментъ одинаковое количество труда [1]), и такое предположеніе привело бы лишь къ тому, къ чему теперь приводитъ конкурренція рынка.

Такимъ образомъ, при указанныхъ двухъ предположеніяхъ трудъ такъ же хорошо можетъ исполнять функцію показателя цѣнности, какъ и серебро.—Серебро находитъ свое мѣрило въ вѣсѣ, трудъ—во времени. При этомъ трудъ обладаетъ тѣмъ преимуществомъ передъ серебромъ, что производительность труда, создающаго серебро, подвержена измѣненіямъ, и, поэтому, серебро есть мѣра, сама по себѣ измѣнчивая; трудъ же—неизмѣненъ [2]).

Если это для какого нибудь опредѣленнаго момента времени и не составляетъ практическаго проимущества на сторонѣ труда, то оно составляетъ преимущество теоретическое: оно облегчило бы вычисленіе цѣнности для прошедшихъ временъ [3])

---

[1]) Conf. Das Kapital, 143 и слѣд

[2]) Въ дѣйствительности и трудъ различается по своей интенсивности, продолжительности и по своему качеству Эти различія Родбертусъ подробно разматриваетъ въ Das Kapital, стр. 128 и слѣд., 140 и слѣд.

[3]) Zur Erkenntniss 49—52; 36 (случай с).

II. Но есть и другіе случаи, въ которыхъ мѣрило цѣнности вовсе не можетъ найти примѣненіе.

1) «Мы хотимъ узнать, измѣнились ли и въ какой степени условія производства какого-нибудь блага, чтобы заключить изъ этого, въ немъ ли лежитъ причина измѣненія его цѣнности; и если да, то въ какой степени». Здѣсь мы не хотимъ опредѣлить, измѣнилась ли или нѣтъ цѣнность какого-нибудь блага, ибо для этого мы должны бы еще знать, не измѣнилась ли цѣнность всѣхъ остальныхъ благъ въ зависимости отъ причинъ, лежащихъ въ этихъ благахъ. Мы здѣсь хотимъ лишь опредѣлить, измѣнилась ли стоимость даннаго блага. Эту задачу мѣрило цѣнности разрѣшить не можетъ [1]); но и серебро могло бы примѣняться здѣсь лишь въ томъ случаѣ, если бы производство его было неизмѣнно. Трудъ же здѣсь вполнѣ примѣнимъ: «онъ есть то единственное начало, изъ котораго вытекаютъ блага въ смыслѣ ихъ стоимости»; въ тоже время онъ есть неизмѣнная мѣра. Поэтому онъ въ точности показываетъ измѣненія въ стоимости всѣхъ благъ и допускаетъ сравненіе ихъ между собою въ этомъ отношеніи [2]).

2) Мѣрило цѣнности также не можетъ служить средствомъ для опредѣленія платежа (напр., ренты съ зе-

---

[1]) Какъ мы указали въ предыдущемъ очеркѣ, мѣрило цѣнности могло бы существовать лишь при условіи неизмѣнности въ цѣнности всѣхъ благъ,—и уже въ силу этого нельзя допустить, чтобы оно разрѣшило эту задачу.

[2]) Zur Erkenntnis 36—37; 46; 53 (случай d).

мельнаго участка), который всегда соотвѣтствовалъ бы всѣмъ измѣненіямъ въ цѣнности благъ; здѣсь рѣчь идетъ не о платежѣ, обладающемъ всегда одною и тою же цѣнностью: случай, который мы разсмотрѣли уже выше и въ которомъ необходимо мѣрило цѣнности, но о платежѣ, измѣнчивомъ по своей цѣнности, но неизмѣнномъ по издержкамъ производства. Этотъ-то случай имѣетъ въ виду Смитъ (I, 5,15).

И здѣсь серебро могло бы примѣняться лишь въ томъ случаѣ, если бы производство его было неизмѣнно. Трудъ можетъ быть примѣненъ и здѣсь. Для этого при установленіи ренты нужно только вычислить количество труда, заключающееся въ продуктахъ, составляющихъ чистый доходъ съ участка, вычесть изъ него ту часть, которая должна остаться покупателю или наслѣдственному арендатору и опредѣлить ренту въ размѣрѣ остающагося количества труда [1]).

3) Богатство можно понимать не только въ абсолютномъ смыслѣ, какъ его понимаетъ Смитъ, но и въ относительномъ [2]).

---

[1]) Zur Erkenntniss, 37—38; 46—47; 53—59 (случай e).

[2]) Подъ относительнымъ или релятивнымъ богатствомъ Родбертусъ понимаетъ «соразмѣрную долю въ томъ количествѣ благъ, которое соотвѣтствуетъ достигнутой какимъ-нибудь народомъ ступени культуры» (Zur Erkenntniss 39). Высокое релятивное богатство (напр., богатство короля въ древности) можетъ соотвѣтствовать низкому абсолютному богатству (ibid). Релятивный взглядъ на богатство въ ученіи Родбертуса играетъ весьма важную роль (Conf Zur Beleuchtung I, 24; Zur Beleuchtung II, 102, 172 и др.). См. также Leser, l. c., 10 и слѣд.; 130; Roscher, l. c., § 9, стр. 19; Wagner, l. c., § 126, стр. 311—312.

Мѣрило цѣнности могло бы служить средствомъ для выраженія абсолютнаго богатства, но не относительнаго. Серебро, хотя бы условія производства его были неизмѣнны, не можетъ служить показателемъ ни абсолютнаго, ни относительнаго богатства. Что трудъ не можетъ служить показателемъ абсолютнаго богатства, доказалъ уже Рикардо противъ Смита: это вытекаетъ непосредственно изъ той истины, что въ разныя времена равныя количества труда соотвѣтствуютъ различному количеству благъ. Но, при современномъ состояніи общества, трудъ до извѣстной степени можетъ служить показателемъ относительнаго богатства: дѣйствительно, если чей либо доходъ, выраженный въ трудѣ, больше, чѣмъ наивозможно бо́льшее рабочее время одного человѣка въ годъ, если онъ составляетъ, напр., 1000 рабочихъ дней, то изъ этого можно заключить, что лицо, получающее этотъ доходъ, принадлежитъ къ лицамъ относительно богатымъ [1]).

Въ заключеніе всего этого Родбертусъ говоритъ: «Извѣстно, что благородные металлы обладаютъ тѣмъ недостаткомъ, что обстоятельства, опредѣляющія ихъ цѣну (Preisbestimmungsgründe), измѣнчивы. Трудъ же есть обстоятельство, которое естественно опредѣляетъ цѣну всѣхъ благъ. Поэтому, если предположить, что— вслѣдствіе того ли, что это имѣетъ мѣсто уже само по себѣ, либо вслѣдствіе того, что для достиженія этого приняты соотвѣтственныя мѣры, — извѣстное количе-

[1]) Zur Erkenntniss, 38—39, 47; 59—60 (случай f).

ство благъ, заключающее въ себѣ и труда, обмѣнивается лишь на такое количество благъ, которое также заключаетъ въ себѣ и труда, то трудъ не только можетъ служить показателемъ цѣнности благъ, но даже можетъ исполнять эту функцію лучше, чѣмъ благородные металлы, потому что онъ не есть вещь, условія производства которой измѣнчивы, но есть неизмѣнная мѣра стоимости (Kostenmaass) благъ... Также и остальныя цѣли, къ которымъ стремятся съ помощью «мѣрила цѣнности», достигаются при наличности указаннаго предположенія лучше всего трудомъ».

Такимъ образомъ Родбертусъ благополучно приходитъ къ тому, въ чемъ онъ въ началѣ этого отдѣла упрекалъ Рикардо: въ концѣ концовъ трудъ у него выступаетъ, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями и лишь при наличности извѣстныхъ предположеній, въ качествѣ мѣрила цѣнности и, такимъ образомъ, послѣдняя обращается изъ величины относительной въ величину абсолютную. Поэтому, какъ и Рикардо, онъ уже не остается вѣренъ своему первоначальному опредѣленію цѣнности. Такъ, напр., онъ говоритъ: «Добыча этой охоты по своей цѣнности будетъ равняться всему тому труду, который былъ потраченъ на нее, или, если въ теченіе 10 дней пятью охотниками было убито 5 штукъ дичи, то цѣнность каждой штуки составляетъ десять дней, и эта цѣнность какъ разъ достаточна лишь для содержанія каждаго охотника въ теченіе десяти дней. Однако, хотя бы цѣнность каждой штуки и поднялась бы до двадцати дней (!), это

поднятіе еще не создало бы предмета, могущаго составить ренту. Въ этой удвоенной цѣнности (!) все же заключается лишь прежнее количество дичи, и если теперь наши охотники обмѣниваютъ между собою отдѣльныя штуки дичи по этой поднявшейся цѣнности (!), то все же количество благъ остается такое же, какое оно было прежде при болѣе низкой цѣнности» [1]).

Нельзя дать абсолютному пониманію цѣнности болѣе крайнее выраженіе, чѣмъ это дѣлаетъ здѣсь Родбертусъ! [2])

Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы видѣли, что Родбертусъ допускалъ примѣненіе труда въ качествѣ мѣрила лишь при наличности двухъ предположеній, которыя, какъ онъ самъ же заявляетъ, не соотвѣтствуютъ дѣйствительности[3]). Однако въ то же время онъ высказываетъ взглядъ, что «трудъ есть то обстоятельство, которое естественно опредѣляетъ цѣну всѣхъ благъ» (Arbeit hingegen ist der natürliche Preisbestimmungsgrund aller Güter selbst) [4]). Спрашивается, какъ же можетъ считаться «естественною» цѣнность, кото-

---

[1]) Zur Erkenntniss, 111

[2]) Столь же крайнее выраженіе абсолютнаго пониманія цѣнности мы находимъ въ Das Kapital, стр 30—32. Что Родбертусъ понимаетъ цѣнность, соотвѣтствующую потраченному труду въ этомъ абсолютномъ смыслѣ, онъ высказываетъ въ Zur Erkenntniss, 109—110

[3]) Zur Erkenntniss, 49

[4]) Zur Erkenntniss, 62.

рая не соотвѣтствуетъ дѣйствительности? и почему цѣнность, соотвѣтствующая труду, скорѣе можетъ быть признана «естественною», чѣмъ всякая другая?

III.

Въ представленіи Родбертуса стоимость производства и цѣнность связались такъ тѣсно, что онъ и не поднимаетъ вопроса о необходимости привести какое-нибудь доказательство въ пользу того, что источникъ цѣнности надо искать въ условіяхъ, опредѣляющихъ стоимость благъ. Это прямо надо приписать тому направленію, которое далъ ученію о цѣнности Рикардо Какъ мы видѣли въ предыдущемъ очеркѣ, Рикардо дѣлитъ всѣ предметы на двѣ категоріи: одни заимствуютъ свою мѣновую цѣнность изъ рѣдкости, другіе—изъ количества труда, необходимаго на ихъ добываніе. Первую категорію онъ вовсе оставляетъ безъ вниманія въ своемъ изслѣдованіи, а съ легкой руки его и вся его школа стала изучать цѣнность почти исключительно на тѣхъ предметахъ, которыя могутъ быть увеличены «почти безпредѣльно»: изъ наблюденій надъ этими предметами выводилось ученіе о томъ, въ чемъ заключается источникъ цѣнности. А такъ какъ цѣнность этихъ благъ стремится къ совпаденію съ издержками производства, а—при извѣстныхъ условіяхъ—съ трудомъ, то и источникъ цѣнности стали видѣть въ издержкахъ производства или въ трудѣ. При

этомъ, по примѣру Рикардо, колебаніямъ рыночной цѣнности придавали лишь значеніе случайныхъ отклоненій; забывали также и о томъ, что существуютъ такія блага, которыя одновременно производятся въ условіяхъ не одинаково благопріятныхъ, но, тѣмъ не менѣе, обладаютъ одинаковою цѣнностью.

Однако, на этомъ наука не остановилась. Мало-помалу она стала вводить въ свое изслѣдованіе и тѣ блага, цѣнность которыхъ, по словамъ Рикардо, опредѣляется «рѣдкостью» и къ издержкамъ производства никакого отношенія не имѣетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось, что цѣнность этихъ предметовъ зависитъ отъ тѣхъ же обстоятельствъ, отъ которыхъ зависятъ и колебанія рыночной цѣнности тѣхъ благъ, цѣнность которыхъ стремится къ совпаденію съ издержками производства. Обнаружилось также, что въ этихъ обстоятельствахъ надо искать основную причину того, что нѣкоторыя блага приходится производить въ условіяхъ, неодинаково благопріятныхъ.

Вмѣстѣ съ этимъ наступаетъ переворотъ въ ученіи о цѣнности, начало которому было положено Гильдебрандомъ [1]) и Книсомъ [2]). Сущность новаго направленія—при всемъ томъ разнообразіи, которое мы встрѣчаемъ у отдѣльныхъ представителей его—состоитъ въ

---

[1]) Hildebrand, Die Nationaloekonomie der Gegenwart und Zukunft, Frankfurt, 1848, § 64—66, стр. 316 и слѣд.

[2]) Knies, Die nationaloekonomische Lehre vom Wert. Tübinger Zeitschr. für gesammte Staatswiss., Band 11, 1855, стр. 421 и слѣд. Его же Das Geld, Berlin, 1873, стр. 123.

томъ, что цѣнность не есть качество, которое предметы пріобрѣтаютъ въ производствѣ, но качество, которымъ они обладаютъ въ силу того значенія, которое они имѣютъ для удовлетворенія потребностей человѣка[1]).

Человѣкъ обладаетъ рядомъ потребностей, для удовлетворенія которыхъ онъ нуждается въ предметахъ внѣшняго міра. Способность какого-нибудь предмета служить средствомъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, называется годностью или полезностью, предметы, обладающіе полезностью, называются благами.

Полезность надо отличать отъ цѣнности. Такъ наз. свободнымъ благамъ, находящимся въ нашемъ распо-

---

[1]) «Der Wert wird überhaupt nicht producirt, kann nicht producirt werden. Was producirt wird, sind immer nur Formen, Stoffgestalten, Stoffkombinationen, also Sachen, Güter. Diese konnen allerdings Guter von Wert sein, aber sie bringen den Wert nicht fix und fertig, als etwas inharentes, aus der Produktion mit, sondern sie erlangen ihn immer erst von aussen— aus den Bedurfnissen und Deckungsverhaltnissen der Aussenwelt. Der Wert stammt nicht aus der Vergangenheit der Guter, sondern aus ihrer Zukunft; er kommt nicht aus den Werkstätten, in denen die Güter entstanden sind, sondern aus den Bedurfnissen, denen sie noch dienen werden. Der Wert kann nicht geschmiedet werden, wie ein Hammer, oder gewoben werden, wie ein Stuck Leinwand: konnte er das, so blieben unseren Volkswirtschaften jene furchtbaren Erschütterungen erspart, die wir Krisen nennen, und die aus keiner anderen Ursache stammen, als dass Produktenmassen, bei deren Erzeugung keine Regel der Kunst versaümt wurde, den gehofften Wert nicht finden konnten» (Boehm Bawerk, Kapital u. Kapitalzins, I, 157).

ряженіи въ сравнительно неограниченномъ количествѣ, мы цѣнности не придаемъ: хотя каждое изъ нихъ и можетъ служить средствомъ удовлетворенія какой-нибудь потребности, но оно не является необходимымъ условіемъ такого удовлетворенія· рядомъ съ нимъ находится сравнительно безконечное количество такихъ же благъ. Цѣнность же мы приписываемъ лишь тѣмъ благамъ, которыя служатъ необходимымъ условіемъ удовлетворенія нашихъ потребностей, т. е. количество которыхъ, находящееся въ нашемъ распоряженіи, ограничено сравнительно съ нашею потребностью въ нихъ. Такимъ образомъ человѣкъ цѣнитъ блага въ силу ихъ способности удовлетворять его потребности и въ силу ихъ сравнительной рѣдкости: въ этомъ лежитъ источникъ цѣнности. Отъ степени настоятельности потребности и отъ степени сравнительной рѣдкости зависитъ высота цѣнности. Издержки производства имѣютъ лишь частное, подчиненное значеніе: стремленіе цѣнности нѣкоторыхъ благъ къ совпаденію съ издержками производства имѣетъ мѣсто лишь въ силу стремленія произ водителей приводить предложеніе этихъ благъ къ такому уровню, какой какъ разъ необходимъ для удовлетворенія потребностей тѣхъ лицъ, которыя хотятъ дать за эти блага соотвѣтствующее по издержкамъ производства количество другихъ благъ [1])

[1]) Зачатки этого воззрѣнія мы встрѣчаемъ и у Д. С. Миля (см. его Principles, B. III, Ch. 2, § 4; Ch. 2, § 2; Ch. IX, § 3) и въ еще большей степени у его ученика, Кэрнса (Cairnes Some leeding principles of Political Economy, 1874).

Слѣдовательно, и здѣсь цѣнность въ концѣ концовъ вытекаетъ изъ потребностей людей, съ одной стороны— и изъ сравнительной рѣдкости тѣхъ благъ, которыя способны удовлетворить эти потребности—съ другой. Иначе говоря, блага обладаютъ цѣнностью не потому, что на ихъ производство потрачены издержки, но потому, что они годны для удовлетворенія потребностей. Существенный недостатокъ теорій, основывающихъ цѣнность на трудѣ, состоитъ въ томъ, что онѣ объясняютъ лишь часть явленій, касающихся цѣнности. Дѣйствительно:

1) Цѣнности цѣлой категоріи благъ онѣ не объясняютъ вовсе: если источникомъ цѣнности является трудъ, то какъ же могутъ обладать цѣнностью такія блага, на которыя вовсе труда не потрачено? На это отвѣчаютъ, что такихъ благъ очень мало, и что нѣтъ правила безъ исключенія. Между тѣмъ, положеніе, что нѣтъ правила безъ исключенія, справедливо по отношенію къ прикладнымъ наукамъ: послѣднія не терпятъ безусловныхъ правилъ. Поэтому, если я скажу, что «торговля всегда должна быть свободною», то мнѣ справедливо возразятъ, что могутъ представиться случаи, гдѣ ограниченіе свободы торговли можетъ оказаться желательнымъ, что нѣтъ правила безъ исключенія [1]). По отношенію же къ отвлеченіямъ чистой науки положеніе это непримѣнимо.

Поэтому здѣсь никакого значенія не имѣетъ коли-

[1]) Миль, Система Логики, Кн. VI, Гл. 12, § 4

чество благъ, цѣнность которыхъ не стоитъ ни въ какомъ отношеніи къ труду; хотя бы нашлось только одно такое благо,—этого было бы достаточно для опроверженія того положенія, что источникомъ цѣнности является трудъ.

2) Колебанія рыночной цѣнности благъ несовмѣстимы съ ученіемъ, что цѣнность вытекаетъ изъ труда. Если бы источникомъ цѣнности являлся трудъ, то цѣнность всегда и вездѣ неизмѣнно должна бы соотвѣтствовать труду.

3) Въ двухъ четвертяхъ хлѣба можетъ заключаться различное количество труда, между тѣмъ цѣнность обѣихъ одинакова. Какъ же можно считать трудъ источникомъ цѣнности? На это возражаютъ, что источникомъ цѣнности слѣдуетъ считать «общественно-необходимый трудъ». Но самое возраженіе это заключаетъ въ себѣ указаніе на то, что источникъ цѣнности надо искать не въ трудѣ, но въ общественныхъ условіяхъ, т. е. въ общественныхъ потребностяхъ и въ количествѣ благъ, находящихся въ распоряженіи общества для ихъ удовлетворенія.

Всѣ эти недостатки общи трудовымъ теоріямъ со всѣми тѣми теоріями, которыя основываютъ цѣнность на издержкахъ производства. Трудовыя теоріи обладаютъ сверхъ того еще

4) тѣмъ недостаткомъ, что онѣ не объясняютъ тѣхъ видоизмѣненій, которыя влечетъ за собою стремленіе прибыли къ уравненію въ связи съ различіями въ составѣ капитала и времени его оборота.

Но вернемся къ Родбертусу.

Родбертусъ сводитъ издержки производства къ труду: отсюда у него само собою вытекаетъ, что трудъ составляетъ основной источникъ цѣнности благъ, что онъ является тѣмъ обстоятельствомъ, которое естественно опредѣляетъ ихъ цѣнность. Поэтому онъ называетъ цѣнность, совпадающую съ трудомъ, «естественною или нормальною цѣнностью» [1]).

Объясненіе всего этого надо искать въ томъ народнохозяйственномъ идеалѣ, который создалъ себѣ Родбертусъ, и которому онъ остался вѣренъ всю свою жизнь.

«Если признавать, что одинъ трудъ создаетъ цѣнность, нельзя не признать и требованія, чтобы одинъ рабочій пользовался этой цѣнностью»,—говоритъ Визеръ [2]) То же мы видимъ у Родбертуса, хотя у него при этомъ своеобразный ходъ разсужденія. Трудъ одинъ создаетъ блага и составляетъ ихъ стоимость; поэтому вся цѣнность продукта должна принадлежать рабочимъ. Лишь цѣнность продукта, а не самъ продуктъ, такъ какъ послѣдній, по мнѣнію Родбертуса, никогда не можетъ принадлежать самимъ рабочимъ безъ того, чтобы человѣчество не вернулось въ первобытное не-

---

[1]) Zur Erkenntniss, 62 (Arbeit hingegen ist der natürliche Preisbestimmungsgrund aller Güter); 85: Zur Beleuchtung I, 103, 106, 113 (здѣсь Родбертусъ называетъ цѣнность, соотвѣтствующую труду «der denkbar normalste Wert») Kreditnoth, 48, прим. 17; 50; Das Kapital, 6, 7, 13, 14, 15, 16 и т. д. («normaler Wert»).

[2]) Wieser, Der natürliche Wert, Wien, 1889, стр. 65. См. также Boehm Bawerk, l. c., I, стр. 377, 390.

культурное состояніе, имѣвшее мѣсто до раздѣленія труда. Но для приведенія права собственности въ гармонію съ его основнымъ принципомъ,—трудомъ было бы достаточно и того, что бы рабочему принадлежала цѣнность его продукта [1]).

Указанный постулатъ Родбертусъ выводитъ изъ личной свободы рабочихъ [2]).

Состоянію рабства вполнѣ соотвѣтствуетъ, чтобы продуктъ принадлежалъ господину; личная же свобода влечетъ за собою требованіе, чтобы рабочимъ принадлежала, по крайней мѣрѣ, цѣнность продукта. Между тѣмъ, съ переходомъ земли и капитала въ собственность общества, это требованіе можетъ найти осуществленіе, если цѣнность при этомъ будетъ установлена на уровнѣ потраченнаго труда: тогда каждый будетъ получать такую долю національнаго дохода, какая будетъ соотвѣтствовать его заслугамъ, его труду. Такимъ образомъ, приведеніе цѣнности въ соотвѣтствіе съ трудомъ является средствомъ къ достиженію народно-хозяйственнаго идеала Родбертуса: поэтому то онъ и называетъ цѣнность, неизмѣнно совпадающую съ трудомъ, «величайшею государственно-хозяйственною идеею» [3]); по-

[1]) Das Kapital, 109, 116, 214—215; 220; Zur Beleuchtung II, 41.

[2]) Zur Beleuchtung, I, 89. Эта мысль высказана вполнѣ ясно уже въ первомъ сочиненіи Родбертуса (Die Forderungen der arbeitenden Klassen, 1837, см. въ Zur Beleuchtung, II, 195—223; см. также ibid. 177; Das Kapital, 218).

[3]) Подобно общественному договору (contrat social),—говоритъ онъ,—«совпаденіе мѣновой цѣнности продуктовъ съ количествомъ труда, котораго они стоили, не есть дѣйствитель-

этому-то онъ и считаетъ эту цѣнность «естественною» или «нормальною». Эта цѣнность ведетъ къ справедливому распредѣленію: а что справедливо, то естественно. Послѣднее Родбертусъ прямо и высказываетъ, когда онъ по поводу колебаній рыночной цѣнности говоритъ: «но она (рыночная цѣнность) по крайней мѣрѣ тяготѣетъ къ той точкѣ, которая можетъ считаться какъ за естественную, такъ и за справедливую мѣновую цѣнность» (aber dieser gravitirt wenigstens nach jenem Punkt, der wie der natürliche so auch der gerechte Tauschwert sein würde) [1]).

Такое отожествленіе естественнаго и справедливаго мы не разъ встрѣчаемъ въ исторіи человѣческой мысли. Мы находимъ его, напр., уже въ естественномъ правѣ римскихъ юристовъ.

«Субъективная правда» говоритъ проф. Муромцевъ, «выраженная въ справедливости, становилась въ естественномъ правѣ правдою объективною: естественное право объясняло справедливость, сводя субъективное чувство на объективную природу вещей» [2]). Поэтому

ный фактъ, но величайшая государственно-хозяйственная идея, какая только когда-либо стремилась къ своему осуществленію» (Zur Beleuchtung, I, 45; 69; Zur Beleuchtung, II, 220).

[1]) Zur Beleuchtung, I, 107; см. также Das Kapital, 202.

[2]) С. Муромцевъ. Образованіе права по ученіямъ нѣмецкой юриспруденціи, 2-е изд., Москва, 1886, стр. 54.

«Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ»,—говоритъ проф. Муромцевъ,—«юридическія нормы, относимыя къ разряду естественныхъ, обладаютъ такими свойствами, которыя, не свидѣтельствуя вовсе въ пользу ихъ «естественности», могли

и къ Родбертусу вполнѣ примѣняется та критика, которую проф. Муромцевъ направляетъ противъ римскихъ юристовъ: «Съ точки зрѣнія исторіи, понятіе естественнаго разума или естественной справедливости есть не болѣе, какъ своеобразная форма, въ которую вылилось выраженіе юридическихъ идей даннаго времени. Но усматривать въ содержаніи этихъ послѣднихъ нѣчто естественное въ римскомъ смыслѣ, зна-

---

однако, при извѣстныхъ условіяхъ, породить увѣренность въ ней. Такъ, изслѣдуя многочисленныя нормы, которыя римскіе юристы считали за естественныя, мы раскрываемъ, что эти нормы, по тѣмъ или другимъ мотивамъ, могли казаться имъ наиболѣе рациональными, нежели другія, но что на самомъ дѣлѣ всѣ онѣ состояли въ такомъ же точно соотношеніи къ дѣятельности человѣка, какъ и тѣ опредѣленія, историческое происхожденіе которыхъ не подвергалось сомнѣнію» (42). «Въ предполагаемой вѣчности, постоянствѣ и всеобщности нормъ усматриваютъ ихъ отличительный признакъ и существенное выраженіе «естественности»; въ измѣняемости другихъ нормъ—ихъ отличительный признакъ и существенное свойство» (39). Припомнимъ по этому поводу слова Родбертуса, что лишь «издержки производства благъ» соотвѣтствуютъ «абсолютной, объективной точкѣ зрѣнія»; что издержки предпріятія «заключаютъ въ себѣ лишь случайныя издержки, которыя прекратятся съ отмѣною этого строя»; что лишь «издержки производства благъ» «составляютъ издержки въ собственномъ смыслѣ, которыя въ своихъ составныхъ частяхъ остаются вѣчно» (Zur Erk., 26). «Естественное»—продолжаетъ проф. Муромцевъ, «соотвѣтствуетъ общему, нормальному порядку; юридическое выражаетъ собою порядокъ исключительный» (71). Мы видѣли, что и Родбертусъ «естественную» цѣнность считалъ «нормальною»: отклоненія рыночной цѣнности кажутся ему ненормальными.

чило бы вмѣстѣ съ тѣмъ отрицать какую-либо естественность въ учрежденіяхъ всякой другой эпохи, напр., эпохи квиритскаго права. Такой ходъ мысли заключалъ бы въ себѣ серьезное преступленіе противъ идеи закономѣрнаго развитія. Съ истинно философской точки зрѣнія, квиритское право было такимъ же естественнымъ продуктомъ своего времени, какъ jus gentium—своего» [1]).

Ученіе о естественной или нормальной цѣнности сыграло у Родбертуса гораздо болѣе важную роль, чѣмъ можно было бы подумать на основаніи нашего предыдущаго изложенія.

Мы видѣли пока, что Родбертусъ отрицаетъ существованіе нормальной цѣнности въ дѣйствительной жизни прошедшаго и настоящаго, что онъ о ней говоритъ лишь предположительно и считаетъ ее лишь идеею, осуществленіе которой лежитъ въ будущемъ. Однако, хотя онъ такимъ образомъ и признаетъ отступленія отъ нормальной цѣнности, имѣющія мѣсто при современномъ строѣ, онъ тѣмъ не менѣе полагаетъ, что въ общемъ нормальная цѣнность осуществляется уже теперь и что поэтому при изслѣдованіи явленій дѣйствительной жизни нужно исходною точкою брать эту цѣнность.

Что касается тѣхъ благъ, цѣнность которыхъ не стоитъ ни въ какомъ отношеніи къ труду, то о нихъ Родбертусъ вовсе не упоминаетъ, что, впрочемъ, съ его стороны вполнѣ послѣдовательно, такъ какъ, по

[1]) Ibid. 55.

его мнѣнію, всѣ хозяйственныя блага суть продукты одного только труда [1]). Но онъ подробно останавливается на колебаніяхъ рыночной цѣнности; замѣчательно, что при этомъ мы встрѣчаемъ у него въ чрезвычайно ясной формулировкѣ проявленіе того новаго направленія въ ученіи о цѣнности, которое мы только что охарактеризовали.

При наличности частной собственности на землю и на капиталъ и раздѣленія труда, предоставленнаго самому себѣ,—говоритъ Родбертусъ,—распредѣленіе національнаго продукта совершается путемъ мѣнового оборота (Tauschverkehr). Каждый обмѣнъ состоитъ въ томъ, что одно лицо отдаетъ продуктъ, который для него имѣетъ меньшую потребительную цѣнность, за другой продуктъ, который для него имѣетъ бо́льшую потребительную цѣнность. «Поэтому обмѣнъ представляетъ изъ себя такое соединеніе, въ которомъ каждый производитъ потребительную цѣнность для другого, и поэтому получаетъ отъ другого воздаяніе за это; и мѣновая цѣнность есть ни что иное, какъ потребительная цѣнность для другихъ, за которую дается извѣстное воздаяніе (Tauschwert ist nichts als Gebrauchswert, welcher seine Vergeltung empfängt). Поэтому, мѣновую цѣнность можно также назвать общественною потребительною цѣнностью: наличность первой служитъ доказательствомъ наличности послѣдней» [2]).

[1]) Diehl, Proudhon, I, 121.

[2]) Zur Beleuchtung, I, 41—42, n· 23; Das Kapital, 98; см. также выдержки изъ Родбертуса, приводимыя у Wagner, l. c., § 137, стр. 329—330.

«Мѣновая цѣнность выражаетъ въ то же время мѣру воздаянія, которую получаетъ каждая изъ обмѣнивающихся сторонъ. При предположеніи, что каждая изъ нихъ всегда въ точности производила бы ту потребительную цѣнность, въ которой нуждается другая при удовлетвореніи послѣдовательнаго ряда своихъ потребностей.... мѣновая цѣнность продуктовъ, для справедливости воздаянія при обмѣнѣ, должна бы равняться количеству труда, котораго они стоили, т. е. въ продуктахъ должны бы обмѣниваться всегда равныя количества труда.... Однако ясно, что, если указанное предположеніе не соотвѣтствовало бы дѣйствительности, такое воздаяніе не могло бы притязать на справедливость, справедливость не могла бы требовать этой мѣры воздаянія; ибо, если А создалъ не ту потребительную цѣнность, которая нужна В, если онъ, такимъ образомъ, напрасно потратилъ извѣстное количество производительной силы, какъ же онъ можетъ все-таки требовать отъ В такого-же воздаянія, какъ если бы онъ осуществилъ вышеупомянутое предположеніе? Мѣжду тѣмъ, къ изолированнымъ случаямъ обмѣна это предположеніе наименѣе примѣнимо. Поэтому, здѣсь мѣра воздаянія, мѣновая цѣнность, будетъ зависѣть отъ настоятельности потребности и отъ запаса продукта у каждой изъ обмѣнивающихся сторонъ, т. е. отъ индивидуальнаго спроса и предложенія»[1]).

---

[1]) Zur Beleuchtung, I, 42—43, п 24 Conf. Zur Erkenntniss, 150, 158

«Если мѣновой оборотъ становится общимъ правиломъ, въ силу того что каждый соучастникъ производитъ уже только потребительную цѣнность для другихъ, т. е. общественную потребительную цѣнность.... то мѣновая цѣнность становится рыночною цѣнностью.... Рыночная цѣнность есть та мѣновая цѣнность, которою обладаетъ каждый продуктъ по отношенію ко всѣмъ продуктамъ, находящимся въ мѣновомъ оборотѣ и которая зависитъ отъ общаго спроса и предложенія конкурентовъ» [1]). Рыночная цѣнность колеблется въ зависимости отъ измѣненій въ общемъ спросѣ и предложеніи; но при этомъ она стремится къ совпаденію съ потраченною на созданіе продукта продуктивною силою, со стоимостью его [2]).

Мы видимъ, что, по Родбертусу, въ изолированномъ обмѣнѣ мѣновая цѣнность опредѣляется степенью насущности потребности и запасомъ продукта у каждой изъ обмѣнивающихся сторонъ или индивидуальнымъ спросомъ и предложеніемъ. При правильномъ мѣновомъ оборотѣ она опредѣляется общимъ спросомъ и предложеніемъ. Но развѣ этотъ общій спросъ и предложеніе въ свою очередь также не сводится къ настоятельности потребности и запасу продукта у каждой изъ сторонъ? Вѣдь рыночная цѣнность какого-нибудь продукта не иначе приноровляется къ издержкамъ производства, какъ посредствомъ постояннаго стремленія производителей привести запасы этого продукта къ такой высотѣ, какая

[1]) Zur Beleuchtung, I, 43, п. 25.
[2]) Zur Beleuchtung, I, 44 п. 26:

какъ разъ необходима для удовлетворенія потребности тѣхъ лицъ, которыя хотятъ дать за этотъ продуктъ соотвѣтствующее по издержкамъ производства количество другихъ продуктовъ! Поэтому, если бы производители были всегда въ совершенствѣ освѣдомлены о размѣрахъ потребности этихъ лицъ, то не могло бы быть и колебаній рыночной цѣнности: цѣнность всегда соотвѣтствовала бы издержкамъ производства. Родбертусъ не только признавалъ это положеніе; прямо можно сказать, что оно является фундаментомъ, на которомъ построенъ весь его планъ будущаго «государственно-хозяйственнаго строя». Дѣйствительно, мы видѣли, что неизмѣнное совпаденіе мѣновой цѣнности благъ съ количествомъ потраченнаго труда онъ допускаетъ лишь при томъ условіи, чтобы каждая изъ «обмѣнивающихся сторонъ всегда производила ту потребительную цѣнность, въ которой нуждается другая при удовлетвореніи послѣдовательнаго ряда своихъпотребностей». Въ представлявшемся воображенію Родбертуса «государственно-хозяйственномъ строѣ», въ которомъ капиталъ и земля находятся въ собственности государства, такое неизмѣнное соотвѣтствіе, по его мнѣнію, дѣйствительно можетъ осуществиться путемъ законодательнаго установленія цѣнности благъ въ соотвѣтствіи съ ихъ стоимостью (Konstituirung des Werts[1]). Но въ силу какихъ обстоятельствъ можетъ быть достигнута эта цѣль? На

[1]) Zur Erkenntniss, 158, 165; Zur Beleuchtung, I, 29; въ особ. Das Kapital, 136 и слѣд.

это мы у Родбертуса находимъ очень опредѣленный отвѣтъ· въ силу того, что высшее центральное учрежденіе, руководящее всею хозяйственною дѣятельностью народа, въ точности предусматриваетъ всѣ потребности жителей страны и, сообразно съ составленнымъ имъ «бюджетомъ потребностей», (Bedürfniss-etat) даетъ такое направленіе производству, чтобы всѣ эти потребности были удовлетворены [1]) Здѣсь, дѣйствительно, указанное выше предположеніе Родбертуса нашло осуществленіе. Разрушьте это предположеніе — и вмѣстѣ съ этимъ рушится и все построенное Родбертусомъ зданіе [2]). Дѣйствительно, если бы центральное учрежденіе не обладало способностью въ точности предусмотрѣть всѣ потребности, или если бы оно не могло привести размѣры производства въ соотвѣтствіе съ этими потребностями, то о совпаденіи цѣнности съ количествомъ потраченнаго труда не могло бы быть и рѣчи: тогда обще-

[1]) Das Kapital, 124—125; 152; 159, 169; Kreditnoth, 235.

[2]) Такая способность центральнаго учрежденія предвидѣть всѣ потребности страны и дать сообразное съ этимъ направленіе производству является у Родбертуса не болѣе какъ утопіей, въ пользу которой онъ не приводитъ никакихъ доказательствъ (см. Schaffle, Die Aussichtslosigkeit der Socialdemokratie, 2-te Aufl , Tübingen, 1885, стр. 34—35; 65, 81. Въ болѣе раннемъ произведеніи своемъ, Die Quintessenz des Socialismus, Шеффле считалъ эту цѣль достижимою). О томъ, что цѣнность не могла бы совпадать съ трудомъ, даже если бы центральное учрежденіе обладало этою способностью, см. Adler, l. c. 66—73; Dietzel, l. c., II, 35, 112 и слѣд. См. акже Schaffle, Quintessenz, 33, 48, 50—53.

ству пришлось бы либо сохранить колебанія рыночной цѣнности, либо прибѣгнуть къ совсѣмъ уже другому принципу: къ принудительной регламентаціи потребленія.

Приведенная нами здѣсь выдержка изъ ученія Родбертуса должна бы повести его къ тому выводу, что условія образованія цѣнности не въ производствѣ благъ, но въ соотношеніи между потребностями людей и запасами тѣхъ благъ, которыя находятся въ ихъ распоряженіи для удовлетворенія этихъ потребностей. Но въ теоретической части своего ученія о цѣнности Родбертусъ высказаннымъ здѣсь мыслямъ дальнѣйшаго развитія не даетъ. Какъ мы уже видѣли, источникъ цѣнности у него лежитъ въ производствѣ. Поэтому, онъ возстаетъ противъ словъ Кондильяка: «Une chose n'a pas une valeur parce quelle coute, comme on le suppose, mais elle coute du travail ou de l'argent parcequ'elle a une valeur»,—и упрекаетъ Кондильяка въ смѣшеніи мѣновой цѣнности съ потребительною [1]).

Такимъ образомъ, Родбертусъ признаетъ колебанія рыночной цѣнности, но считаетъ ихъ чѣмъ-то ненормальнымъ, вытекающимъ изъ той экономической анархіи, которая имѣетъ мѣсто при современномъ строѣ. Этому строю, при которомъ распредѣленіе національнаго продукта не опредѣляется разумными законами, но предоставлено случайностямъ рынка [2]), онъ противопоставляетъ такой строй, гдѣ разумная общественная

[1]) Zur Erkenntniss, 150, прим.

[2]) Zur Beleuchtung, 46, n. 29; Das Kapital, 165, 180.

воля, въ лицѣ «центральнаго учрежденія», предусматриваетъ всѣ потребности, сообразно съ этимъ руководитъ всѣмъ національнымъ производствомъ и распредѣленіемъ Здѣсь уже нѣтъ необходимости въ томъ контролирующемъ вліяніи, какое оказываетъ цѣнность въ народномъ хозяйствѣ: здѣсь нѣтъ мѣста колебаніямъ рыночной цѣнности; здѣсь цѣнность можетъ быть установлена законодательствомъ на своемъ «естественномъ» или «нормальномъ уровнѣ, т е. на уровнѣ совпадающемъ съ трудомъ; здѣсь металлическія деньги могутъ быть замѣнены бумажными «рабочими деньгами» [1]). Въ настоящее-же время рыночная цѣнность лишь стремится къ совпаденію съ «естественною или нормальною» цѣнностью, т. е. съ издержками производства благъ, съ трудомъ.

---

[1]) Ученіе Родбертуса о деньгахъ см: Zur Erkenntniss, V, 135—174; Das Kapital 149 и слѣд., 176 и слѣд. При наличности «установленой цѣнности» государству, по мнѣнію Родбертуса, пришлось бы принимать во вниманіе: 1) различіе въ затратѣ силъ, приходящейся на одинаковое количество труда въ разныхъ производствахъ; 2) различіе въ интенсивности труда въ одномъ и томъ же производствѣ; 3) одновременныя различія въ производительности труда въ одномъ и томъ же производствѣ; 4) измѣненія въ производительности труда. При этомъ государству пришлось бы установить: 1) нормальное рабочее время для каждаго вида производства; 2) нормальную выработку и 3) среднюю производительность труда для каждаго производства; наконецъ, 4) государству пришлось бы производить періодическіе пересмотры этихъ нормальныхъ единицъ (Das Kapital, 128 и слѣд., 140 и слѣд. Der Normalarbeitstag; Zur Beleuchtung, II, 232).

Однако, какъ мы видѣли, Родбертусъ различаетъ «издержки производства благъ» и «издержки предпріятія». Почему же рыночная цѣнность стремится къ совпаденію съ первыми, а не со вторыми?

Положеніе, что цѣнность находится въ зависимости отъ издержекъ производства,—это положеніе не новое; мы его встрѣчаемъ и у физіократовъ, и у Смита, и у Рикардо. Въ объясненіе этой зависимости у нихъ приводится указаніе на то, что каждый человѣкъ стремится къ достиженію наивозможно бо́льшаго барыша, т. е. на эгоизмъ. Родбертусъ не разъ также упоминаетъ объ эгоизмѣ, который при современномъ строѣ «возведенъ на престолъ» [1]). И у него эгоизмъ является связующимъ звеномъ между издержками производства и цѣнностью. Такъ, напримѣръ, указавъ на то, что хотя рыночная цѣнность и колеблется подъ вліяніемъ измѣненій въ спросѣ и предложеніи, она тѣмъ не менѣе стремится къ совпаденію съ продуктивными силами, потраченными на созданіе продукта, онъ продолжаетъ: «Ибо, благодаря эгоизму, проявляющемуся при конкуренціи, никто въ теченіе продолжительнаго времени не можетъ за меньшее количество потраченныхъ производительныхъ силъ получать въ обмѣниваемомъ продуктѣ большее количество ихъ, такъ какъ всѣ стали бы приниматься за такое выгодное производство до тѣхъ поръ, пока не было бы вновь возстановлено равновѣсіе, пока въ

[1]) Zur Beleuchtung I, 87. См. также Das Kapital, 168—169; Zur Beleuchtung, II, 80, 90, 98 и др.

обмѣниваемомъ продуктѣ опять не обмѣнивались бы одинаковыя количества израсходованныхъ производительныхъ силъ, равныя издержки производства, равный трудъ» [1]).

Но, спрашивается, развѣ при строѣ, въ которомъ земля и капиталъ, а, слѣдовательно, и продукты производства, принадлежатъ не тѣмъ лицамъ, которыя расходуютъ трудъ—будь они рабы или свободные рабочіе,—а другимъ, т. е. предпринимателямъ,—развѣ здѣсь можно считать, что трудъ рабочихъ или рабовъ составляетъ единственную издержку этихъ предпринимателей? Развѣ здѣсь можно вообще считать, что для этихъ предпринимателей трудъ рабовъ или рабочихъ составляетъ издержку въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово понимаетъ Родбертусъ, т. е. въ смыслѣ жертвы «времени и силъ»?

Считать трудъ издержкою въ смыслѣ народно-хозяйственномъ правильно, хотя нельзя его считать единственною издержкою. Съ точки зрѣнія отдѣльныхъ лицъ трудъ составляетъ издержку лишь для тѣхъ, которыя его дѣйствительно потратили, для которыхъ онъ дѣйствительно составляетъ жертву «силъ и времени», т. е. для рабовъ и для рабочихъ. Для предпринимателя этотъ трудъ рабовъ и рабочихъ такой жертвы не составляетъ. Для нихъ издержку составляютъ лишь та заработная плата, которую они уплачиваютъ рабочимъ, и вообще всѣ тѣ расходы, кото-

[1]) Zur Beleuchtung I, 44, u. 26.

рые Родбертусъ называетъ «издержками предпріятія». Правда, что Родбертусъ находитъ, что лишь «издержки производства благъ (т. е. трудъ) соотвѣтствуютъ чисто объективной точкѣ зрѣнія на стоимость»[1]) и что, говоря объ «издержкахъ предпріятія», «мы покидаемъ абсолютную, объективную точку зрѣнія»[2]). Но въ томъ то и дѣло, что, разъ мы основываемъ цѣнность на эгоизмѣ, то здѣсь субъективная точка зрѣнія только и допустима. Для удовлетворенія эгоизма предпринимателя совершенно не важно то, чтобы онъ за свой продуктъ получилъ такое количество другихъ продуктовъ, на производство которыхъ потрачено одинаковое количество труда, т. е. силъ и времени; ему важно только вернуть всѣ свои расходы, т. е. «издержки предпріятія», и сверхъ того получить предпринимательскій барышъ. Въ силу же закона уравненія процента, далѣе въ силу различій въ составѣ капитала и въ продолжительности его оборота, эти издержки предпріятія не всегда будутъ совпадать съ потраченнымъ трудомъ[3]).

Между тѣмъ—чтобы выяснить себѣ то значеніе, ка-

---

[1]) Zur Erkenntniss 25, см. выше.

[2]) Zur Erkenntniss 26.

[3]) Поэтому совершенно неправильно Родбертусъ говоритъ въ началѣ IV отдѣла Zur Erkenntniss· «Въ первомъ отдѣлѣ было показано, что издержки производства благъ исчисляются въ трудѣ (nach Arbeit berechnet werden)» (Zur Erkenntniss, 109). Во-первыхъ, ни одинъ предприниматель этого не дѣлаетъ; во-вторыхъ,—этого нигдѣ въ первомъ отдѣлѣ показано не было.

кое Родбертусъ придавалъ этимъ видоизмѣняющимъ обстоятельствамъ, необходимо обратиться къ его теоріи распредѣленія.

IV.

Ученіе Родбертуса о видоизмѣняющемъ вліяніи закона уравненія прибыли на цѣнность удивительно противорѣчиво, что въ значительной степени затрудняетъ его изложеніе. Съ одной стороны, Родбертусъ утверждаетъ, что стремленіе прибыли къ уравненію отклоняетъ цѣнность отъ нормальнаго уровня въ отдѣльныхъ случаяхъ; съ другой стороны онъ думаетъ, что эти частныя уклоненія не нарушаютъ общей справедливости того, что цѣнность совпадаетъ съ трудомъ. Ученіе Родбертуса по этому вопросу находится въ ближайшей связи съ его теоріей распредѣленія: оно подчинено этой теоріи. Въ центрѣ же теоріи распредѣленія его стоитъ ученіе о поземельной рентѣ.

Рикардо объяснялъ происхожденіе поземельной ренты необходимостью перехода къ худшимъ землямъ и къ менѣе производительнымъ примѣненіямъ капитала, въ этомъ Рикардо видѣлъ въ то же время источникъ соціальнаго зла. Родбертусъ-же послѣдовательно проводитъ мысль, что трудъ человѣка является единственнымъ хозяйственнымъ факторомъ производства; поэтому источникомъ соціальнаго зла у него является не необходимость перехода къ худшимъ землямъ и т. д.—онъ эту необходимость прямо отрицаетъ,—

но дурная организація общества [1]). Стоитъ только переорганизовать его, т. е. передать собственность на землю и на капиталъ въ руки государства и возложить планомѣрное руководство всею экономическою дѣятельностью на центральное учрежденіе,—и соціальное зло прекратится. Такимъ образомъ, Родбертусъ стоитъ въ такомъже отношеніи къ Рикардо, какъ Годвинъ къ Мальтусу.

Поэтому Родбертусъ о теоріи ренты Рикардо и слышать не хочетъ, и съ удивительною настойчивостью и горячностью набрасывается на нее съ цѣлымъ рядомъ упрековъ, по большей части несправедливыхъ [2]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ для него возникаетъ задача создать новую теорію поземельной ренты, сообразно съ которой рента эта возникаетъ независимо отъ различій въ качествахъ почвы и въ производительности приложенныхъ къ ней капиталовъ; притомъ такую теорію, которая въ то же время объясняла бы и возрастаніе уровня ренты и паденіе уровня прибыли съ ростомъ экономической жизни. Это ведетъ его къ созданію новой теорію распредѣленія, къ разсмотрѣнію которой мы и переходимъ.

Сущность этой теоріи, поскольку она насъ здѣсь интересуетъ, заключается въ слѣдующемъ: по отношенію къ отдѣльнымъ стадіямъ переработки какого-нибудь продукта въ обрабатывающей промышленно-

[1]) См., напр., Zur Beleuchtung II, 186; 216 и др. См. Dietzel, l. c., I, 10.

[2]) См. Приложеніе.

сти Родбертусъ признаетъ видоизмѣняющее вліяніе стремленія прибыли къ уравненію на цѣнность; по отношенію къ «готовымъ» благамъ или къ продуктамъ обрабатывающей промышленности, прошедшимъ черезъ всѣ стадіи переработки—съ одной стороны и продуктамъ земледѣлія—съ другой, онъ его признаетъ, насколько оно касается распредѣленія, и не признаетъ его, насколько оно касается цѣнности. Вслѣдствіе этого, вся теорія распредѣленія Родбертуса носитъ на себѣ отпечатокъ чрезвычайнаго доктринерства и схематизма.

Теорія политической экономіи,—говоритъ Родбертусъ,—можетъ имѣть дѣло только съ основными законами (Grundgesetze), которые по своему дѣйствію могутъ быть лишь тенденціями или, какъ онъ выражается, законами тяготѣнія (Gravitationsgesetze). Эти подлежащіе изученію законы должны разсматриваться въ ихъ надлежащемъ порядкѣ и взаимодѣйствіи и въ ихъ наиболѣе чистомъ и простомъ проявленіи. Поэтому въ теоріи распредѣленія 1) нужно начать съ разсмотрѣнія «того начала, по которому продуктъ труда дѣлится между заработною платою и рентою[1])», безъ вниманія къ дальнѣйшему дѣленію ренты; 2) затѣмъ уже нужно перейти къ изученію дѣленія ренты на ренту съ земли и ренту съ капитала (т. е. на поземельную ренту и прибыль на капиталъ);

[1]) Подъ рентою Родбертусъ разумѣетъ «всякій доходъ, который кто-либо получаетъ безъ собственнаго труда, единственно на основаніи какого-нибудь владѣнія». (Zur Erkenntniss, 64; Zur Belechtung, I, 32, п. 2).

при этомъ нужно а) либо оставлять безъ вниманія различія почвы и дѣленіе обрабатывающей промышленности на нѣсколько послѣдовательныхъ стадій, образующихъ самостоятельныя предпріятія; b) либо предположить, что общество состоитъ изъ одного лишь землевладѣльца и одного лишь капиталиста. Лишь послѣ этого можно перейти 3) къ разсмотрѣнію дѣленія ренты съ земли и ренты съ капитала между отдѣльными землевладѣльцами—съ одной стороны и отдѣльными капиталистами — съ другой [1])

Какъ разъ противоположнымъ путемъ, по мнѣнію Родбертуса, пошелъ Рикардо и въ этомъ заключается логическая ошибка. Онъ исходитъ изъ дѣленія поземельной ренты между отдѣльными землевладѣльцами (дифференціальная рента) и прибыли между отдѣльными капиталистами (законъ уравненія прибыли), между тѣмъ какъ ему слѣдовало бы начать съ объясненія происхожденія ренты вообще, далѣе перейти къ дѣленію ренты на поземельную ренту и прибыль на капиталъ и затѣмъ уже изучать дальнѣйшее дѣленіе этихъ составныхъ частей ренты [2]).

---

[1]) Das Kapital, 18—21.

[2]) Что Рикардо не останавливается ex professo на вопросѣ о происхожденіи ренты вообще—справедливо; но что и Рикардо сознаетъ значеніе производительности труда въ этомъ отношеніи, видно изъ того, что прибыль у него прекращается, когда трудъ становится настолько непроизводительнымъ, что весь остающійся за покрытіемъ ренты продуктъ идетъ на заработную плату. Но Родбертусъ неправъ, когда онъ упрекаетъ Рикардо въ томъ, что Ри-

Схема, на которую указываетъ Родбертусъ, поражаетъ своею стройностью и можетъ этимъ ввести въ заблужденіе читателя. Между тѣмъ, эта стройность лишь чисто внѣшняя и въ основаніи ея лежитъ одна лишь игра словъ. Дѣйствительно, эта схема была бы правильна, если бы землевладѣльцы владѣли только землею, капиталисты только капиталомъ, но этого нѣтъ: землевладѣлецъ владѣетъ не одною только землею, но является такимъ же капиталистомъ, какъ и тотъ капиталистъ, котораго ему противопоставляетъ Родбертусъ; поэтому при дѣленіи ренты между капиталистами и землевладѣльцами, даже при тѣхъ предположеніяхъ, которыя ставитъ Родбертусъ, законъ уравненія прибыли сказывается въ такой же мѣрѣ, какъ и при дѣленіи ренты между отдѣльными капиталистами. Какъ увидимъ ниже, Родбертусъ это признаетъ, когда онъ говоритъ о распредѣленіи ренты между землевладѣльцами и капиталистами; онъ этого не признаетъ, когда говоритъ о цѣнности.

Между тѣмъ, по мнѣнію Родбертуса, необходимость разсматривать законы распредѣленія въ указанной имъ послѣдовательности подтверждается и исторіей, «этимъ строжайшимъ изъ всѣхъ логиковъ» [1]). Дѣйствительно, первоначально вся рента цѣликомъ

кардо начинаетъ изслѣдованіе съ различій въ почвѣ: напротивъ того, онъ сначала предполагаетъ почву одинаковою, а потомъ уже вводитъ въ изслѣдованіе новой факторъ: различіе въ качествѣ почвы, въ разстояніи отъ рынка и т. д.

[1]) Das Kapital, 21.

поступала въ руки одного лица, которое является одновременно и землевладѣльцемъ и капиталистомъ [1]). Впослѣдствіи владѣніе землею и владѣніе капиталомъ отдѣляются другъ отъ друга, но продуктъ еще проходитъ черезъ всѣ стадіи своей переработки въ рукахъ одного капиталиста: здѣсь рента дѣлится на поземельную ренту и прибыль на капиталъ [2]). Наконецъ, лишь въ новѣйшее время перешли къ обработкѣ худшихъ и болѣе отдаленныхъ земель, и лишь въ новѣйшее время переработка какого-нибудь продукта въ обрабатывающей промышленности распалась на нѣсколько самостоятельныхъ предпріятій, соотвѣтствующихъ отдѣльнымъ стадіямъ этой переработки.

Удивленный читатель можетъ быть спроситъ: гдѣ-же въ исторіи мы найдемъ такое состояніе, въ которомъ всѣ воздѣлываемыя земли были одинаковаго качества и находились въ одинаковомъ разстояніи отъ рынка, въ которомъ всѣ капиталы, примѣненные къ землѣ, обладали одинаковою производительностью и въ которомъ продукты проходили всѣ стадіи своей переработки— исключая первой, земледѣльческой—въ рукахъ одного и того же предпринимателя? На это онъ у Родбертуса отвѣта не найдетъ, и ему ничего другого не останется, какъ усомниться въ логической строгости исторіи...

---

[1]) Описаніе этого состоянія общества, которое имѣло мѣсто въ древности, см. въ Zur Beleuchtung, I, 96—100, Zur Geschichte der romischen Tributsteuer seit Augustus, Hildebrands Jahrbücher, B. IV, 1865, стр. 343 и слѣд

[2]) Zur Beleuchtung, I, 100—114.

Итакъ, Родбертусъ вообще признаетъ видоизмѣняющее вліяніе закона уравненія прибыли на цѣнность; однако,—говоритъ онъ—отклоненія цѣнности, вытекающія отсюда, обнаруживаются только при изученіи раздѣленія прибыли на капиталъ между отдѣльными капиталистами. Но уже до того какъ разсмотрѣть это раздѣленіе, мы должны изучить дѣленіе продукта между рабочими и собственниками земли и капитала и дѣленіе ренты между землевладѣльцами и капиталистами. Какую цѣнность должны мы взять за основаніе при изученіи этихъ двухъ дѣленій?

Нормальную, — отвѣчаетъ Родбертусъ. Мы не только вправѣ, говоритъ онъ, но даже обязаны брать исходною точкою нормальную цѣнность, «ибо по отношенію къ объясненію какъ ренты вообще, такъ и ренты съ земли и ренты съ капитала въ частности, нормальная цѣнность является наиболѣе индифферентною. Она одна не предполагаетъ ничего такого, что должно быть объяснено изъ нея, какъ это имѣетъ мѣсто относительно всякой цѣнности, въ которую уже заранѣе включена составная часть для ренты» [1]).

Невольно напрашивается вопросъ: развѣ при обработкѣ земли не примѣняется капиталъ? А если примѣняется, то отчего-же видоизмѣняющее вліяніе закона уравненія прибыли на цѣнность не можетъ сказаться уже при дѣленіи ренты на поземельную ренту и прибыль на капиталъ?

---

[1]) Das Kapital 23.

Между тѣмъ, слѣдуя указанному выше порядку, Родбертусъ прежде всего обращается къ разсмотрѣнію дѣленія продукта между заработной платою и рентою.

Прежде всего спрашивается, откуда берется рента? Въ противоположность Рикардо, Родбертусъ ставитъ этотъ вопросъ ребромъ. «Какія причины, спрашиваю я, ведутъ къ тому, что хотя всякій доходъ есть только продуктъ труда, въ обществѣ получаютъ доходъ такія лица, которыя и пальцемъ не двинули для его созданія? [1]).

Родбертусъ выводитъ ренту изъ двухъ фактовъ:

1) Изъ производительности труда. «Трудъ со времени своего раздѣленія производитъ болѣе, чѣмъ сколько необходимо рабочимъ для поддержанія жизни и продолженія своего труда; такимъ образомъ онъ производитъ столько, что доставляетъ возможность и другимъ жить на созданный имъ продуктъ» [2]).

2) Изъ частной собственности на землю и капиталъ. «Съ тѣхъ поръ, какъ введено раздѣленіе труда, земля и капиталъ, а, слѣдовательно, и самый продуктъ труда никогда не принадлежали рабочимъ, но другимъ частнымъ лицамъ». Родбертусъ горячо нападаетъ на мнѣніе, будто въ дѣйствительной жизни собственность зиждется на трудѣ (Thiers): при современномъ строѣ общества трудъ потому не можетъ служить основаніемъ права собственности, что продукты труда принадлежатъ

---

[1]) Zur Beleuchtung, I, 74—75.

[2]) Zur Erkenntniss, 67. Zur Beleuchtung, I, 78.

не тѣмъ, которые потратили этотъ трудъ, а другимъ. Но Родбертусъ называетъ исторически невѣрнымъ и экономически невозможнымъ и тотъ взглядъ, будто первоначально было иначе, будто первоначально право собственности коренилось въ трудѣ. «Правильное раздѣленіе труда», говоритъ онъ, «...служащее связующимъ звеномъ въ современномъ обществѣ, вездѣ возникло лишь подъ покровительствомъ власти и является результатомъ принужденія со стороны однихъ и подчиненія со стороны другихъ» [1]). Мало того, Родбертусъ, какъ мы видѣли выше, утверждаетъ, что земля и капиталъ и непосредственный матеріальный продуктъ труда никогда не могли и не могутъ принадлежать рабочему въ собственность; иначе дѣленіе труда не могло бы ни возникнуть, ни сохраняться, развиваться и распиряться и не могло бы, такимъ образомъ, разливать на общество рогъ изобилія своихъ чудесныхъ сокровищъ» [2]). Причина этой невозможности — трудность раздѣленія созданнаго сообща продукта, трудность, которую Родбертусъ поясняетъ на примѣрѣ булавки [3]). Поэтому, если современный хозяйственный строй прекратитъ свое суще-

[1]) Zur Beleuchtung, I, 82; ibid. 33. Zur Erkenntniss, 72.

[2]) Zur Beleuchtung, I, 85; Das Kapital 112.

[3]) «Нѣтъ такого человѣка, который могъ-бы преодолѣть такія осложненія и затрудненія; и раздѣленіе труда, а вмѣстѣ съ нимъ и все великолѣпное зданіе цивилизаціи должно бы разрушиться о тотъ принципъ, что непосредственный матерьяльный продуктъ труда долженъ принадлежать рабочему» (Zur Beleuchtung, I, 85).

ствованіе, то собственность на землю и капиталъ и на продукты труда должна перейти не къ рабочему, но къ обществу. Къ рабочему могло бы перейти лишь право собственности на всю цѣнность созданнаго имъ продукта, и, такимъ образомъ, здѣсь частная собственность была бы отмѣнена не вполнѣ: она была бы лишь приведена въ соотвѣтствіе съ своимъ основнымъ принципомъ, трудомъ [1]).

Роль каждаго изъ указанныхъ двухъ фактовъ, ведущихъ къ рентѣ, состоитъ въ томъ, что производительность труда создаетъ возможность ренты; право собственности на землю и капиталъ обращаетъ эту возможность въ дѣйствительность. Если вліяніе перваго факта представляется вполнѣ яснымъ, то, спрашивается, чѣмъ по Родбертусу проявляетъ свое дѣйствіе второй?

При рабствѣ рабочее населеніе получаетъ лишь столько, сколько хозяину вздумается дать ему по хозяйственнымъ или другимъ соображеніямъ: оно получаетъ лишь необходимое продовольствіе [2]). Хотя теперь рабочіе свободны, но «они были отпущены на свободу нагіе или въ лохмотьяхъ»; у нихъ ничего нѣтъ, кромѣ рабочей силы. Поэтому, «хотя собственники земли и капитала и не могутъ уже съ кнутомъ въ рукахъ гнать ихъ на работу», но они могутъ диктовать имъ условія договора, и рабочіе должны подчиниться этому, если они

---

[1]) Das Kapital, 113 и слѣд., 212, Zur Beleuchtung, I, 93.
[2]) Zur Beleuchtung, 87

не хотятъ умереть съ голоду [1]). «Рабочій находится въ такомъ положеніи, что онъ вынужденъ подписать договоръ, продиктованный ему другой стороною... Правда, онъ столько-же, если не еще больше, содѣйствуетъ производству благъ, какъ и землевладѣлецъ и капиталистъ, ибо безъ источника, лежащаго въ его духѣ, и безъ его труда земля бы ничего не производила. Однако по своей природѣ источникъ этотъ не отличается такою исключительностью, какъ земля и капиталъ: духъ свободенъ и знанія доступны всякому... поэтому, хотя землевладѣльцы и капиталисты, съ одной стороны, и рабочіе, съ другой, и нуждаются взаимно другъ въ другѣ, тѣмъ не менѣе положеніе послѣднихъ менѣе благопріятно» [2]). Это вытекаетъ изъ «ряда историческихъ, политическихъ и статистическихъ условій..., которыя, по единогласному мнѣнію политико-экономовъ всѣхъ различныхъ школъ, при наличности свободной конкурренціи ведутъ къ тому, что заработная плата вообще—если брать продолжительные періоды времени—держится на уровнѣ необходимыхъ средствъ продовольствія, т. е. содержитъ довольно неизмѣнное и опредѣленное для данной страны и даннаго времени количество продуктовъ» [3]).

[1]) Zur Beleuchtung, I, 87, 92. Zur Erkenntniss, 113, прим.

[2]) Zur Erkenntniss, 73, 74 См. также Zur Beleuchtung, I, 47, п. 30: «Мотивы, побуждающіе рабочихъ къ продажѣ ихъ блага, труда, наиболѣе настоятельны; такимъ образомъ величайшее хозяйственное благо, принципъ всѣхъ продуктовъ, уподобляется обыкновенному и довольно малоцѣнному продукту».

[3]) Zur Beleuchtung, I, 124—125.

Итакъ, Родбертусъ объясняетъ происхожденіе ренты тѣмъ, что частная собственность на землю и на капиталъ удерживаетъ заработную плату на уровнѣ необходимыхъ средствъ продовольствія, т. е. такъ называемымъ желѣзнымъ закономъ заработной платы [1]): какъ мы видѣли, онъ этому закону даетъ своеобразное обоснованіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ него онъ выводитъ, что «наряду съ ростомъ производительности труда заработная плата рабочаго становится все меньшею долею продукта» [2]), и въ этомъ онъ видитъ основную причину всѣхъ соціальныхъ золъ [3]).

Казалось бы, что всѣ тѣ обстоятельсгва, которыя ставятъ рабочихъ въ болѣе выгодное положеніе по отношенію къ предпринимателямъ, должны бы дать имъ возможность добиться лучшихъ условій рабочаго договора. Между тѣмъ, Родбертусъ отрицаетъ за рабочими ассоціаціями способность оказать рабочимъ какую-нибудь помощь [4]). Въ старыхъ странахъ, говоритъ онъ, «рабочіе уже не могутъ путемъ мирной борьбы добиться такого положенія, при которомъ они могли бы съ успѣхомъ преодолѣть дѣйствіе этихъ законовъ» [5]). Исцѣленіе отъ соціальныхъ золъ можетъ произойти лишь путемъ новой организаціи общества.

---

[1]) См. также Zur Beleuchtung II, 204, 213.

[2]) Zur Beleuchtung I, 47 п. 30.

[3]) Zur Beleuchtung I, 24; 50; Das Kapital 54, 61; Zur Beleuchtung II, 17, 20, 94, 101 и слѣд., 172 и слѣд. и др.

[4]) Zur Beleuchtung II, 141—144.

[5]) Zur Beleuchtung I, 48—49 п. 31.

Желѣзный законъ заработной платы въ настоящее время можетъ считаться опровергнутымъ [1]). Но вмѣстѣ съ нимъ должна пасть и теорія Родбертуса. Дѣйствительно, если признать, что рабочія ассоціаціи могутъ поднять заработную плату, то спрашивается, почему-же онѣ не могутъ поднять ее настолько высоко, чтобы поглотить всю ренту? Между тѣмъ, если бы это наступило, то рента прекратилась бы, хотя оба ея условія: достаточная производительность труда и частная собственность на землю и на капиталъ были бы на лицо. Наступленіе этого случая при сохраненіи капиталистическаго строя невозможно; но почему оно невозможно, этого теорія Родбертуса не объясняетъ и объяснить не можетъ [2]). Указаніе на болѣе выгодное положеніе собственниковъ земли и капитала при заключеніи рабочаго договора здѣсь уже не помогаетъ, такъ какъ, если мы признаемъ неправи[illegible]знаго закона за а[illegible]тной платы, то о таком[illegible] годномъ положеніи не можетъ уже быть и рѣчи. Поэтому вполнѣ понятно, что Родбертусъ не признаетъ возможности успѣха ассоціацій [3]).

Такимъ образомъ, для возникновенія ренты необхо-

---

[1]) Brentano, Das Arbeitsverhältniss gemäss dem heutigen Recht, Leipzig 1877, стр. III—V, 175—182; Его-же Die Arbeiterversicherung gemäss der heutigen Wirtschaftsordnung, Leipzig, 1879, 13—15

[2]) Тѣмъ болѣе, что Родбертусъ не признаетъ теоріи Мальтуса (Zur Erkenntniss, 101). См. Adler, l. c., 87

[3]) Другія возраженія противъ теоріи происхожденія ренты Родбертуса см. у Boehm-Bawerk I, l. c.

ходимы лишь извѣстная производительность труда и наличность частной собственности на землю и на капиталъ. Поэтому, заключаетъ Родбертусъ, для появленія ренты не требуется поднятія цѣнности выше уровня потраченнаго труда: достаточно, чтобы рабочій, производя больше, чѣмъ сколько составляютъ его предметы необходимости, тѣмъ не менѣе получалъ бы не весь продуктъ своего труда; чтобы «онъ за одинъ день труда довольствовался бы меньшимъ количествомъ продуктовъ труда, чѣмъ сколько составляетъ цѣнность, созданная въ одинъ день» (als ein Tag wert ist [1]). Какъ уже показали другіе политико-экономы,—продолжаетъ онъ — общая прибавка къ цѣнности, имѣющая мѣсто по отношенію ко всѣмъ продуктамъ, не можетъ создать ренту. «Лишь по отношенію къ отдѣльнымъ предпринимателямъ подобная прибавка дѣйствительно повела бы къ образованію или къ поднятію ренты. Если бы, напримѣръ, сапожникъ не извлекалъ прибыли на капиталъ, когда цѣнность его продукта соотвѣтствуетъ труду, то прибавка къ цѣнности могла бы ему доставить прибыль». «Поэтому объективную причину возникновенія ренты слѣдуетъ вообще искать не въ цѣнности, но въ производительности [2])». Отсюда Родбертусъ выводитъ, что нормальная цѣнность «въ общемъ достаточна для того, чтобы доставить всю сумму рентъ, падающихъ при современномъ строѣ на

[1]) Zur Erkenntniss 112—113.

[2]) Das Kapital, 13—14.

всѣхъ ступеняхъ производства какого-нибудь блага (или всего національнаго продукта)» [1]). «Нѣтъ необходимости, чтобы мѣновая цѣнность, для доставленія этихъ трехъ частей, была бы выше своего естественнаго уровня, достаточно, чтобы она равнялась количеству потраченнаго труда» [2]).

Родбертусъ вполнѣ правъ, говоря, что общій подъемъ цѣнностей не можетъ создать ренту или увеличить ее. Но вытекаетъ ли отсюда, что цѣнность опредѣляется трудомъ, а не чѣмъ-либо инымъ? Разъ цѣнность на существованіе или увеличеніе ренты вообще вліянія не оказываетъ; разъ прибавка къ цѣнности всѣхъ предметовъ ренты не создаетъ и не увеличиваетъ, то, конечно, и «нормальная» цѣнность достаточна для покрытія всѣхъ рентъ, подъ условіемъ, что бы цѣнность заработной платы была ниже ея. Но въ этомъ нельзя видѣть какого-нибудь преимущества нормальной цѣнности, такъ какъ при соблюденіи только что указаннаго условія всякая цѣнность достаточна для покрытія всѣхъ рентъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе, что общая прибавка къ цѣнности всѣхъ предметовъ еще не создаетъ ренты,—еще не предрѣшаетъ вопроса о томъ, что та цѣнность, о прибавкѣ къ которой идетъ рѣчь, есть именно цѣнность, соотвѣтствующая труду. Если бы мы предположили не ту цѣнность, которую Родбертусъ называетъ нормаль-

[1]) Das Kapital, 13 См. также Zur Erkenntniss 111; Kreditnoth, прим. 66.

[2]) Zur Beleuchtung 1, 103.

ною, но ту, которая имѣетъ мѣсто въ дѣйствительной жизни, и которая соотвѣтствуетъ «издержкамъ предпріятія» (со включеніемъ предпринимательскаго барыша) то мы и по отношенію къ этой цѣнности могли бы сказать, что общая прибавка къ ней не можетъ оказать никакого вліянія на ренту.

Но если цѣнность сама по себѣ не оказываетъ никакого вліянія на происхожденіе и увеличеніе ренты, то на распредѣленіе ея она оказываетъ существенное вліяніе. Точнѣе говоря, тѣ-же самые факторы, которые вліяютъ на распредѣленія ренты, тѣмъ же самымъ вліяютъ и на цѣнность. По отношенію къ раздѣленію поземельной ренты между отдѣльными землевладѣльцами и прибыли между отдѣльными капиталистами Родбертусъ это и признаетъ; по отношенію же къ раздѣленію ренты вообще на поземельную ренту и на прибыль на капиталъ—онъ этого не признаетъ.

Какъ мы знаемъ, при разсмотрѣніи дѣленія ренты на поземельную ренту и прибыль на капиталъ онъ исходитъ изъ того положенія, что продукты земледѣлія и обрабатывающей промышленности обмѣниваются въ соотвѣтствіи съ потраченнымъ трудомъ.

Дѣленіе ренты происходитъ слѣдующимъ образомъ. Та часть ея, которая приходится на долю продукта обрабатывающей промышленности, цѣликомъ составляетъ прибыль на капиталъ. Такимъ образомъ въ обрабатывающей промышленности образуется извѣст-

ный уровень прибыли, сообразно съ которымъ въ силу закона уравненія прибыли будетъ разсчитываться прибыль на капиталъ, примѣняемый въ земледѣліи. Однако, въ земледѣліи прибыль на капиталъ не поглотитъ всей той части земледѣльческаго продукта, которая приходится на долю ренты: помимо всякихъ различій въ качествахъ почвы и т. д. за покрытіемъ прибыли останется извѣстный излишекъ, который составитъ поземельную ренту. Дѣйствительно, въ составъ капитала, примѣняемаго въ мануфактурной промышленности, входитъ цѣнность сырого продукта, играющаго здѣсь роль матеріала. Этой составной части въ земледѣльческомъ капиталѣ нѣтъ: «земледѣліе не нуждается въ матеріалѣ, т. е. въ продуктѣ предшествующаго ему производства; имъ вообще производство только начинается, въ немъ соотвѣтствующею матеріяламъ частью имущества является сама почва; между тѣмъ всѣ теоріи предполагаютъ ее даровою» [1]). Такимъ образомъ отношеніе между капиталами, примѣняемыми въ земледѣліи и въ обрабатывающей промышленности иное, чѣмъ отношеніе между количествами труда, расходуемыми въ этихъ двухъ отрасляхъ промышленности, а, слѣдовательно, и между высотою рентъ, получаемыхъ въ нихъ. У фабриканта, въ сравненіи съ

[1]) Zur Beleuchtung I, 110. Но если для меліораціи почвы потраченъ капиталъ,—какъ же можетъ она считаться даровымъ матеріаломъ? Самъ Родбертусъ признаетъ, что въ сѣверной Германіи затрачены милліоны на дренажъ. Kreditnoth, 162; См. также, Zur Beleuchtung I, 180 и слѣд.

землевладѣльцемъ, капиталъ, приходящійся на равное количество труда, больше въ размѣрѣ матеріаловъ; такъ какъ цѣнность соотвѣтствуетъ количеству потраченнаго труда, то остающаяся, за уплатою заработной платы, часть цѣнности продукта у фабриканта должна пасть на большій капиталъ, чѣмъ у землевладѣльца, а такъ такъ прибыль стремится къ уравненію, у землевладѣльца остается излишекъ: поземельная рента[1]).

Ученіе Родбертуса заключаетъ въ себѣ глубокое противорѣчіе. Родбертусъ начинаетъ съ предположенія нормальной цѣнности, при помощи котораго онъ объясняетъ дѣленіе ренты на прибыль и поземельную ренту; и все это для того, чтобы при объясненіи распредѣленія прибыли и поземельной ренты между отдѣльными землевладѣльцами и капиталистами доказать, что нормальная цѣнность не имѣетъ мѣста въ дѣйствительности и, притомъ, въ силу такого обстоятельства—различія въ величинѣ капитала въ связи съ закономъ уравненія прибыли—, которое въ одинаковой степени должно бы видоизмѣнить цѣнность и при дѣленіи ренты между землевладѣльцами и капиталистами. Такимъ образомъ получается, что въ одномъ случаѣ это обстоятельство считается видоизмѣняющимъ цѣнность, въ другомъ же оно не считается видозмѣняющимъ ее. Иначе говоря, одна часть аргументаціи ведется при однихъ предположеніяхъ, другая—при другихъ.

---

[1]) Zur Erkenntniss, 85; Zur Beleuchtung, 109—114; Das Kapital 4. Kreditnoth, прим. 66.

Какъ и Рикардо, Родбертусъ держится абстрактно-дедуктивнаго метода. Сущность этого метода заключается въ томъ, что изслѣдователь, для упрощенія предмета изслѣдованія, предполагаетъ несуществующими такія обстоятельства, которыя для этого изслѣдованія имѣютъ несущественное значеніе и, поэтому, устраняются изъ него вовсе. Полезно или вредно примѣненіе такого метода—въ данномъ случаѣ насъ не интересуетъ. Для насъ важно лишь установить слѣдующее: для того, чтобы логическая послѣдовательность не была нарушена, безусловно необходимо исходить въ теченіе всего изслѣдованія изъ одинаковыхъ предположеній; въ такомъ случаѣ и выводъ, хотя правильный и не безусловно, тѣмъ не менѣе будетъ правиленъ при наличности положенныхъ въ основаніе изслѣдованія предположеній; онъ будетъ логически-правильно выведенной тенденціей. Изъ этого вытекаетъ, что при изслѣдованіи или доказательствѣ чего-либо нельзя предполагать отсутствующимъ такое обстоятельство, которое въ самомъ доказательствѣ играетъ существенную роль. А это Родбертусъ именно и дѣлаетъ въ своей теоріи поземельной ренты, гдѣ такимъ существеннымъ обстоятельствомъ является различіе въ составѣ капитала. Дѣйствительно, положеніе, что продукты земледѣлія и обрабатывающей промышленности взаимно обмѣниваются въ соотвѣтствіи съ потраченнымъ трудомъ, правильно при предположеніи объ отсутствіи различій въ составѣ капитала. Это положеніе Родбертусъ кладетъ въ основаніе своей теоріи поземельной ренты и, такимъ обра-

зомъ, устраняетъ изъ изслѣдованія различіе въ составѣ капитала; между тѣмъ, происхожденіе поземельной ренты онъ въ то же время выводитъ изъ этого различія!

Такимъ образомъ, получается, что различіе въ составѣ капитала и, слѣдовательно, законъ уравненія прибыли оказываютъ вліяніе на распредѣленіе ренты между землевладѣльцами и капиталистами, но что на цѣнность продуктовъ земледѣлія и готовыхъ продуктовъ обрабатывающей промышленности они вліянія не оказываютъ. При распредѣленіи прибыли между отдѣльными капиталистами они вліяютъ и на распредѣленіи, и на цѣнность. Между тѣмъ, оставаясь послѣдовательнымъ, Родбертусъ долженъ былъ бы либо вообще отвергнуть стремленіе прибыли къ уравненію, либо вообще признать его.

Въ первомъ случаѣ ему пришлось бы признать, что цѣнность продукта каждой изъ тѣхъ стадій, на которыя распадается обработка какого нибудь блага, соотвѣтствуетъ количеству труда, потраченнаго на этой стадіи; а такъ какъ цѣнность матеріала выше въ каждой изъ послѣдующихъ стадій въ сравненіи съ каждою изъ предыдующихъ, то отсюда прямо вытекало бы, что ренту должны давать всѣ стадіи производства, исключая послѣдней (мелочной торговли?), и въ тѣмъ большемъ размѣрѣ, чѣмъ дальше данная стадія отстоитъ отъ послѣдней [1]).

---

[1]) Adler, l. c., 36—37; Zuns, l c., 10.

Во второмъ случаѣ ему пришлось бы не только признать, что соотвѣтствіе цѣнности съ трудомъ нарушается по отношенію къ продукту отдѣльныхъ стадій, на которыя распадается переработка продукта, и что цѣнность продукта равнаго количества труда на каждой изъ послѣдующихъ стадій выше, чѣмъ на каждой изъ предыдущихъ [1]), но пришлось бы въ тоже время признать, что и земледѣліе есть ничто иное, какъ одна изъ стадій обработки продукта, и что, слѣдовательно, цѣнность земледѣльческаго продукта должна упасть ниже «нормальной цѣнности». Дѣйствительно, почему капиталы не будутъ приливать въ земледѣліе, какъ они приливаютъ въ другія отрасли промышленности, пока не уравнится прибыль и не прекратится поземельная рента?

Когда Родбертусъ писалъ «Zur Erkenntniss», ему этотъ вопросъ, очевидно, не представлялся: съ одной стороны мы уже здѣсь находимъ его теорію поземельной ренты; съ другой стороны онъ здѣсь прямо утверждаетъ, что законъ уравненія прибыли болѣе достовѣренъ, чѣмъ законъ совпаденія цѣнности съ трудомъ [2]).

Но въ «Zur Beleuchtung» онъ уже сознаетъ значеніе этого затрудненія; однако, желая избѣгнуть его, онъ попадаетъ изъ Сциллы въ Харибду. Выходъ, къ которому онъ здѣсь прибѣгаетъ, состоитъ въ отрицаніи силы закона уравненія прибыли вообще [3]). До обра-

[1]) Das Kapital, 11.
[2]) Zur Erkenntniss, 131; см. Adler, l. c., 35.
[3]) Zur Beleuchtung I, 157—160.

ботки и присвоенія земли, говоритъ Родбертусъ, у общества не можетъ существовать и понятія о прибыли на капиталъ; слѣдовательно, для этого состоянія не можетъ быть рѣчи и объ ея уравненіи. Поэтому не правъ Рикардо, предполагающій, что уже тогда продуктъ дѣлился между рабочимъ и капиталистомъ [1]). Въ противоположность этому Родбертусъ указываетъ на то, что состоянію общества, въ которомъ поземельная рента отдѣлена отъ прибыли, предшествуетъ состояніе, гдѣ собственникъ земли является въ то же время и собственникомъ капитала и гдѣ земледѣліе и

---

[1]) Этотъ упрекъ въ томъ смыслѣ несправедливъ, что Рикардо и не ставилъ себѣ задачею изложеніе историческаго происхожденія ренты: порядокъ разсужденій Рикардо является выраженіемъ не исторической послѣдовательности, но логической. На это Родбертусъ возражаетъ, что неправильно различать экономическое происхожденіе ренты отъ историческаго, что «нельзя не усомниться въ правильности экономической теоріи, которая хочетъ объяснить явленіе, имѣющее мѣсто у всѣхъ народовъ, т. е поземельную ренту, изъ такихъ яко-бы явленій, которыя никогда не имѣли мѣста въ жизни какой-нибудь націи» (Zur Beleuchtung I. 160). Эти слова звучатъ чрезвычайно странно въ устахъ Родбертуса, который свою теорію распредѣленія основываетъ на «нормальной» цѣнности, т. е. на такой, которая, какъ онъ самъ признаетъ, никогда и нигдѣ еще не осуществлялась и не осуществляется, и который при этомъ исходитъ изъ предположенія, что все общество состоитъ изъ «одного землевладѣльца, одного капиталиста, одного рабочаго» (такъ что, какъ остроумно замѣчаетъ Zuns (l. c. стр. 7), послѣдній долженъ былъ бы одновременно работать и у перваго и у второго).

обрабатывающая промышленность, поземельная рента и прибыль соединены въ одномъ лицѣ.

Но Родбертусъ отрицаетъ законъ уравненія прибыли и для болѣе поздняго состоянія, въ которомъ рента уже распалась на поземельную ренту и прибыль. Здѣсь законъ уравненія прибыли могъ бы осуществиться лишь въ томъ случаѣ, «если бы капиталы могли расти безпредѣльно, однако, капиталъ страны есть величина, зависящая отъ величины и качества народнаго производства. Поэтому ни въ земледѣліи, ни въ обрабатывающей промышленности нельзя приложить любого количества капитала» [1]). Спеціально по отношенію къ землѣ Родбертусъ указываетъ на то, что земля вся присвоена уже задолго до того, какъ она вся вошла въ обработку.

Но что все это доказываетъ? 1) Если Родбертусъ этимъ хочетъ сказать, что въ силу такого присвоенія земли каждый землевладѣлецъ можетъ поставить свои условія при продажѣ своихъ продуктовъ, то почему ж эти условія будутъ именно таковы, что продукты будутъ обмѣниваться въ пропорціи съ потраченнымъ трудомъ? На это мы у него напрасно стали бы искать отвѣта. Въ дѣйствительности изъ изложенія Родбертуса слѣдуетъ лишь то, что, если право собственности на землю даетъ землевладѣльцу возможность

[1]) Лишь для новыхъ колоній Родбертусъ признаетъ, что законъ уравненія прибыли понизилъ бы цѣнность настолько, что поземельная рента прекратилась бы (Das Kapital, 30)

ставить свои условія при продажѣ продукта, вслѣдствіе этого взимать поземельную ренту и, такимъ образомъ, препятствовать уравненію прибыли въ земледѣліи и въ обрабатывающей промышленности; что въ такомъ случаѣ у него монополія, и, слѣдовательно, цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ опредѣляется по тѣмъ же законамъ, по которымъ вообще опредѣляется цѣнность при наличности монополій.

Между тѣмъ, Родбертусъ считаетъ монопольною лишь ту цѣнность земледѣльческаго продукта которая превышаетъ нормальную цѣнность [1]), и самъ нападаетъ на тѣ теоріи, которыя основываютъ ренту на монопольной цѣнѣ сырого продукта [2]).

Но 2) мало того: отрицая законъ уравненія прибыли вообще, Родбертусъ лишаетъ почвы всю свою теорію распредѣленія и цѣнности вообще и свою теорію поземельной ренты въ частности. Онъ забываетъ, что его теорія поземельной ренты основана на томъ, что въ обрабатывающей промышленности образуется извѣстный уровень прибыли, сообразно съ которымъ, въ силу закона уравненія прибыли, разсчитывается прибыль на земледѣльческій капиталъ, и что излишекъ ренты, получаемой въ земледѣліи, остающійся за покрытіемъ прибыли по этому уровню, составляетъ поземельную ренту. Если отрицать законъ уравненія прибыли, то и такое объясненіе ренты теряетъ

) Das Kapital, 32.

[2]) Das Kapital, 26—27.

почву; сверхъ того становится невозможнымъ какое бы то ни было обобщеніе изъ области цѣнности и распредѣленія.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію распредѣленія поземельной ренты и прибыли между отдѣльными землевладѣльцами и капиталистами.

Что касается «дифференціальной поземельной ренты», т. е. той, которая вытекаетъ изъ различій въ качествѣ земли, въ разстояніи отъ мѣста сбыта и т. д., то все вниманіе Родбертуса сосредоточено на томъ, чтобы доказать, что поземельная рента возникаетъ и помимо этихъ различій, и, поэтому, о дифференціальной поземельной рентѣ онъ упоминаетъ только вскользь [1]).

Что касается, далѣе, дѣленія прибыли между отдѣльными капиталистами, то Родбертусъ вполнѣ сознаетъ, что законъ уравненія прибыли отклоняетъ цѣнность отъ уровня, соотвѣтствующаго количеству потраченнаго труда. Все производство какого нибудь продукта представляется ему распадающимся на нѣсколько стадій, причемъ продуктъ каждой изъ предыдущихъ стадій служитъ матерьяломъ въ каждой изъ послѣдующихъ. Поэтому цѣнность той части капитала, которая состоитъ изъ матерьяловъ, будетъ больше въ каждой изъ послѣдующихъ стадій въ сравненіи съ предыдущею, а вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣнность всего капитала. Нельзя думать, что «во всѣхъ отрасляхъ обрабатывающей про-

[1]) Такъ, напр., въ Zur Beleuchtung I, 139, 140.

мыпленности получалась бы равная прибыль, если бы цѣнность каждаго продукта въ отдѣльности всегда соотвѣтствовала бы потраченному труду»[1]). Поэтому, «выставленный Рикардо и Макъ-Кулохомъ законъ, что всѣ продукты въ отдѣльности обмѣниваются въ соотвѣтствіи съ потраченнымъ трудомъ, для современнаго состоянія по необходимости долженъ быть видоизмѣненъ другимъ и, безъ сомнѣнія, болѣе достовѣрнымъ закономъ, что прибыль на капиталъ всюду стремится къ уравненію»[2]).

Итакъ, мы видимъ, что Родбертусъ признаетъ только одно обстоятельство, въ силу котораго законъ уравненія прибыли отклоняетъ цѣнность отъ уровня соотвѣтствующаго труду: именно, различіе въ величинѣ той части капитала, которая состоитъ изъ матерьяловъ[3]). Въ этомъ отношеніи его теорія составляетъ шагъ назадъ въ сравненіи съ теоріей Рикардо: уже Рикардо указалъ и на другія такія обстоятельства; кромѣ того, Рикардо о всѣхъ этихъ обстоятельствахъ говоритъ лишь для того, чтобы ихъ исключить изъ изслѣдованія. поэтому, если онъ ихъ и не всѣ исчерпываетъ, то это на его ученіе вліянія не оказываетъ[4]). Родбертусъ-же въ своей теоріи поземельной ренты на указанномъ имъ обстоятельствѣ строитъ положи-

---

[1]) Zur Erkenntniss, 111.

[2]) Zur Erkenntniss, 131.

[3]) Родбертусъ думаетъ, что онъ первый указалъ на эти отклоненія цѣнности! (Das Kapital, 12)

[4]) См. выше, стр. 80—81.

тельные выводы, не принимая при этомъ во вниманіе, что вліяніе этого обстоятельства можетъ быть видоизмѣнено вліяніемъ другихъ обстоятельствъ (различіе въ пропорціи постояннаго капитала, различіе во времени оборота капитала и т. д.) [1]).

Однако, уже въ «Zur Erkenntniss» Родбертусъ высказываетъ взглядъ, что отклоненія цѣнности отъ нормальнаго уровня, имѣющія мѣсто въ силу закона уравненія прибыли, не опровергаютъ еще общей истины того положенія, что цѣнность соотвѣтствуетъ труду: они доказываютъ только, что положеніе это несправедливо по отношенію къ отдѣльнымъ случаямъ [2]).

---

[1]) См. Lexis, l c., 469; Zuns, l. c, 8

[2]) Zur Erkenntniss, 132. Эти отклоненія, продолжаетъ онъ, никакъ не доказываютъ, «что для доставленія прибыли на капиталъ цѣнность продукта всегда должна быть выше заключающагося въ немъ труда. Ибо, ... если цѣнность одного продукта, для того чтобы доставить одинаковый уровень прибыли, и должна подняться выше количества потраченнаго труда, и если, поэтому, цѣнность другого продукта по необходимости должна упасть ниже этого уровня, тѣмъ не менѣе, даже этотъ другой продуктъ доставляетъ прибыль одинаковаго уровня, хотя цѣнность его упала ниже уровня потраченнаго труда». «Цѣнность, соотвѣтствующая труду, въ общемъ достаточна для возмѣщенія капитала и доставленія рентъ, и если при современномъ раздѣленіи труда въ отдѣльныхъ случаяхъ цѣнность отклоняется отъ этой нормы, то причина этого лежитъ не въ цѣнности, какъ таковой, но въ томъ, что прибыль должна придти къ одному уровню во всѣхъ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности» (l² Ibid., 111). Родбертусъ здѣсь даже нахо-

Но въ такомъ случаѣ спрашивается: какимъ-же образомъ можетъ какое-нибудь положеніе, несправедливое въ частности, быть справедливымъ вообще? Отвѣтъ на это мы находимъ въ «Das Kapital»[1]). Здѣсь Родбертусъ старается доказать, что рыночная цѣнность всѣхъ готовыхъ благъ и земледѣльческихъ продуктовъ всегда стремится къ совпаденію съ трудомъ, и что отступленіе отъ нормальной цѣнности имѣетъ мѣсто лишь по отношенію къ промежуточнымъ стадіямъ обрабатывающей промышленности.

Обратимся сначала къ готовымъ благамъ. Если, говоритъ онъ, на всѣхъ стадіяхъ производства какого нибудь блага увеличится производительность, то въ такой-же пропорціи уменьшится сумма, необходимая на уплату заработной платы, что и обнаружится на цѣнности готоваго блага. Что касается прибыли, то она пропорціональна величинѣ капитала, главную часть котораго составляютъ матерьялы: послѣдніе же упадутъ въ цѣнности вслѣдствіе увеличившейся производительности труда. Такимъ образомъ цѣнность гото-

---

дитъ, что «всякое поднятіе цѣнности выше того уровня, который соотвѣтствуетъ труду, совершенно ненужно и безполезно» (Ibid., 115). Отсюда онъ выводитъ, что прибыль на капиталъ существуетъ совершенно независимо отъ цѣнности, и что прекращеніе прибыли, также какъ и прекращеніе поземельной ренты, не оказало бы никакого вліянія на цѣнность (Ibid, 133; Das Kapital, 5).

[1]) Стр. 1—34 (Resumè meiner Rententheorie). Этотъ отдѣлъ представляетъ на 35 страницахъ невообразимое число противорѣчій.

ваго продукта упадетъ не только въ пропорціи уменьшенія суммы заработной платы, но и въ пропорціи уменьшенія суммы прибыли. Что касается другой, менѣе значительной составной части капитала—орудій, то ихъ значеніе состоитъ въ томъ, что они сберегаютъ трудъ. Слѣдовательно, производительность труда можетъ увеличиться либо оттого, что дурныя орудія замѣняются лучшими, либо оттого, что требуется меньше непосредственнаго труда, чѣмъ прежде. И въ томъ и въ другомъ случаѣ уменьшается капиталъ (либо вслѣдствіе удешевленія орудія, либо вслѣдствіе уменьшенія суммы выплачиваемой заработной платы), а слѣдовательно и прибыль [1]).

Оставимъ пока безъ вниманія орудія.

Разсматривая приводимый Родбертусомъ случай, мы, дѣйствительно, видимъ, что въ немъ цѣнность соотвѣтствуетъ количеству потраченнаго труда. Но самый случай этотъ недоказательный: въ немъ составъ капитала проявляетъ свое дѣйствіе на цѣнность совершенно въ томъ же направленіи, какъ и количество потраченнаго труда.

Случай этотъ можно представить въ слѣдующей формулѣ [2]).

---

[1]) Das Kapital, 6—12.

[2]) Римскія цифры означаютъ стадіи производства.

ДО УВЕЛИЧЕНІЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА.

	Число рабочихъ.	Матеріалы.	Зараб. плата.	Прибыль.	цѣнность.
I	10	0	100	10	110
II	10	110	100	21	121
III	10	231	100	33,1	133,1
IV	10	364,1	100	46,41	146,41

ПОСЛѢ УВЕЛИЧЕНІЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА.

	Число рабочихъ.	Матеріалы.	Зараб. плата.	Прибыль.	Цѣнность.
I	5	0	50	5	55
II	5	55	50	10,5	60,5
III	5	115,5	50	16,55	66,55
IV	5	182,05	50	23,255	73,205

Здѣсь цѣнность готоваго продукта въ точности измѣнилось въ томъ же отношеніи, въ которомъ измѣнилось количество потраченнаго труда (510,51 : 255,255= =40 : 20). Но стоило бы предположить, что увеличеніе производительности труда произошло въ разныхъ пропорціяхъ на отдѣльныхъ стадіяхъ или произошло всего лишь на одной стадіи—и различіе въ составѣ капитала оказало бы самостоятельное вліяніе на цѣнность. Если бы, напримѣръ, производительность увеличилась въ два раза только на послѣдней стадіи, то цѣнность готоваго продукта упала бы съ 510,55 до 455,51, т. е. въ пропорціи 40 : 35,69; въ то время какъ количество потраченнаго труда упало бы въ про-

порціи 40 : 35. Между тѣмъ, въ дѣйствительной жизни увеличеніе производительности труда на одной стадіи не ведетъ еще къ такому же увеличенію на всѣхъ другихъ стадіяхъ: оно можетъ произойти, напримѣръ, въ прядильномъ производствѣ и вовсе не коснуться ткацкаго или набивного [1]).

Кромѣ того, развѣ для всѣхъ благъ составъ капитала (т. е. взаимное отношеніе между тѣми частями капитала, которыя затрачены на матеріалы и на заработную плату) одинаковъ? Чтобы убѣдиться въ томъ, насколько составъ капитала можетъ быть различенъ, стоитъ сравнить капиталъ ювелира или часовщика съ капиталомъ булочника или сапожника.

Наконецъ, самое дѣленіе на стадіи является у Родбертуса крайне искусственнымъ, такъ какъ не всѣ блага проходятъ черезъ одинаковое количество стадій и, кромѣ того, каждая стадія можетъ быть различной продолжительности: одинъ продуктъ можетъ быть готовъ только послѣ многихъ лѣтъ (лѣсъ); другой—уже послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ (хлѣбъ), дней, или даже часовъ (каменный уголь) [2]). Въ связи съ этимъ различается и продолжительность оборота капитала, которая оказываетъ очень значительное вліяніе на цѣнность. Чтобы нагляднѣе выяснить это вліяніе, представимъ себѣ два предпріятія съ 10 рабочими въ каждомъ и предположимъ, что—caeteris paribus—капиталъ, затрачиваемый на матерьялы и на заработную плату въ первомъ

[1]) Lexis, l. c., 464.
[2]) Zuns, l. c., 9.

предпріятіи, совершаетъ пять оборотовъ въ годъ; капиталъ, затрачиваемый во второмъ, — одинъ оборотъ. Выражая это въ цифрахъ, мы получаемъ слѣдующую таблицу:

	Матерьялъ.	Зар пл.	Прибыль.	Цѣнность
I	1,000	1,000	40	2,040
II	1,000	1,000	200	2,200

Здѣсь цѣнность продукта, приходящагося на одного рабочаго, въ первомъ предпріятіи=204; во второмъ==220.

Обратимся къ той части капитала, которая состоитъ изъ орудій. Здѣсь Родбертусъ вовсе упускаетъ изъ виду то чрезвычайно важное обстоятельство, что съ замѣною дурныхъ орудій лучшими и съ уменьшеніемъ количества непосредственнаго труда доля орудій въ цѣнности капитала все болѣе и болѣе растетъ, и что вслѣдствіе этого растетъ и цѣнность постояннаго капитала, приходящагося на одного рабочаго. При этомъ хотя къ цѣнности матерьяла присоединяется лишь часть цѣнности орудія, но прибыль получается со всей цѣнности его, что также оказываетъ значительно видоизмѣняющее вліяніе на цѣнность. Постараемся пояснить это цифровымъ примѣромъ [1]):

	Пост. кап.	Зараб плата.	Прибыль.	Цѣнность.
До улучшенія орудія	2,000	1,000	300	1,300
Послѣ его улучшенія	3,000	500	350	850

[1]) Мы оставляемъ безъ вниманія долю цѣнности постояннаго капитала, которая входитъ въ цѣнность продукта.

Итакъ, до улучшенія цѣнность продукта, приходящагося на одного рабочаго=130; послѣ улучшенія она=170. Поэтому и предѣлы выгодности введенія новаго орудія ближе, чѣмъ думаетъ Родбертусъ[1]): этимъ объясняется, почему возможность примѣненія усовершенствованныхъ машинъ зависитъ и отъ высоты заработной платы.

До сихъ поръ мы разсматривали въ отдѣльности вліяніе каждаго изъ обстоятельствъ, отклоняющихъ цѣнность отъ нормальнаго уровня. Въ дѣйствительности цѣнность есть результатъ ихъ общаго дѣйствія; вліяніе состава капитала видоизмѣняется вліяніемъ продолжительности оборота капитала, причемъ вліяніе одного изъ этихъ факторовъ можетъ противодѣйствовать вліянію другого, но можетъ и усиливать его[2]).

---

[1]) Das Kapital, 10; См. также Lexis, l. c., 463.

[2]) Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ проф Чупрова, что вліяніе одного изъ этихъ факторовъ всегда уничтожается вліяніемъ другого и что, въ силу этого, цѣнность всегда приходитъ въ соотвѣтствіе съ трудомъ.

Такой смыслъ мы придаемъ словамъ проф. Чупрова, когда онъ по поводу вліянія различій въ составѣ капитала на цѣнность говоритъ: (Политическая Экономія, Москва, 1892, 302—303). «Такъ какъ между тѣмъ конкуренція не можетъ допустить прочнаго неравенства въ процентѣ на капиталъ, то необходимо должны явиться, будто бы, въ цѣнѣ товаровъ отступленія отъ законовъ мѣновой цѣнности; чтобы быть въ равныхъ условіяхъ относительно дохода, булочникъ долженъ продавать свои издѣлія дешевле, а фабрикантъ дороже, чѣмъ слѣдовало бы по количеству затраченнаго труда. Однако, представленное ходячее возраженіе упускаетъ, на нашъ взглядъ, изъ виду дѣйствительныя усло-

По отношенію къ промежуточнымъ стадіямъ обрабатывающей промышленности Родбертусъ, какъ мы знаемъ, признаетъ отклоненіе цѣнности отъ нормальной цѣнности. Для того чтобы уровень прибыли на всѣхъ стадіяхъ былъ одинаковъ, цѣнность продукта послѣд-

---

вія уравненія процента.... При данной стоимости содержанія рабочей силы сумма валовой прибыли, доставляемой отдѣльнымъ предпріятіемъ, будетъ, согласно изложенной выше теоріи, пропорціональна числу рабочихъ и, слѣдовательно, величинѣ капитала, употребляемаго на наемъ ихъ. Но каково будетъ процентное отношеніе полученной въ данномъ предпріятіи валовой прибыли къ затраченному капиталу, это зависитъ не отъ одной величины капитала, а также и отъ другихъ обстоятельствъ, изъ которыхъ особую важность имѣетъ продолжительность оборота капитала. Предпріятіе, издерживающее весь капиталъ единственно на наемъ рабочихъ, и другое предпріятіе, въ которомъ только половина капитала тратится на рабочихъ, а другая половина на матеріалы и орудія, могутъ принести на затраченный капиталъ совершенно одинаковый процентъ, если только въ послѣднемъ предпріятіи время оборота капитала будетъ вдвое короче противъ перваго».

Если проф. Чупровъ хочетъ этимъ сказать, что различіе въ времени оборота капитала иногда можетъ уничтожать дѣйствіе различій въ составѣ капитала, и что, слѣдовательно, въ другихъ случаяхъ оно можетъ и не уничтожать его,—то слова его неопровержимы; но тогда они и не могутъ служить отвѣтомъ на приводимое проф. Чупровымъ возраженіе и, напротивъ, заключаютъ въ себѣ новое возраженіе. Такимъ отвѣтомъ они могли бы служить лишь въ томъ случаѣ, если-бы совокупное дѣйствіе всѣхъ факторовъ всегда приводило цѣнность въ соотвѣтствіе съ трудомъ. Поэтому мы сочли себя вправѣ приписать приведеннымъ словамъ указанный въ началѣ этого примѣчанія смыслъ. Между тѣмъ, стоитъ намъ представить себѣ, что время оборота капитала вдвое больше не въ первомъ, а во

ней стадіи должна подняться выше нормальной цѣнности, цѣнность продукта болѣе раннихъ стадій—ниже ея [1]) Дѣйствительно, если мы возьмемъ приведенную нами выше таблицу, то увидимъ, что

цѣнность продукта первой стадіи—1[illegible])
» » второй » —1_1
» » третьей » —133,1
» » четвертой » —146,41.

Цѣнность готоваго продукта=510,51, а такъ какъ по мнѣнію Родбертуса, эта цѣнность есть нормальная цѣнность, соотвѣтствующая труду 40 рабочихъ, то, слѣдовательно, нормальная цѣнность продукта 10 рабочихъ составляетъ $\frac{510,51}{4}$=127,6275. Но, спрашивается, почему именно 127,6275 составляютъ нормальную цѣнность продукта 10 рабочихъ, почему не 110, или 121, или 131,1, или вообще любое другое число? Положеніе Родбертуса, что цѣнность готоваго продукта, а не цѣнность продукта одной изъ промежуточныхъ стадій, соотвѣтствуетъ нормальной цѣнности, вполнѣ произвольно [2]).

Но, какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ изъ него вытекаетъ, что цѣнность продукта первой стадіи

второмъ предпріятіи,—и дѣйствіе каждаго изъ факторовъ будетъ не уничтожаться, но усиливаться дѣйствіемъ другого. Сказанное примѣняется и ко всѣмъ другимъ обстоятельствамъ на которыя проф. Чупровъ указываетъ на стр. 304 (увеличеніе интенсивности труда, расширеніе размѣровъ производства, примѣненіе сотрудничества, введеніе лучшихъ орудій).

[1]) Das Kapital, 15. [2]) См выше стр. 97—98.

ниже нормальной цѣнности. Земледѣліе, какъ говоритъ самъ Родбертусъ, и есть эта первая стадія. Между тѣмъ, онъ здѣсь утверждаетъ, что цѣнность продуктовъ земледѣлія также соотвѣтствуетъ нормальной цѣнности. Почему-же это? А потому, что уже нормальная цѣнность, говоритъ онъ, въ общемъ достаточна для покрытія всей суммы рентъ, получаемыхъ при современномъ строѣ на всѣхъ ступеняхъ производства какого-нибудь блага [1]). Но вѣдь уже на слѣдующей страницѣ онъ утверждаетъ, что причину возникновенія ренты надо искать не въ цѣнности, но въ производительности [2]): отсюда, казалось бы, вытекаетъ, что всякая цѣнность достаточна для доставленія всѣхъ рентъ, если только трудъ достаточно производителенъ?!

Этимъ то путемъ у Родбертуса получается, что нормальная цѣнность можетъ быть положена въ основаніе теоріи распредѣленія, такъ какъ она является наиболѣе индифферентною [3]). Остается только вопросъ: индифферентною для кого? Никакъ не для землевладѣльцевъ и капиталистовъ, такъ какъ, какъ признаетъ самъ Родбертусъ, поднятіе цѣнности однихъ благъ соотвѣтствовало бы паденію цѣнности другихъ и, такимъ образомъ, направило бы ренту изъ кармановъ однихъ въ карманы другихъ [4]): а здѣсь вся суть заключается въ томъ, въ чей карманъ попадетъ рента; это-то и есть тотъ вопросъ, разрѣшеніе котораго требуется.

---

[1]) Das Kapital, 12—13; 16. [2]) Das Kapital, 14.
[3]) Das Kapital, 23, [4]) Zur Erkenntniss, 131—132.

ПРИЛОЖЕНІЕ

(къ стр. 178).

Разсмотримъ нѣкоторые изъ упрековъ, дѣлаемыхъ Родбертусомъ Рикардо.

Одною изъ основныхъ посылокъ ученія Родбертуса о распредѣленіи является положеніе, что заработная плата, поземельная рента и прибыль представляютъ изъ себя виды дохода. «Землевладѣльцы, капиталисты и рабочіе хотятъ жить на этотъ доходъ, т. е. посредствомъ него удовлетворять свои непосредственныя человѣческія потребности: блага, которыя входятъ въ составъ этого дохода, должны быть годны для этого». Поэтому эти виды дохода должны разсматриваться какъ результатъ всѣхъ тѣхъ видовъ труда, которыя необходимы для приведенія тѣхъ благъ, изъ которыхъ они состоятъ, въ готовый видъ. Вслѣдствіе раздѣленія труда общество становится неразрывнымъ цѣлымъ. Поэтому нельзя разсматривать заработную плату, прибыль и поземельную ренту, получаемыя въ земледѣліи, какъ

работную-же плату и прибыль, получаемыя въ обрабатывающей промышленности,—какъ результатъ одного только мануфактурнаго труда. [1]) Между тѣмъ эту ошибку дѣлаютъ политико-экономы, въ томъ числѣ и Рикардо, и въ этой ошибкѣ Родбертусъ видитъ причину того, что они не могли найти правильныхъ законовъ, опредѣляющихъ высоту частей ренты [2]).

Положеніе, что заработная плата, прибыль и поземельная рента представляютъ изъ себя доходъ, что онѣ сообразно съ этимъ являются общимъ результатомъ всѣхъ тѣхъ видовъ труда, которые необходимы для приведенія благъ въ готовый видъ—положеніе это, безъ сомнѣнія, само по себѣ вѣрно и имѣетъ первостепенное значеніе въ ученіи объ обращеніи народнаго капитала и дохода; поэтому, оно играетъ важную роль при объясненіи ренты изъ производитель-

---

[1]) Zur Beleuchtung, I, 25—26; 32, 72—73. Господствующая школа, по словамъ Родбертуса, «разорвала на клочки то, что вслѣдствіе раздѣленія труда связано въ одно неразрывное цѣлое, нѣчто соціальное, то, что можетъ возникнуть лишь при предположеніи такого цѣлаго»; «исходя изъ этихъ клочковъ, изъ индивидуалистическаго участія этихъ отдѣльныхъ лицъ», она [«хотѣла вновь подняться къ понятію цѣлаго... Она поступала такъ, какъ будто общество составляло лишь сумму хозяйственныхъ единицъ, математическое, но не хозяйственное, т. е. соціальное цѣлое, какъ будто само государственное хозяйство представляло изъ себя аггрегатъ индивидуальныхъ хозяйствъ, а не органическое хозяйство» (Ibid, 26) См. Das Kapital, passim. Roscher, Grundlagen, § 148, прим. 3, стр. 401.

[2]) Zur Beleuchtung, I, 160.

результатъ одного только земледѣльческаго труда; заности труда[1]). Но при изслѣдованіи высоты тѣхъ долей продукта, которыя приходятся на заработную плату, прибыль и поземельную ренту, т. е. при изслѣдованіи ихъ уровня, оно приводитъ къ разсмотрѣнной нами въ предыдущихъ очеркахъ точкѣ зрѣнія Смита. Смитъ, какъ мы знаемъ, смотрѣлъ на заработную плату, прибыль и поземельную ренту съ точки зрѣнія богатства, съ точки зрѣнія абсолютнаго количества продукта, достающагося каждому классу общества, и поэтому-то онъ и запутался въ теоріи цѣнности и распредѣленія.

Одной изъ величайшихъ заслугъ Рикардо является именно то, что онъ заработную плату, прибыль и поземельную ренту привелъ къ одному знаменателю и что этимъ знаменателемъ у него является трудъ, а не какое нибудь матеріальное благо: только этимъ путемъ и можно было положить правильный фундаментъ ученію о высотѣ составныхъ частей цѣнности. Между тѣмъ, если держаться такой точки зрѣнія, какъ Рикардо, то совершенно безразлично, результатомъ какого труда являются заработная плата и т. д., земледѣльческаго, мануфактурнаго или обоихъ вмѣстѣ. Важно лишь то, что они заключаютъ въ себѣ такое то количество — безразлично какого — труда, и что сообразно съ этимъ они обладаютъ цѣнностью извѣстной высоты.

---

[1]) Zur. Erkenntniss, 67—71; 141—145. Только въ этомъ смыслѣ можно согласиться съ Адлеромъ (Adler, l. c. 26).

Родбертусъ самъ указываетъ на различіе указанныхъ двухъ точекъ зрѣнія. Такъ, онъ говоритъ, что рента и заработная плата суть доли въ продуктѣ (Antheile am Produkt), что величина этихъ долей служитъ показателемъ высоты ихъ цѣнности; что заработную плату можно разсматривать не только въ смыслѣ доли въ продуктѣ, но и въ смыслѣ количества благъ, входящихъ въ ея составъ, но что эти двѣ точки зрѣнія надо различать, такъ какъ заработная плата можетъ быть высокою въ одномъ отношеніи и низкою въ другомъ [1]); вмѣстѣ съ тѣмъ онъ—въ прямомъ противорѣчіи съ самимъ собою—ставитъ Рикардо въ величайшую заслугу то обстоятельство, что онъ «впервые выставилъ понятіе относительной заработной платы [2])», т. е. заработной платы, какъ доли продукта. Мало того, въ основаніи ученія Родбертуса лежитъ именно та точка зрѣнія [3]), на которую

---

[1]) Zur Beleuchtung, I, 33—34, п 5, 6, 7; Zur Erkenntniss 90a—93. См. Сочиненія Рикардо, гл. I, отд. VII. На такое же различіе Родбертусъ указываетъ и по отношенію къ прибыли: «при вычисленіи прибыли на капиталъ нельзя разсматривать ее какъ извѣстную совокупность натуральныхъ благъ, но какъ извѣстную цѣнность, которая ставится въ отношеніе къ цѣнности капитала» (Zur Erkenntniss, 80)

[2]) Zur Beleuchtung, I, 24.

[3]) Нѣсколько страницъ послѣ того, какъ Родбертусъ указалъ на необходимость разсматривать заработную плату и т. д., какъ доходъ, онъ говоритъ: «Лишь настолько, насколько земледѣльческій трудъ опредѣляетъ цѣнность сырого продукта, онъ опредѣляетъ величину той части со-

онъ нападалъ, что выразилось между прочимъ въ слѣдующемъ: основную причину всѣхъ соціальныхъ золъ онъ видитъ не въ томъ, что заработная плата падаетъ всегда до уровня предметовъ необходимости, но въ томъ, что съ ростомъ производительности труда она становится все меньшею и меньшею долею въ продуктѣ.

Мы такъ долго останавливались на этомъ вопросѣ, потому что онъ даетъ намъ наглядный примѣръ того, какое неправильное толкованіе Родбертусъ придавалъ иногда ученію Рикардо.

Другимъ примѣромъ можемъ служить слѣдующее: Родбертусъ приписываетъ Рикардо мнѣніе, будто вслѣдствіе уменьшающейся производительности почвы доля заработной платы въ продуктѣ растетъ и доля прибыли вслѣдствіе этого падаетъ. Рикардо при этомъ будто бы упустилъ изъ виду, что паденіе доли при-

---

зданнаго сообща земледѣльческимъ и мануфактурнымъ трудомъ общественнаго дохода, которая можетъ составить поземельную ренту; настолько же и мануфактурный трудъ опредѣляетъ величину той части этого общественнаго дохода, которая, за покрытіемъ заработной платы, можетъ составить прибыль на капиталъ. Но цѣнность результатовъ каждаго изъ этихъ видовъ труда еще не есть тотъ доходъ, который получаетъ собственникъ этихъ результатовъ, но составляетъ лишь мѣрило для его ликвидаціи». (Zur Beleuchtung, I, 74). Но вѣдь въ вопросѣ объ уровнѣ составныхъ частей ренты только это и важно, какъ признаетъ и самъ Родбертусъ, когда онъ говоритъ, напр.: «Я предполагаю, что, такъ какъ рента дѣлится сообразно съ цѣнностью сырого и мануфактурнаго продукта и т. д» (Ibid., 107; см. также 105)

были обусловлено въ несравненно высшей степени поднятіемъ доли поземельной ренты, чѣмъ заработной платы [1]), что «какъ на долю рабочаго, такъ и на долю капиталиста остается въ видѣ заработной платы и прибыли все меньшая часть національнаго продукта» [2]).

Между тѣмъ, эти именно выводы составляютъ существенную часть и специфическую особенность ученія Рикардо, по мнѣнію котораго «выгоды землевладѣльцевъ всегда противоположны выгодамъ потребителя и мануфактуриста», и «всѣ классы, за исключеніемъ землевладѣльцевъ, понесутъ потери вслѣдствіе возрастанія цѣны хлѣба» [3]). Мало того, Рикардо прямо заявляетъ, что между увеличеніемъ ренты и увеличеніемъ заработной платы есть та существенная разница, что повышеніе выраженной въ трудѣ цѣнности ренты сопровождается возрастаніемъ ея, какъ доли продукта, въ то время какъ заработная плата, поднимаясь въ цѣнности, падаетъ, какъ доля продукта [4]). Рикардо нигдѣ не говоритъ, какъ это приписываетъ ему Родбертусъ [5]), что заработная плата растетъ въ одинаковой пропорціи съ поземельною рентою. Наконецъ, и изъ таблицы, приведенной у Рикардо въ

---

[1]) Zur Beleuchtung, I, 2 и слѣд.; Zur Erkenntniss, 106 и слѣд. Совсѣмъ иначе въ Das Kapital, 32.

[2]) Zur Beleuchtung, I, стр. 3, 7.

[3]) Рикардо, гл. 24, стр. 213.

[4]) Ibid., гл. 5, 53; гл. 6, 69; гл. 24, 212, 213

[5]) Zur Beleuchtung, I, 6.

главѣ о прибыли [1]), ясно обнаруживается, что съ переходомъ къ худшимъ землямъ и къ менѣе производительнымъ приложеніямъ капитала на долю заработной платы + прибыли приходится все меньшая часть продукта.

[1]) Рикардо, гл. 6, стр. 63, прим.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

I. Адамъ Смитъ 1

Введеніе 3

I. Ученіе Смита объ источникахъ богатства 6

Формула богатства у Смита (6).—Ученіе физіократовъ о богатствѣ (7).—Формула Смита заимствована у физіократовъ (9).—Трудъ и природа какъ источники богатства у Смита (10).—Разсмотрѣніе нѣкоторыхъ противорѣчащихъ этому мѣстъ у Смита (13).—Заслуга Смита въ сравненіи съ физіократами (16).

II. Ученіе Смита объ источникахъ цѣнности 18

Отожествленіе цѣнности и богатства у физіократовъ и у Смита (18).—Трудъ и природа какъ источники цѣнности у Смита (22).—Теорія поземельной ренты Смита (23).—Лежащее въ основаніи ея отожествленіе спроса на пищу и предложенія труда; физіократическое происхожденіе этого отожествленія (26).

III. Ученіе Смита о мѣрилѣ цѣнности 28

Физіократическое происхожденіе ученія Смита о трудѣ и о хлѣбѣ, какъ мѣрилахъ цѣнности (28).

IV. Ученіе Смита о высотѣ цѣнности 35

При первоначальномъ состояніи общества (35); послѣ прекращенія этого состоянія (35).—Двѣ вер-

стр.

сіи Смита о связи между высотою цѣнности и ея составныхъ частей (36). — Первая версія. высота цѣнности опредѣляется высотою составныхъ частей ея (37).—Вторая версія: высота цѣнности опредѣляетъ высоту прибыли (37).—Оцѣнка первой версіи (40).—Оцѣнка второй версіи (42).—Задача ученія о цѣнности послѣ Смита (43).

Примѣчанія . . . . . 44—66

II. Давидъ Рикардо 67

Введеніе 69

I. Ученіе Рикардо о высотѣ цѣнности 71

Абстракціи, которыя привели Рикардо къ ученію, что цѣнность опредѣляется количествомъ потраченнаго труда (71).—Первая абстракція: исключеніе изъ области изслѣдованія предметовъ, заимствующихъ мѣновую цѣнность изъ рѣдкости (72).—Вторая абстракція: исключеніе изъ изслѣдованія вліянія на цѣнность измѣненій заработной платы и различій въ пропорціи постояннаго капитала, въ его прочности и во времени, необходимомъ для доставки товара на рынокъ (73) —Третья абстракція: исключеніе изъ изслѣдованія колебаній рыночной цѣнности (81).—Результатъ, къ которому привели эти три абстракціи (84).

II. Ученіе Рикардо о мѣрилѣ цѣнности 85

Цѣнность, какъ понятіе относительное (86) и какъ понятіе абсолютное (89).—Рикардо опредѣляетъ цѣнность какъ понятіе относительное, но ставитъ себѣ задачею изслѣдовать абсолютную цѣнность (90).—Абстракціи, которыя привели Рикардо къ ученію, что трудъ есть мѣрило цѣнности (93).—Значеніе второй абстракціи въ вопросѣ о трудѣ, какъ мѣрилѣ цѣнности (95).—Цѣнность и богатство (100) — Значеніе, какое Рикардо придавалъ труду, какъ мѣрилу цѣнности (102).

стр.

Заключеніе 103

Причина неудачи Смита при изслѣдованіи высоты цѣнности и связи между высотою цѣнности и составныхъ частей ея (104).—Значеніе абстрактнаго характера ученія Рикардо о цѣнности (105).—Отсутствіе у Рикардо ученія объ источникѣ цѣнности и о происхожденіи прибыли (106).

III. Карлъ Родбертусъ Ягецовъ 109

Введеніе 111

I. Ученіе Родбертуса о физическомъ трудѣ, какъ единственномъ хозяйственномъ факторѣ производства 114

Область изслѣдованія политической экономіи по Родбертусу (115).—Ученіе Родбертуса, что всѣ хозяйственныя блага стоятъ 1) труда и 2) одного только труда (116) — Оцѣнка перваго положенія (120). — Оцѣнка второго положенія (123). — Планъ будущаго соціальнаго строя у Родбертуса (125).—Оцѣнка ученія Родбертуса, что хозяйственнымъ факторомъ производства является лишь физическій трудъ (129).—Значеніе ученія Родбертуса о трудѣ, какъ единственномъ факторѣ производства (133).—Проводимое Родбертусомъ различіе между капиталомъ въ тѣсномъ и въ широкомъ смыслѣ (137), и между «издержками производства благъ» и «издержками предпріятія» (139).

II. Ученіе Родбертуса о мѣрилѣ цѣнности 140

Изложеніе этого ученія —Цѣнность какъ понятіе относительное (140).—Внѣшнее сравненіе и измѣреніе (142).—Мѣрило цѣнности (143).—Его непримѣнимость (144).—Случаи, въ которыхъ оно необходимо (145).—Случаи, въ которыхъ можно ограничится «показателемъ цѣнности» (147). Первый случай (147).—Предположенія, при которыхъ трудъ можетъ служить показателемъ цѣнности (149) —Остальные случаи.

стр.

трудъ, какъ показатель цѣнности (151).—Цѣнность у Родбертуса, какъ и у Рикардо, превращается изъ понятія относительнаго въ понятіе абсолютное (154).

III. Ученіе Родбертуса о «естественной» или «нормальной» цѣнности и о колебаніяхъ рыночной цѣнности 156

Переворотъ въ ученіи о цѣнности со времени Рикардо (157). — Недостатки теорій, основывающихъ цѣнность на трудѣ (160).—Ученіе Родбертуса о «нормальной» или «естественной» цѣнности (162).—Ученіе Родбертуса о колебаніяхъ рыночной цѣнности (167). — Оцѣнка ученія Родбертуса, что рыночная цѣнность стремится къ совпаденію съ «издержками производства благъ» (174).

IV. Ученіе Родбертуса о видоизмѣняющемъ вліяніи закона уравненія прибыли на цѣнность 177

Родбертусъ и Рикардо (177).— Теорія распредѣленія Родбертуса (178).—Послѣдовательность, въ которой должны быть изучаемы законы распредѣленія (179).—Ученіе Родбертуса о происхожденіи ренты (184).—Оцѣнка этого ученія (189).— Ученіе Родбертуса о дѣленіи ренты на поземельную ренту и прибыль на капиталъ (192).—Оцѣнка этого ученія (194).— Ученіе Родбертуса о дѣленіи прибыли на капиталъ между отдѣльными капиталистами (201).— Оцѣнка этого ученія (205).

Приложеніе къ стр. 178 213

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
70	1 снизу	Logie	Logic.
72	15 »	подумали	подумали,
73	21 »	производствва	производства
—	15 »	Риккардо	Рикардо
94	13 сверху	производства	производство
114	7 снизу	цодробное	подробное
123	6 сверху	функцій»?	функцій»?[1])
135	8 снизу	Oeeonomie	Oekonomie
138	18 »	tbe	the
139	3 »	Beleeuhtung	Beleuchtung
148	8 »	Anschaung	Anschauung
169	8 сверху	оборотѣ	оборотѣ,
171	1 снизу	акже	также
173	9 сверху	«нормальномъ	«нормальномъ»
211	16 »	131,1	133,1